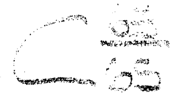

Лит. С. Т. Еремѣева, Кіевъ

БІОГРАФІИ
ГРЕЧЕСКИХЪ И РИМСКИХЪ КЛАССИКОВЪ,

съ указаніемъ

на содержаніе важнѣйшихъ ихъ произведеній и нѣкоторыми приложеніями.

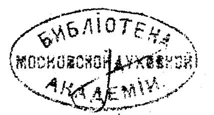
(Настольная книга для воспитанниковъ гимназій).

Составилъ

В. Крыжановскій.

Съ 9-ю литографированными рисунками и 2-мя группами бюстовъ

ГЛАВНѢЙШИХЪ ГРЕЧЕСКИХЪ И РИМСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

КІЕВЪ.
Типографія С. Т. Еремѣева.
1877.

Предисловіе.

Предлагаемое изданіе имѣетъ главнымъ образомъ назначеніе—служить пособіемъ воспитанникамъ классическихъ гимназій при чтеніи греческихъ и римскихъ писателей. Представляя собою сборникъ краткихъ біографій всѣхъ авторовъ, которые назначены учебными планами Министерства Народнаго Просвѣщенія для чтенія въ классическихъ гимназіяхъ, оно указываетъ также и на нѣкоторыхъ другихъ, имена которыхъ тѣсно связаны съ развитіемъ или упадкомъ литературы древняго классическаго міра. Кромѣ значенія учебнаго пособія для приступающихъ къ чтенію классическихъ писателей, оно служитъ также настольной книгой для воспитанниковъ высшихъ классовъ. Какъ во время классныхъ занятій, такъ особенно во время испытаній въ концѣ учебнаго года когда каждая минута дорога, такая книга имѣетъ весьма важное значеніе, потому что избавляетъ отъ необходимости собирать нужныя свѣдѣнія по разнымъ болѣе или менѣе обширнымъ сочиненіямъ о древней литературѣ, а слѣдовательно и отъ неразлучной съ этими поисками потери времени. Наконецъ въ приложеніяхъ помѣщенныхъ въ концѣ книги, воспитанники могутъ найти различныя указанія, необходимыя для болѣе основательнаго изученія древнихъ авторовъ, особенно тѣхъ, которыхъ читаютъ въ высшихъ классахъ. Такъ при чтеніи трагедій Софокла является

необходимымъ знакомство съ происхожденіемъ греческой драмы, съ устройствомъ театра,—а также необходима параллель между греческой драмой и римской; съ цѣлью дать необходимыя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, въ настоящемъ изданіи помѣщены прибавленія, составленныя по литературнымъ отдѣламъ въ исторіи Шлосера и по исторіи древней и новой литературы, изданной подъ редакціей А. Милюкова. Объ устройствѣ греческаго театра сдѣлано извлеченіе изъ знаменитыхъ лекцій А. В. Шлегеля, при чемъ для большей наглядности приложены нѣкоторые рисунки. Къ «Горацію» сдѣлано приложеніе о размѣрѣ его одъ и нѣкоторыя другія необходимыя указанія.

Сочиненія, по которымъ составлено предлагаемое пособіе.

1) Исторія древней и новой литературы, составленная по лучшимъ историческимъ сочиненіямъ и изданная подъ редакціей А. Милюкова.

2) Исторія Греціи и Рима А. Вегнера.

3) Миѳы классической древности, Г. В. Штоля, въ переводѣ В. И. Покровскаго и П. А. Медвѣдева.

4) Краткій очеркъ исторіи греческой литературы А. Маркова-Виноградскаго.

5) Литературные отдѣлы во всемірной исторіи Шлоссера томъ, 1-й и 2-й.

1.
2.
7.
3.
4
8.
5
6

I.

ГРЕЧЕСКІЙ

ЭПОСЪ.

ЭПОСЪ.

I. ДОГОМЕРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ.

Миөическій и начало героическаго періода.

§ 1. Начало греческой культуры относитсяк ъ тому миөическому періоду, въ которомъ теряются воспоминанія всѣхъ народовъ. Совершенно естественнымъ является это обстоятельство, если мы примемъ во вниманіе природную даровитость и дѣятельный характеръ Грековъ. Понятно также и то, что дѣла начинающейся цивилизаціи нашли весьма скоро поэтическій отзывъ въ восторженныхъ словахъ талантливыхъ людей. Если поэтическая производительность явилась у Грековъ весьма рано, то прежде всего она должна была выказаться въ непосредственномъ изліяніи народнаго чувства въ формѣ народной пѣсни. Такимъ образомъ уже въ древнѣйшія времена были веселыя и жалобныя пѣсни, къ которымъ присоединялись еще богослужебные гимны. Но не смотря на несомнѣнность весьма ранняго существованія у Грековъ народныхъ пѣснопѣній, а слѣдовательно и пѣвцовъ, спеціальныя извѣстія о поэтахъ и поэтическихъ произведеніяхъ этого періода не могутъ имѣть никакого историческаго значенія. Многіе древніе писатели указываютъ на нѣкоторыхъ пѣвцовъ, этого времени—(Демодока, Музея, Орфея и др.) и называютъ ихъ догомерическими поэтами. Опираясь на ихъ указанія можно связать имена этихъ

людей съ полусвященнической, полуполитической дѣятельностью передовыхъ людей миѳическаго періода, но опредѣленнаго ничего изъ этихъ указаній вынесть нельзя. Преданія объ этихъ пѣвцахъ и прорицателяхъ можно поставить на одну доску съ сказаніями о художникахъ Дедалѣ и Смилисѣ и о прорицающихъ сивиллахъ; но во всякомъ случаѣ изъ за мрачно-туманнаго покрывала, которое лежитъ на всѣхъ дѣяніяхъ миѳическаго періода, проглядываетъ понятіе о начаткахъ культуры, разрабатывающейся подъ неизбѣжнымъ гнетомъ противныхъ условій.

Развитіе греческой поэмы.

§ 2. Троянская война, которою заканчивается героическій періодъ греческой исторіи, представляла собою такое явленіе, которое не могло не повлiять и на характеръ произведеній поэтическихъ. Весь цвѣтъ Греціи выступилъ въ этой борьбѣ Троянъ и Ахеянъ, героизмъ Грековъ выказался во время осады, длившейся 10 лѣтъ,—все это должно было дать неистощимый матеріалъ для поэтическихъ вдохновеній и отодвинуть совершенно на задній планъ прежнія баснословныя сказанія. Пѣсни троянско-ахейскаго цикла, повѣствовавшія о подвигахъ героевъ, находили всегда самыхъ восторженныхъ слушателей между малоазіатскими греками, которые по своей культурѣ опередили европейскихъ, поэтому можно достовѣрно утверждать, что національная героическая поэма возникла между ними, особенно въ Іоніи.

Дѣти Эллады, беззаботно выросшія подъ мягкимъ небомъ Іоніи, полны были невиннаго любопытства и дѣтской воспріимчивости, а потому жадно прислушивались къ исторіи мужей и героевъ, которая сильно привлекала ихъ новизной, красотой и величіемъ. Поэты, поощряемые вниманіемъ народнымъ, продолжали пользоваться этими сказаніями для своихъ повѣствованій, составленныхъ большею частью въ формѣ пѣсенъ, и такимъ образомъ изъ сказанія мало-по-малу развилась эпическая поэма. Разсказъ, какъ требовалъ того отроческій возрастъ народа,

полонъ содержанія, чувственenъ, разнообразенъ и подробенъ. Чтобы дѣйствіе отражалось въ пѣснѣ, чтобы каждый образъ выступалъ ясно и живо, чтобы въ отдѣльныхъ частяхъ проявлялось цѣлое, чтобы, однимъ словомъ, величественный міръ героевъ двигался, облитый яснымъ блескомъ поэзіи,—вотъ къ чему стремился эпическій поэтъ, какъ человѣкъ, въ могучей и свѣтлой фантазіи котораго порываются высказаться живые, одухотворенные сюжеты. Этому стремленію вполнѣ соотвѣтствовало іоническое нарѣчіе.

Ῥαψῳδοί, (народные пѣвцы).

§ 3. Первоначальной формой пѣнія *рапсодовъ* былъ речитативъ. Рапсоды, это были поэты-бандуристы, заступившіе мѣсто священническихъ пѣвцовъ догомерическаго времени. Они перенесли поэтическую рѣчь изъ туманной области мистическихъ представленій въ свѣтлый и прекрасный міръ героической и народной жизни. Рапсоды эти, переходя изъ города въ городъ, изъ дома въ домъ, всегда находили самый радушный пріемъ и вездѣ разсказывали внимательному кружку слушателей про старину, большей частью о трагической гибели Трои. Такимъ образомъ возникъ эпосъ греческій и образовались двѣ большія героическія поэмы, дошедшія до насъ подъ названіями Иліады и Одиссеи *). Написаны онѣ дактилическимъ гекзаметромъ **). Авторомъ ихъ считается *Гомеръ*.

2. ГОМЕРЪ

(«Ὅμηρος, θεῖος ποιητής») (900 л. до Р. Хр.).

Его жизнь и значеніе между современниками.

§ 4. О времени жизни Гомера нѣтъ никакихъ точныхъ указаній, но обыкновенно полагаютъ, что онъ жилъ 100 лѣтъ спустя послѣ разрушенія Трои (1200 до Р. X). Такимъ образомъ время его существованія относятъ къ 1100 г. до Р. Хр.,

*) Первый печатный экземпляръ Гомера явился въ 1488 году во Флоренціи, изданный Халкондиломъ. До тѣхъ поръ были рукописи.

(**) —∪∪|—∪∪|—"∪∪|—∪∪|—∪∪|—∪)

но если обратить вниманіе на то, что греческія колоніи въ Малой Азіи достигли самаго цвѣтущаго состоянія за 900 лѣтъ до Р. Х., то и время жизни его можно отнести къ этому періоду. Потребность эстетическихъ наслажденій должна была сильнѣе проявиться въ Іонійскихъ и другихъ малоазіатскихъ греческихъ колоніяхъ, чѣмъ въ ихъ метрополіяхъ, гдѣ въ это время господствовалъ періодъ общественнаго броженія, которое всего менѣе способствуетъ проявленію и развитію спокойнаго, безстрастнаго эпоса. Кромѣ того нарѣчіе, господствующее въ произведеніяхъ Гомера, есть іонійское. Поэтому отечествомъ его можно считать малоазіатскую Іонію, гдѣ процвѣтали многіе богатые города. Семь городовъ *) спорили за честь назваться отечествомъ Гомера, названія ихъ заключаются въ слѣдующемъ гекзаметрѣ: «Σμύρνα, Ῥόδος, Κολοφών, Σαλαμίς, Χίος, Ἄργος, Ἀθῆναι». Сказаніемъ о Гомерѣ замыкается героическій періодъ греческой исторіи.

Уваженіе и любовь, которыми пользовался Гомеръ, были весьма велики. Онъ своею пѣснью и игрою на лирѣ радовалъ сердца слушателей, какъ знатныхъ, такъ и простолюдиновъ. Повсюду, гдѣ онъ ни появлялся, никому не оказывали большаго почета, какъ ему. Онъ слѣпъ; настоящая жизнь со всѣми своими явленіями ему недоступна; но зато богатое прошедшее, прочувствованное, осмысленное имъ, является въ его вдохновенной рѣчи полное жизни. Слава его росла все болѣе и

*) Вольфъ отвергаетъ существованіе Гомера и приписываетъ сочиненіе „Одиссеи" и „Иліады" цѣлому ряду рапсодовъ. Мнѣніе его нашло весьма многихъ послѣдователей, въ числѣ которыхъ былъ и Гете; но впослѣдствіе онъ отказался отъ этого мнѣнія. Шиллеръ-же приходилъ въ негодованіе противъ теоріи Вольфа и написалъ противъ него слѣдующую эпиграмму въ своихъ „Ксеніяхъ":

„Семь городовъ спорятъ о чести быть мѣстомъ рожденья Гомера.

„Вотъ его волкъ (Вольфъ) разорвалъ, такъ пусть каждый возьметъ по кусочку".

болѣе, переходя изъ устъ въ уста, изъ города въ городъ, чему еще болѣе способствовала страсть къ путешествіямъ и большая подвижность Грековъ того періода. Не только отдѣльныя индивидуумы, но цѣлыя племена, гонимыя нуждой, отправлялись изъ одного мѣста въ другое искать лучшихъ мѣстъ для жительства. Всѣ эти переселенцы и въ новыхъ странахъ разсказывали о томъ, какъ двигаетъ слѣпой поэтъ сердца людей своею звонкою лирой и чарующими повѣствованіями. Такимъ образомъ въ Гомерѣ мы видимъ представителя греческихъ рапсодовъ.

ПОЭМЫ ГОМЕРА.

«Иліада» (Ἰλιάς) и «Одиссея» (Ὀδύσσεια).

Значеніе этихъ поэмъ для Греціи въ различныя эпохи ея истор. періода и для настоящаго времени.

§ 5. Обѣ поэмы Гомера переносятъ насъ къ тотъ вѣкъ, когда героическій періодъ Греціи оканчивался. Два отдѣльные міра сливаются въ этихъ поэмахъ: дивное прошедшее, которое повидимому было весьма близко и дорого поэту и дѣйствительность, окружавшая его. Благодаря этому сліянію прошедшаго съ настоящимъ, и то и другое много выигриваетъ: первое украшается, послѣднее дѣлается болѣе созерцательнымъ, что и придастъ главнымъ образомъ поэмамъ Гомера прелесть только имъ свойственную. Популярность поэмъ этихъ была особенно велика въ началѣ историческаго періода, впослѣдствіе же, когда государственное устройство измѣнилось, когда во всей Греціи установился республиканскій гражданскій строй, то и древнія героическія сказанія необходимо должны были сдѣлаться чуждыми народу, круто перемѣнившему весь строй своей гражданской жизни, и дѣйствительно, поэмы Гомера были на нѣкоторое время преданы забвенію. Но когда Грекамъ стало все болѣе и болѣе грозить возраставшее могущество Персовъ, то Солонъ, а послѣ него Пизистратъ и его преемники, желая возбудить мужество и патріотизмъ Грековъ, реставрировали поэмы

Гомера, которыя своимъ содержаніемъ болѣе всего могли возвысить духъ ихъ и воодушевить для такихъ-же подвиговъ, какими отличались герои Трои. Такимъ образомъ тогда эти поэмы получили какъ литературное, такъ ближайшее патріотическое значеніе. Насъ-же творенія Гомера поражаютъ величественностью картины той героической жизни, которая такъ полно отразилась въ нихъ. Въ этихъ твореніяхъ цѣлый міръ, свѣтлый и прекрасный, развивается передъ нами богатою, живою, вѣчнодвижущеюся картиной.

Краткій обзоръ обстоятельствъ предшествовавшихъ тѣмъ событіямъ, которыя излагаются въ Иліадѣ *).

§ 6. Къ югу отъ Геллеспонта на азіатскомъ берегу синѣютъ разнообразныя очертанія горъ. Двѣ рѣчки, Скамандръ и Симоисъ, орошаютъ равнину, которая идетъ отъ подошвы горы Иды къ морю; цѣпь невысокихъ холмовъ разнообразитъ мѣстность, а покрывающая ихъ растительность не знаетъ ни снѣга ни льда. Среди этой роскошной равнины стоялъ знаменитый Иліонъ, называемый еще Троей. Боги сами помогали постройкѣ его стѣнъ (Аполлонъ и Посейдонъ). Стѣны эти устояли даже тогда, когда Гераклъ вторгся въ городъ и разрушилъ его въ наказаніе за то, что царь Лаомедонтъ не выполнилъ условій, которыя заключилъ съ богами относительно вознагражденія за постройку стѣнъ. Преемникомъ Лаомедонта былъ Пріамъ, («купленный»),—прежде онъ назывался Подаркъ, но когда Гераклъ перебилъ всѣхъ сыновей Лаомедонта и только его одного согласился оставить въ живыхъ, благодаря заступничеству его сестры Гезіоны, которая дала за него выкупъ, то онъ сталъ называться Пріамомъ. При немъ расширилось могущество и увеличилось богатство Трои. Многочисленное потомство сыновей и внуковъ, прелестныхъ дочерей и внучекъ украшало старость Пріама. Сосѣдніе народы, дивясь его могуществу и богатству, искали у него покровительства и дружбы.

Изъ 50 сыновей его самыми мужественными были: Гекторъ Деифобъ, Полибъ, Троилъ (самый младшій) и прекрас-

*) По Вегнеру.

ный Парисъ; а изъ дочерей: Креуза, Поликсена и вѣщая Кассандра. Въ тѣ патріархальныя времена было не въ диковину, если царскія дѣти сами присматривали за богатствами отца, сами занимались хозяйствомъ и пасли стада.

Этимъ дѣломъ занимался у Пріама Парисъ. Однажды въ виду стада, отдыхавшаго по склонамъ Иды, Парисъ лежалъ подъ тѣнистымъ деревомъ, и тихо напѣвая, любовался зрѣлищемъ роднаго города, который разстилался у ногъ его, и обильными пастбищами отцовскими, которыя зеленымъ цвѣтистымъ ковромъ спускались по скатамъ; онъ глядѣлъ въ даль гдѣ серебромъ переливалось на солнцѣ вѣчно прекрасное море, плескаясь о прибрежные камни и нагоняя струю за струей на песчаный берегъ. Вдругъ, видитъ онъ, свѣтлое облако несется все ближе и ближе, и прямо къ нему. Когда онъ разглядѣлъ его поближе, то увидѣлъ, что то была сіяющая золотомъ колесница, везомая быстрыми, крылатыми, неземными конями. Воздушная колесница остановилась подлѣ и вдругъ около него очутились три богини. Юноша сейчасъ узналъ ихъ. Это были: Гера (сестра и супруга Зевса), въ вѣнцѣ изъ блистающихъ звѣздъ, Аѳина-Паллада (богиня войны и разума), въ шлемѣ, съ печатью мудрости на челѣ и воинственностью во взглядѣ и осанкѣ и наконецъ Афродита (богиня любви), во всемъ сіяньи красоты, владычица смертныхъ и боговъ самихъ. Гермесъ (посолъ боговъ), посредникъ между людьми и безсмертными богами, выступилъ впередъ и объяснилъ Парису, что богини явились къ нему, посланныя Зевсомъ за тѣмъ, чтобы онъ разсудилъ, которая изъ нихъ прекраснѣйшая, какъ знатокъ женской красоты. Разсказалъ онъ ему и о случившемся во время свадьбы Ѳетиды, *) богини морской,-той самой на которой если бы женился Зевсъ, то отъ этого брака, по предсказанью прикованнаго на Кавказѣ Прометея, долженъ былъ ро-

*) Мать Ахилла.

диться сынъ, который поступилъ бы съ Зевсомъ также, какъ онъ поступилъ съ Кроносомъ, т. е. низвергъ бы его въ Тартаръ и сталъ бы самъ править міромъ;—испуганный этимъ Зевсъ и выдалъ ее за царя Мирмидоновъ Пелея. На эту свадьбу, отпразднованную въ Өессалійскомъ городѣ Өтіи, богиня Эриса, (богиня спора и раздора), одна изъ безсмертныхъ не была приглашена Пелеемъ, по забывчивости. Это оскорбило богиню, и вотъ она въ гнѣвѣ рѣшилась отмстить, посѣявши раздоръ между богинями. Съ этой цѣлью, во время самаго разгара пира, бросила она среди пировавшихъ золотое яблоко съ надписью: «прекраснѣйшей». Всѣ три богини хотѣли принять этотъ даръ, такъ какъ каждая считала себя прекраснѣйшей. Выслушавши этотъ разсказъ Парисъ не зналъ на что ему рѣшиться: всѣ три богини были однаково прелестны, а которой нибудь надо было отдать предпочтеніе. Видя его недоумѣніе и нерѣшительность, каждая изъ богинь стала привлекать его на свою сторону различными, одно другаго обольстителнѣйшими обѣщаніями. «Я тебѣ дамъ, сказала Гера, надъ цѣлой Азіею власть». «А я сдѣлаю мудрѣйшимъ и славнѣйшимъ изъ людей», такъ рекла ему Аөина. «Ни могущества, ни славы я тебѣ, мой другъ, не дамъ, но прекраснѣйшей изъ смертныхъ награжу тебя женой», таково было обѣщаніе Афродиты, и оно больше всего пришлось по сердцу юноши Париса. Не думая долго о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя могло вызвать его рѣшеніе, онъ отдаетъ яблоко Афродитѣ. Въ ту же минуту всѣ три богини умчались на своихъ крылатыхъ коняхъ: Афродита, сіяя отъ радости удовлетвореннаго тщеславія, Аөина же и Гера, раздраженныя, какъ противъ Афродиты, такъ и противъ Париса.

Прошло много времени, пока наконецъ Афродита исполнила свое обѣщаніе. Однажды Парисъ находился на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ впервые явились ему богини: вдругъ предъ нимъ явилась Афродита и сказала: «тамъ на западѣ, въ Элладѣ, даръ обѣщанный найдешь, отправляйся же

немедля ты въ лаконскій городъ Спарту и Атрида Менелая, царя ея, тамъ отыщи, у него въ чертогѣ свѣтломъ, найдешь красавицу жену». Парисъ тотчасъ же отправился и послѣ спокойнаго плаванія прибылъ къ берегамъ Лаконіи.—Приглашенный гостепріимнымъ Менелаемъ, онъ пробылъ у него довольно долгое время. Съ самаго начала, когда онъ увидѣлъ супругу Менелая—Елену, онъ узналъ въ ней ту, которую, обѣщала ему богиня. Красота ея напоминала Афродиту, и это окончательно его убѣдило въ томъ, что это она именно предназначена ему въ жены. Дни шли за днями, а ни онъ, ни Менелай, радушный и чуждый всякаго коварства, не замѣчали этого. Увеселеніямъ небыло конца; но однажды, по поводу какого-то торжества на островѣ Критѣ, Менелай отправился туда. Въ его отсутствіе исполнилось роковое обѣщаніе Афродиты: Елена, увлеченная Парисомъ, сѣла на корабль и вмѣстѣ съ нимъ уѣхала въ Трою. Гнѣвная Гера тотчасъ же отправила Ириду (посланница богини, олицетворенная радуга) извѣстить о случившемся добродушнаго Менелая. Сильно разгнѣванный царь рѣшился жестоко отмстить за такое вѣроломство; на помощь онъ призвалъ Агамемнона царя Микенскаго, своего брата, и друга Нестора, царя Пилоса, весьма опытнаго въ военномъ дѣлѣ и мудраго совѣтника.

Несторъ вмѣстѣ съ мудрымъ Паламедомъ краснорѣчиво объяснилъ всѣмъ собравшимся на совѣтъ царямъ и героямъ что въ лицѣ Менелая нанесено оскорбленіе всей Греціи, и несмотря на то, что многія обстоятельства побуждали вождей народныхъ не браться за это дѣло, такъ какъ и путь къ Иліону лежалъ далекій, и могущество его было велико, все таки краснорѣчіемъ своимъ они успѣли склонить всѣхъ къ принятію участія въ этомъ походѣ.

Оставалось еще склонить къ тому же и Ахиллеса, могучаго сына Пелея и Ѳетиды. Вѣщая мать его *) знала, что

*) По другимъ сказаніямъ, она узнала это отъ оракула.

онъ или долго и невозмутимо будетъ наслаждаться семейной жизнью, или стяжаетъ себѣ необычайную славу военными подвигами, но за то въ послѣднемъ случаѣ будетъ коротко его жизненное поприще. Предпочитая первое, она отправила его на островъ Сиросъ, къ царю Ликомеду, и тамъ росъ онъ между дочерьми царскими, не отличаясь отъ нихъ ни одеждой ни образомъ жизни. Несмотря на то, что мѣстопребываніе его удалось узнать искавшимъ его героямъ, отличить его отъ дочерей царскихъ нельзя было никакъ. Только Одиссею, при помощи хитрости, удалось открыть его. Онъ разложилъ сначала дорогія одежды, ожерелья и прочія драгоцѣнности, которыя они захватили съ собою; а потомъ, схвативши оружіе, положилъ его рядомъ, и потрясая обнаженнымъ мечемъ, сталъ вызывать противника на бой. Ахиллесъ не выдержалъ, сорвалъ съ себя женскія платья, и схвативши оружіе, бросился на Одиссея. Такимъ путемъ открыли герои Ахиллеса и тотчасъ-же предложили ему принять участіе въ ихъ предпріятіи. Несмотря на всѣ просьбы матери, напоминавшей ему о пророчествѣ, онъ принялъ предложеніе, предпочтя жизнь короткую, но полную славныхъ подвиговъ.—Сборнымъ пунктомъ всѣхъ дружинъ была Авлидская бухта въ Беотіи, противъ острова Эвбеи.

Агамемнонъ («εὐρυκρείων» — пространнодержавный, его эпитетъ) всѣхъ превосходилъ своимъ богатствомъ и могуществомъ. Его храбрая дружина прибыла изъ Микенъ на 100 корабляхъ, кромѣ того еще на 50 прибыла дружина изъ подвластной ему Аркадіи. *Менелай* (ἀρηΐφιλος=воинственный) прибылъ съ 60 кораблями, Несторъ (ἱππότα=возница) съ 90 кораблями; были тамъ 80 кораблей Идоменея Критскаго, и столько-же храбраго Діомеда Аргосскаго, Одиссей (πολύμητις=многоумный=хитроумный) привелъ изъ Итаки всего 12 кораблей, но зато съ нимъ безотлучна была его хитрость, Аяксъ - же Теламонидъ, приведшій столько же кораблей, отличался непомѣрной силой и крѣпостью. Легковооруженные локридцы яви-

лись подъ предводительствомъ Аякса Оилида, Аѳиняне прибыли подъ начальствомъ Менесѳея. Войска мирмидонцевъ явились на 50 корабляхъ и подобно своему царю Ахиллу отличались необычайнымъ мужествомъ. Всѣхъ кораблей собралось до 1200, войска же было 100000 человѣкъ. Противные вѣтры, поднятые богиней Артемидой, помѣшали флоту двинуться немедленно. Верховный жрецъ, Калхасъ, возвѣстилъ, что оскорбленная богиня требуетъ въ жертву чистую дѣву, и именно дочь Агамемнона, Ифигенію. Отецъ покорился необходимости и отозвалъ свою дочь отъ матери Клитемнестры изъ Микенъ. Когда надъ несчастной Ифигеніей былъ уже занесенъ жертвенный ножъ, и Артемида увидѣла что ей безпрекословно повинуются, то въ ту-же минуту скрыла ее въ облакѣ и перенесла въ глазахъ народа въ Тавриду, гдѣ сдѣлала ее своей жрицей. Тамъ впослѣдствіи она узнала своего брата Ореста, который скитался по свѣту, мучимый Эринніями, и только благодаря мольбамъ своей непорочной сестры, былъ очищенъ Артемидой отъ крови въ которую преступно омочилъ свои руки, убивши мать, Клитемнестру,—убійцу отца его. Послѣ пріятной богинѣ жертвы подулъ попутный вѣтеръ, греческій флотъ благополучно прибылъ къ мѣсту назначенія и остановился у острова Тенедоса, который отдѣлялся отъ троянскаго берега однимъ только узкимъ проливомъ. Отсюда отправили Одиссея и Менелая въ Трою, требовать возврата Елены и захваченныхъ сокровищъ. Когда эти доблестные мужи возвратились безъ успѣха назадъ, то флотъ двинулся далѣе и высадился на берегъ. Осада тянулась цѣлыхъ десять лѣтъ. Крѣпкія стѣны города не позволяли и думать о взятіи его приступомъ, обложить же его со всѣхъ сторонъ и голодомъ принудить къ сдачѣ было невозможно, по причинѣ обширности города. Союзныя войска и военные припасы имѣли безпрепятственный доступъ въ городъ. Греки вытащили свои корабли на берегъ и расположились возлѣ нихъ лагеремъ.

Обширная поляна, разстилавшаяся отъ стѣнъ Трои до кораблей Ахейскихъ, служила мѣстомъ стычекъ отдѣльныхъ отрядовъ троянскихъ и греческихъ. Конечно стычки эти не были вовсе похожи на наши теперешнія сраженія. Толпами сходились непріятели, вожди отличались передъ прочими воинами лучшими доспѣхами и большей стремительностью и храбростью во время нападенія. Сражались они на колесницахъ, или спрыгнувши на землю, впереди своихъ дружинъ. Главнымъ оружіемъ было копье, которое служило большей частью для метанія, за копьемъ слѣдовали пращи или просто каменья, и наконецъ, воины схватывались съ мѣдными обоюдоострыми мечами въ рукахъ. Голову воина покрывалъ шлемъ съ развѣвавшимся на немъ конскимъ хвостомъ; на лѣвой рукѣ щитъ; на груди—панцырь. Всѣ доспѣхи дѣлались изъ буйволовой кожи, большею частью покрытой снаружи желѣзомъ или мѣдью. Дрались въ одиночку, часто обращаясь другъ къ другу съ рѣчью среди боя, и въ этихъ рѣчахъ обнаруживали чувства, управлявшія ими, и мужество одушевлявшее ихъ. Все это ни мало не похоже на позднѣйшій способъ сраженія греческихъ ратей, когда сомкнутыми строями, щитъ къ щиту и копье къ копью, дружины устремлялись, повинуясь одной волѣ и одной мысли,—и безчисленныя толпы варваровъ бѣжали отъ напора ихъ.—Въ лагерѣ осаждающихъ не было порядка въ снабженіи войска необходимыми припасами. Воины толпами выходили изъ лагеря, грабили окрестныя селенія, забирались далеко въ глубь страны, гдѣ они находили легкую и богатую добычу. Особенно отличался Ахиллесъ съ своимъ отрядомъ: онъ разграбилъ 12 городовъ по берегамъ и 11 внутри страны, и собралъ несмѣтную добычу. Въ открытомъ бою онъ отличался не менѣе; отъ его меча палъ не одинъ изъ сыновей Пріама. Изъ Трои не рѣшались дѣлать вылазокъ, когда знали что онъ въ лагерѣ. Но вскорѣ возникло несогласіе между нимъ и Агамемнономъ, что было весьма выгодно для Троянцевъ.

Содержание Иліады *). § 7. Въ Иліадѣ воспѣвается главнымъ образомъ гнѣвъ Ахиллеса. Повѣствуется здѣсь о томъ, что было причиной гнѣва, что претерпѣли Греки вслѣдствіе этого раздора между вождями, что побудило Ахиллеса примириться съ Агамемнономъ и снова взяться за оружіе, и наконецъ о томъ, какъ отличался Ахиллесъ послѣ этого примиренія, какъ разбилъ Троянцевъ на всѣхъ пунктахъ и какъ убилъ Гектора.

Вообще цѣль Иліады—это прославленіе оскорбленнаго Ахиллеса. Иліада начинается воззваніемъ къ богинѣ. Дѣйствія, описываемыя въ ней происходили въ концѣ девятаго и въ началѣ десятаго года осады; онѣ обнимаютъ. 51 день, изъ которыхъ 21 составляетъ предметъ первой книги этой поэмы, 22 послѣдней, а остальные обнимаютъ дѣйствія 8-ми дней.

Книга I-я.

Агамемнонъ съ насмѣшкою прогналъ отъ себя Хризея, жреца Аполлонова (Троянца), который пришелъ къ нему, чтобы выкупить свою дочь Хризеиду. Жрецъ призвалъ на Ахеянъ гнѣвъ Аполлона, который въ гнѣвѣ поразилъ ихъ страшною язвою. Вожди ахейскіе и весь народъ пришли въ уныніе: наконецъ Ахиллесъ сзываетъ всѣхъ вождей и все войско на вѣче народное. Калхасъ объявляетъ имъ, что только выдача Хризеиды можетъ прекратить ужасную язву; но Агамемнонъ, согласившись выдать ее, хочетъ вознаградить себя, съ этою цѣлью онъ насильно отнимаетъ у Ахиллеса Бризеиду, которую тотъ очень любилъ. Ахиллесъ сначала хотѣлъ было поразить Агамемнона своимъ могучимъ мечемъ, но Аѳина—Паллада удержала его и онъ началъ грозить тѣмъ, что броситъ ахейское войско и удалится со всей дружиной въ свой родной городъ Ѳтію. Когда-же, несмотря на всѣ его угрозы, герольды Агамемнона отняли у него Бризеиду, то, оскорбленный до глу-

*) Содержаніе „Иліады“ и далѣе „Одиссеи“ заимствовано изъ исторіи древней и новой литературы, изданной подъ редакціей Милюкова.

бины души такимъ неблагороднымъ поступкомъ, онъ отправился на отдаленный берегъ моря, чтобы тамъ потужить на просторѣ. Мать его Ѳетида услыхала жалобы своего сына, вышла, какъ легкое облако, изъ воды морской и спросила его о причинѣ его горя. Когда она узнала объ обидѣ, нанесенной ея любимому сыну, то сейчасъ-же рѣшилась отправиться на Олимпъ и просить защиты у метателя молній, Зевса. Между тѣмъ Хризеида была возвращена отцу и Аполлону принесли жертву, моля простить Ахеянъ и отвратить страшное бѣдствіе, которое погубило уже многихъ изъ нихъ. Сребролукій Фебъ-Аполлонъ внялъ ихъ мольбамъ и язва прекратилась.—Ѳетида хотѣла сейчасъ-же обратиться къ Зевсу, но боги были въ это время въ гостяхъ у эѳіоповъ; когда-же черезъ 12 дней они возвратились на Олимпъ, Ѳетида рано вынырнула изъ пучины морской, съ раннимъ туманомъ взошла на Олимпъ и стала молить владыку людей и боговъ Зевса, отомстить ахейцамъ за оскорбленіе ея милаго сына. Зевсъ обѣщаетъ ей исполнить ея просьбу и въ знакъ согласія мигаетъ бровями *), отъ этого мановенія содрогнулся весь Олимпъ. Лишь только узнала Гера о посѣщеніи Ѳетиды и о ея просьбѣ, то горькими упреками стала осыпать своего супруга. Но могучій Зевсъ пришелъ въ страшный гнѣвъ и пригрозилъ ей, что наложитъ на нее свои могучія руки; этотъ раздоръ между Зевсомъ и Герой привелъ было въ большее уныніе всѣхъ остальныхъ боговъ, какъ вдругъ появился хромой Гефестъ: ковылянья его были такъ уморительны, что даже самъ Зевсъ не могъ удержаться отъ смѣха, и весь Олимпъ огласился неумолчнымъ хохотомъ безсмертныхъ.

Книга II-я.

На слѣдующую ночь Зевсъ посылаетъ сновидѣніе Агамемнону, въ которомъ повелѣваетъ возобновить битву и обѣщаетъ

*) Статуя Фидія, Зевесъ олимпійскій, представляетъ именно этотъ моментъ.

побѣду. Сдѣлалъ-же онъ это для того, чтобы исполнить обѣщаніе, данное Θетидѣ и отомстить за Ахиллеса.—Обрадованный Агамемнонъ собираетъ войска, и желая испытать ихъ мужество, притворно совѣтуетъ имъ возвратиться на родину. Ахейцы, утомленные войною, бросились было къ кораблямъ, но многоумный Одиссей послѣ большихъ усилій успѣваетъ разубѣдить ихъ. Когда уже все собраніе успокоилось и всѣ сидѣли по мѣстамъ, одинъ только Θерситъ каркалъ, празднословный говоря непристойно о царяхъ; вообще онъ всегда позволялъ себѣ всякія безчинныя и дерзкія рѣчи, лишь-бы потѣшить народъ. Но на этотъ разъ крикливому и горбатому пустозвону не посчастливилось, такъ какъ Одиссей пе милосердно отколотилъ его палкой, къ немалому удовольствію всѣхъ присутствующихъ. Вслѣдъ за тѣмъ вожди собрали свои дружины и вышли на поле битвы. Затѣмъ слѣдуетъ каталогъ кораблей, въ которомъ перечисляются корабли, вожди и народы обѣихъ воюющихъ стороны.

Книга III-я.

Происходитъ сраженіе. Парисъ вызываетъ на единоборство Менелая, но когда Менелай принялъ вызовъ, онъ испугался и скрылся. Пристыженный Гекторомъ, онъ вызвалъ Менелая во второй разъ; послѣдній принимаетъ опять вызовъ съ условіемъ, что побѣдитель получитъ Елену и сокровища, но при томъ требуетъ, чтобы этотъ договоръ былъ скрѣпленъ обѣщаніемъ Пріама. Между тѣмъ Пріамъ и другіе старцы троянскіе смотрѣли со Скейскихъ воротъ на битву, и Елена указывала имъ и называла знаменитѣйшихъ вождей ахейскихъ. Отсюда позвали его на поле битвы, гдѣ договоръ былъ освященъ жертвоприношеніемъ. Въ слѣдующемъ за тѣмъ поединкѣ Парисъ былъ побѣжденъ и спасся, только благодаря Афродитѣ, которая его невредимаго переноситъ въ свѣтлицу Елены. Агамемнонъ признаетъ побѣдителемъ Менелая и требуетъ исполненія договора.

Книга IV-я.

Зевсъ, по желанію Геры, осуждаетъ Трою на гибель. Аѳина, посланная имъ, побуждаетъ троянца Пандара пустить въ Менелая стрѣлу. Когда такимъ образомъ перемиріе было нарушено, Агамемнонъ приказываетъ войскамъ снова напасть на вѣроломныхъ защитниковъ Трои. Битва возобновилась еще съ большимъ остервененіемъ съ обѣихъ сторонъ и многіе храбрые герои пали въ окровавленный прахъ.

Книга V-я.

Могучій Діомедъ, воспламененный Аѳиною, врывается въ густые ряды троянцевъ, убиваетъ Пандара, ранитъ Энея и «владычицу смѣховъ» Киприду (Афродиту), которая послѣ этого сейчасъ-же уѣзжаетъ на небо, въ колесницѣ своего брата Арея. Небожители подсмѣиваются надъ раненной богиней. Энея, оставленнаго Афродитой и все еще преслѣдуемаго Діомедомъ, Аполлонъ уноситъ въ свой пергамскій храмъ. На помощь троянцамъ является Арей (Марсъ); на подмогу-же Ахейцамъ являются Гера и Аѳина, и Діомедъ, подкрѣпленный новымъ порывомъ мужества, ранилъ самого мужеубійцу Арея.

Книга VI-я.

Послѣ того боги, по повелѣнію Зевса, предоставили Грековъ и Троянцевъ ихъ собственнымъ силамъ и удалились на Олимпъ. Битва продолжалась, но съ явнымъ перевѣсомъ на сторонѣ Ахеянъ длинноволосыхъ; тогда Гекторъ хотѣлъ было возвратиться въ городъ вмѣстѣ со всѣми троянскими героями, но предсказатель Геленъ (сынъ Пріама) убѣждаетъ Гектора оставить свое намѣреніе и принесть только жертву Аѳинѣ-Палладѣ, говоря, что въ такомъ случаѣ побѣдятъ Троянцы. Гекторъ приказываетъ возобновить битву, самъ же отправляется въ городъ и проситъ Гекабу (свою мать) вмѣстѣ съ

остальными троянками обратиться съ мольбою къ Аѳинѣ-Палладѣ; между тѣмъ Діомедъ встрѣчается съ Главкомъ, начинаетъ съ нимъ разговаривать на полѣ битвы, и вспомнивши о дружбѣ своихъ отцовъ, они обмѣниваются оружіемъ. Между-тѣмъ Гекторъ отправляется къ Парису и побуждаетъ его снова выдти на бой; потомъ спѣшитъ къ Скейскимъ воротамъ, прощается тамъ съ своей супругой Андромахой, поручаетъ защитѣ боговъ маленькаго сына Астіанакса, который весьма испугался, когда онъ нагнулся, чтобы поцѣловать его, въ своемъ косматомъ шлемѣ, и возвращается на поле битвы вмѣстѣ съ Парисомъ, который въ пышныхъ доспѣхахъ подошелъ въ это время.

Книга VII-я.

Гэленъ совѣтуетъ Гектору вызвать на поединокъ Ахейца. На вызовъ явились 9 героевъ, бросили жребій, кому биться съ Гекторомъ, и эта честь выпала на долю Теламонида Аякса. Оба героя весело начали битву; бой продолжался до вечера съ равнымъ успѣхомъ для обоихъ,—наконецъ ночная тьма помѣшала имъ. Герои помѣнялись оружіемъ и отложили бой до слѣдующаго дня. Послѣ того они возвратились каждый въ свой станъ, неся полученные дары: Гекторъ—пурпуровый поясъ, Аяксъ-же мечъ, окованный серебряными гвоздями, со всѣмъ приборомъ къ нему. Послѣ ужина Несторъ совѣтуетъ ахейцамъ прекратить на время бой: не биться на слѣдующій день, а употребить его на погребеніе павшихъ и отдыхъ живымъ. Кромѣ того, онъ совѣтуетъ имъ окружить лагерь стѣною и рвомъ. Между тѣмъ Антеноръ убѣждаетъ троянцевъ выдачей Елены покончить войну, но противъ этого возстаетъ Парисъ. Весь слѣдующій день Ахейцы употребили на постройку стѣнъ и удивили даже безсмертныхъ, покончивъ это дѣло до заката солнца.

Книга VIII-я.

На слѣдующее утро возобновилась битва. Подъ страхомъ ужаснаго наказанія Зевсъ запретилъ богамъ принимать учас-

тіе въ битвѣ, самъ-же взвѣсилъ жребій Троянъ и Ахеянъ. Когда онъ увидѣлъ, что жребій Грековъ опустился до самой земли, а жребій Трои поднялся къ звѣздному небу, то въ тоже мгновеніе его перуны загрохотали съ Иды и змѣистая молнія поразила войска Ахеянъ. Страшно потѣснили тутъ Троянцы рать ахейскую: Гера и Паллада—Аѳина ринулись было на помощь Ахейцамъ, но посланная Зевсомъ Ирида повелѣваетъ имъ отъ его имени возвратиться назадъ. Трояне одержали побѣду; Гекторъ съ прочими Троянцами расположился на ночь въ виду ахейскаго лагеря, и для большей безопасности велѣлъ развести сторожевые костры. Кони героевъ были привязаны къ колесницамъ, гдѣ имъ засыпали обильный кормъ.

Книга IX-я.

Ахеяне проводятъ ночь въ страхѣ и безпокойствѣ. Агамемнонъ, отчаявшись въ успѣхѣ войны, на совѣтѣ царей подаетъ голосъ въ пользу бѣгства, но Діомедъ и Несторъ противятся этому и отправляютъ къ Ахиллесу посольство, во главѣ котораго стали Одиссей и Фениксъ; но несмотря на всѣ просьбы Феникса, своего стариннаго друга, несмотря на убѣжденія хитроумнаго Одиссея, Ахиллесъ не соглашается принять участіе въ общемъ дѣлѣ.

Книга X-я.

На слѣдующую ночь Менелаю и Агамемнону не спится. И вотъ поднимаются они, идутъ будить остальныхъ героевъ ахейскихъ и начинаютъ совѣщаться о томъ, что имъ дѣлать. Наконецъ порѣшили на томъ, чтобы послать Діомеда и Одиссея лазутчиками въ станъ троянцевъ. Они немедленно отправляются. По дорогѣ попался имъ въ руки Долонъ, соглядатай троянскій, которому они обѣщаютъ подарить жизнь, если только онъ разскажетъ имъ о положеніи троянскаго лагеря. Когда

онъ разсказалъ имъ все, что они хотѣли узнать, они убили его и отправились въ лагерь троянскій. Пробравшись туда, герои убиваютъ Ѳракійскаго царя Реза и его 12 союзниковъ, прибывшихъ на помощь троянцамъ, и уводятъ славныхъ коней резовыхъ, которые, по предсказанью, могли спасти Трою еслибы только напились воды изъ троянской рѣки-Скамандра. Вслѣдъ за тѣмъ Аѳина увлекаетъ Діомеда и Одиссея изъ лагеря, опасаясь, чтобы Аполлонъ не разбудилъ троянцевъ. Удальцы возвратились на захваченныхъ коняхъ назадъ и послѣ привѣтствій, которыми ихъ осыпали всѣ герои, усѣлись за трапезу и совершили возліяніе изъ чаши Аѳины. Вино казалось имъ теперь слаще меда.

Книга XI-я.

На слѣдующее утро бой загорѣлся снова; въ полдень ахейцы прорвали было ряды троянцевъ, но подоспѣвшій Гекторъ потѣснилъ ихъ опять. Герои бѣгутъ къ кораблямъ, Діомедъ, Одиссей, Агамемнонъ, Махаонъ и Эврипилъ ранены. Ахиллесъ посылаетъ Патрокла узнать, въ какомъ положеніи рать ахейская. Когда Патроклъ приблизился къ Нестору, то послѣдній сталъ горько жаловаться на несчастное положеніе греческой рати и умолять Патрокла убѣдить Ахиллеса помочь Ахеянамъ, или позволить покрайней мѣрѣ Патроклу показаться въ его доспѣхахъ.

Книга XII-я.

Ахеяне заперлись внутри своихъ окоповъ, надѣясь такимъ образомъ избавиться отъ враговъ, слѣдовавшихъ за ними по пятамъ; но это имъ не удается: Сарпедонъ пробиваетъ брешъ въ стѣнѣ. Въ это же время Гекторъ огромнымъ камнемъ выбиваетъ ворота и вмѣстѣ съ другими героями врывается въ лагерь. На ахейцевъ напалъ паническій страхъ и они бросились бѣжать къ кораблямъ.

Книга XIII-я

Даровавъ побѣду ахеянамъ, Зевсъ обратилъ свои взоры къ дальнему западу. Воспользовавшись этимъ, Посейдонъ отправляется на своей колесницѣ къ Троѣ. Взыграли страшилища бездны, вокругъ колесницы заскакали киты, узнавая своего владыку: радостно подъ нимъ море разстилалось, а гордые кони бодро летѣли, зыбей морскихъ не касаясь мѣдною осью... Принявъ видъ Калхаса, Посейдонъ ободряетъ ахеянъ. Оба Аякса и другіе герои бросаются на Гектора, но не могутъ удержать могучаго сына Пріама: онъ побѣдоносно двигается впередъ. Оба войска испустили громовой крикъ, который дошелъ до Эѳира и свѣтлаго Зевсова чертога.

Книга XIV-я.

Испуганный этимъ крикомъ, Несторъ выбѣгаетъ изъ палатки, его встрѣчаютъ раненые вожди: Агамемнонъ, Діомедъ и Одиссей, которые не смотря на страданія отъ ранъ, идутъ ободрить рать ахейскую. Въ это время Гера, чтобы Посейдонъ могъ удобнѣе помогать ахеянамъ, одѣвши поясъ Афродиты, усыпляетъ Зевса. Въ пылу битвы Аяксъ попалъ въ Гектора камнемъ. Трояне отступаютъ, унося съ собою раненаго вождя.

Книга XV-я.

Но въ это самое время Зевсъ просыпается, и видя, что троянцы бѣгутъ, а ахейцы торжествуютъ, уличаетъ коварную Геру и грозно приказываетъ ей позвать Ириду и Аполлона, чтобы отозвать Посейдона и помочь Гектору. Потомъ онъ предсказываетъ непреложную судьбу этой войны и говоритъ, что до тѣхъ поръ будутъ торжествовать Трояне, пока онъ не отомститъ Ахеянамъ за оскорбленіе Ахиллеса и не прославитъ послѣдняго, согласно обѣщанію, которое далъ Ѳетидѣ. Апол-

лонъ подкрѣпляетъ Гектора и онъ, бросившись опять въ бой, оттѣсняетъ Ахейцевъ къ самымъ кораблямъ, гдѣ начинается бѣшеная схватка.

Аяксъ обороняется своимъ огромнымъ корабельнымъ копьемъ, перепрыгивая съ палубы на палубу; Гекторъ-же, схвативши факелъ поджигаетъ одинъ корабль.

Книга XVI-я.

Въ это время является Патроклъ, котораго отпустилъ Ахиллесъ, давши позволеніе повесть въ битву 5 дружинъ своего отряда. Появленіе Патрокла ободряетъ Ахеянъ и троянцы бѣгутъ за валъ. Могучій Сарпедонъ падаетъ, пораженный Патрокломъ. Главкъ, котораго онъ избралъ своимъ мстителемъ, соединяется съ Гекторомъ и другими вождями; Патроклъ-же съ Аяксами. Страшный бой происходитъ у тѣла Сарпедона; многіе герои уже пали, самъ Гекторъ бѣжитъ, оставляя тѣло друга на поруганіе врагамъ. Торжествующій Патроклъ забываетъ всякую осторожность и выбѣгаетъ за валъ, желая овладѣть самыми стѣнами Трои; но Аполлонъ оглушаетъ его страшнымъ крикомъ, и обезоруживаетъ; наконецъ онъ падаетъ, пораженный Эвфорбомъ и Гекторомъ, и душа его тихо отлетаетъ въ Адъ, плача о своемъ жалкомъ жребіи.

Книга XVII-я.

Гекторъ обнажаетъ трупъ Патрокла, Менелай зоветъ Аяксовъ на защиту тѣла несчастнаго юноши; происходитъ страшная схватка за тѣло друга Ахиллесова и ахейскимъ героямъ удается наконецъ унесть его; но Трояне гонятся за ними, разятъ храбрыхъ ахеянъ и обращаютъ наконецъ ихъ въ постыдное бѣгство.

Книга XVIII-я.

Между тѣмъ Антилохъ возвѣщаетъ Ахиллесу о смерти его друга Патрокла. Ахиллесъ предается самому глубокому

отчаянію. Θетида, услышавъ рыданія своего сына, выходитъ изъ пучины морской съ цѣлымъ сонмомъ нереидъ и обѣщаетъ достать ему новые доспѣхи у Гефеста. Между тѣмъ бой у трупа Патроклова возобновляется и Гекторъ овладѣлъ уже имъ: какъ вдругъ появился Ахиллесъ и навелъ паническій ужасъ на Троянцевъ, которые бросили тѣло и побѣжали. Ахеяне унесли трупъ въ палатку Ахиллеса и цѣлую ночь надъ нимъ раздавались рыданія воиновъ. На слѣдующее утро тѣло омыли, умастили различными благовоніями и положили на погребальный одръ. Въ это время Θетида отправилась къ Гефесту и, по ея просьбѣ, онъ приготовилъ новое оружіе для Ахиллеса, особенно много старанія приложилъ онъ при отдѣлкѣ щита, образцоваго произведенія божественнаго искусства. Θетида спѣшитъ съ этими доспѣхами къ сѣтующему сыну.

Книга XIX-я.

Ахиллесъ въ это время громко рыдалъ надъ трупомъ друга, но лишь только увидѣлъ оружіе, принесенное ему матерью, онъ схватилъ его, и объятый жаждою мести, выбѣжалъ изъ палатки и громкимъ голосомъ велѣлъ созвать всѣхъ вождей. Въ это время Θетида обрызгала трупъ Патрокла амвросіей, чтобы предохранить его отъ разложенія. Вскорѣ собрались всѣ герои и Ахиллесъ объявилъ имъ, что перестаетъ гнѣваться и требуетъ битвы безъ отлагательствъ. Народъ радуется примиренію вождей. Агамемнонъ предъ всѣмъ собраніемъ признаетъ себя виновнымъ, но оправдывается тѣмъ, что боги помрачили его разумъ. Передъ битвой, по совѣту Одиссея, всѣ подкрѣпляютъ свои силы яствами и питьемъ, а также Ахиллесъ, въ знакъ примиренія, принимаетъ дары и Бризеиду. Но ничто его не радуетъ; прежде всего онъ хочетъ отомстить за смерть друга. Зевсъ, сожалѣя объ огорченномъ героѣ, повелѣваетъ Аѳинѣ подкрѣпить его нектаромъ и амвросіей. Дружины при-

готовляются къ битвѣ. Ахиллесъ впереди всѣхъ стоитъ на своей колесницѣ и начинаетъ уговаривать коней, чтобы они не выдали его мертваго врагамъ; вдругъ одинъ изъ коней, Ксанѳъ, предсказываетъ ему человѣческимъ голосомъ скорую смерть.

Книга XX-я.

Зевсъ позволяетъ всѣмъ богамъ принимать участіе въ начавшейся битвѣ. Съ радостью бросились боги помогать смертнымъ: Гера, Аѳина, Посейдонъ, Гефестъ и Гермесъ-ахейцамъ, а Афродита, Артемида, Лета, Аполлонъ, Арей и Ксанѳъ—троянцамъ. Боги бросились съ такою стремительностью, что вся земля всколебалась и самъ Гадесъ (Плутонъ) въ ужасѣ вскочилъ съ трона, испугавшись, чтобы Посейдонъ не разверзъ-бы землю и не открылъ тѣхъ страшныхъ закоулковъ адскихъ, предъ которыми трепещутъ сами боги.—Въ началѣ битвы на Ахиллеса напалъ Эней, и погибъ-бы несчастный, если-бы не суждено ему было царствовать надъ троянами; но Посейдонъ отбросилъ его далеко по воздуху, и Ахиллесъ бросился на другихъ противниковъ, подобно бурному вихрю. Заструилась черная кровь по полю. Подобно тому, какъ во время молотьбы быстро стираются колосья ячменя подъ ногами воловъ, такъ и подъ ногами коней Ахиллесовыхъ сокрушались трупы, панцыри и шлемы блестящіе; кровь забрызгала колеса и ось колесницы, а храбрый Ахиллесъ, жаждая кровавой мести и славы между героями, продолжалъ прибавлять новыя жертвы къ тѣмъ, которыя пали уже отъ его мощной руки.

Книга XXI.

Когда разбитые троянцы частію побѣжали къ городу, частію-же бросились въ волны Ксанѳа, Ахиллесъ бросился ихъ преслѣдовать. Страшно разилъ онъ троянскихъ юношей, а 12 захватилъ въ плѣнъ, чтобы принесть ихъ въ жертву Патроклу.

Наконецъ теченіе Ксанѳа было остановлено огромнымъ количествомъ тѣлъ троянцевъ, павшихъ отъ мощной руки Ахиллеса; тогда богъ этой рѣки началъ умолять Ахиллеса прекратить дальнѣйшее избіеніе троянцевъ, но разсвирѣпѣвшій герой и слушать ничего не хотѣлъ. Тогда разгнѣванный богъ далъ свободу волнамъ, и онѣ чуть было не потопили самого Ахиллеса; но Гера противопоставляетъ волнамъ Гефеста, который пожирающимъ пламенемъ высушилъ поле, сжегъ окрестныя нивы и деревья и высушилъ-бы и самую рѣку, если-бы Гера не удержала его, тронутая мольбою Ксанѳа. Между—тѣмъ поднялась распря между богами. Аѳина ранила Арея и Афродиту, а бѣлорукая Гера выругала Артемиду, назвавъ его собаченкой, и отхлестала ее лукомъ по ушамъ.

Бѣдная богиня растеряла свои стрѣлы, бросила лукъ и убѣжала въ слезахъ. Всѣ боги, наконецъ, возвращаются на Олимпъ, за исключеніемъ Аполлона, отправившагося на помощь троянцамъ, которыхъ гналъ Ахиллесъ: принявъ образъ Агенора, онъ отвлекаетъ послѣдняго отъ бѣгущихъ, которые бросились въ ворота, открытые по приказанью Пріама.

Книга XXII-я.

Всѣ убѣжали въ городъ, одинъ только Гекторъ остался у Скейскихъ воротъ, поджидая Ахиллеса, но завидѣвъ грознаго Пелида, и онъ не выдержалъ и пустился бѣжать. Три раза обѣжали они вокругъ стѣнъ; но когда въ четвертый разъ уже прибѣжали къ ключамъ Скамандра, Зевсъ взвѣсилъ ихъ жребіи: видя, что жребій Гектора опустился, онъ велѣлъ Аполлону удалиться отъ него. Гекторъ палъ, пораженный Ахилломъ. Напрасно, умирая, умоляетъ онъ его пощадить хотя трупъ и почтить его погребеніемъ. Дивились мужи ахейскіе, видя могучее тѣло павшаго героя, и каждый пронзилъ его копьемъ. Ахиллесъ торжествовалъ; но замыслилъ онъ недоброе дѣло: прокололъ ноги павшаго, продѣлъ ремни, и привязавши къ колес-

ницѣ, повлачилъ по землѣ. На стѣнахъ города поднялись вопли и рыданія: несчастная мать рветъ свои сѣдые волосы, горько рыдаетъ отецъ, плачутъ всѣ граждане; тьмою покрылись очи Андромахи и навзничь она упала, какъ мертвая. Когда-же очнулась, то стала горько рыдать и рыдали вмѣстѣ съ нею и прочія троянки.

Книга XXIII-я.

Ахеяне возвратились въ станъ и занялись погребеніемъ Патрокла, чего требовалъ самъ Патроклъ, явившись въ сновидѣніи Ахиллесу. Рано утромъ нарубили они дровъ для костра; тѣло Патрокла было посыпано волосами, Ахиллесъ-же вложилъ свои обрѣзанные волосы въ руки умершаго друга.

Вечеромъ соорудили огромный костеръ, на который вмѣстѣ съ тѣломъ Патрокла положили 4-хъ гордыхъ коней, 2-хъ собакъ и 12-ть юношей, захваченныхъ въ плѣнъ Ахиллесомъ, на берегу Ксанѳа. Вѣтеръ раздулъ костеръ и всю ночь онъ горѣлъ; на слѣдующее-же утро собрали прахъ Патрокла въ урну и насыпали надъ нею могильный холмъ, потомъ Ахиллъ устроилъ различныя игры въ честь умершаго.

Книга XXIV-я.

По окончаніи игръ герои ахейскіе разошлись по палаткамъ, чтобы предаться сну; и вскорѣ всѣ заснули въ станѣ кромѣ Ахиллеса, который не могъ спать: терзаясь душою и проливая горькія слезы о покойномъ другѣ, онъ долго метался на своемъ ложѣ и вышелъ наконецъ на берегъ морской. Долго бродилъ онъ, все думая о покойномъ другѣ. На слѣдующее утро онъ опять волочилъ тѣло Гектора вокругъ могилы Патрокла; тогда Аполлонъ явился въ собраніе безсмертныхъ и жестоко упрекалъ за такую несправедливость въ отношеніи къ храброму Гектору. Зевсъ тотчасъ-же призвалъ Ѳетиду и

велѣлъ ей уговорить сына отдать тѣло Гектора за выкупъ, въ тоже время онъ отправилъ Ириду къ Пріаму, чтобы побудить его идти выкупить тѣло сына. Пріамъ велѣлъ тотчасъ-же приготовить возъ для клади, запрегъ колесницу, и сопровождаемый Гермесомъ, благополучно прибылъ въ станъ ахейскій. Войдя въ палатку Ахиллеса, онъ въ ноги ему упалъ и сталъ молить о выдачѣ ему тѣла Гектора, цѣлуя руки, «руки убійцы-дѣтей своихъ прижимая къ устамъ». Ахиллесъ, растроганный мольбою Пріама, велѣлъ отдать ему тѣло сына омытое и одѣтое въ пурпуръ. Прощаясь, онъ спросилъ Пріама, сколько дней желаетъ онъ хоронить тѣло сына, чтобы на столько-же времени пріостановлять военныя дѣйствія. Пріамъ попросилъ 12-ть дней и рано утромъ возвратился въ Трою. Первая увидѣла его Кассандра; весь городъ съ плачемъ столпился у воротъ. Девять дней возили лѣсъ въ Трою, на десятый-же соорудили костеръ и сожгли тѣло славнаго Гектора; собранный прахъ положили въ золотую урну и зарыли въ глубокую могилу. Напослѣдокъ всѣ собрались снова въ домъ великій Пріама, и блистательный пиръ устроили—у любимаго Зевсомъ владыки—Пріама. «Такъ погребали они конеборнаго Гектора тѣло».

Пѣснь I-я

„Содержаніе Одиссеи“.

§ 8. *„Одиссея“* имѣетъ предметомъ судьбу и странствія многоопытнаго мужа, Одиссея. Девять лѣтъ уже протекло послѣ разрушенія Трои, а гнѣвъ Посейдона все еще держитъ Одиссея далеко отъ милой отчизны. Но теперь боги опредѣляютъ, что онъ долженъ наконецъ возвратиться въ свое отечество, Итаку. Поэтому Гермесъ посланъ на островъ Огигію, къ нимфѣ Калипсо возвѣстить ей, что наступилъ срокъ возвратиться въ землю свою Одиссею, котораго она «произвольной силой держала, напрасно желая, чтобъ былъ ей супругомъ». Въ тоже время свѣтлоокая дѣва, Аѳина-Паллада, пошла въ Итаку,

чтобы возбудить въ Телемахѣ, Одиссеевомъ сынѣ, гнѣвъ и «отважностью сердце его преисполнить». Она вступаетъ въ домъ отсутствующаго Одиссея подъ видомъ Ментора. Телемахъ радушно встрѣчаетъ пришельца, но жалуется ему на свое горе, что сыновья всѣхъ знатныхъ жителей окрестныхъ острововъ каждый день приходятъ къ нему въ домъ и «пожираютъ нещадно» его добро, чтобы заставить Пенелопу (мать Телемаха) выбрать себѣ одного изъ нихъ въ супруги; Пенелопа-же «не хочетъ ни въ бракъ ненавистный вступить, ни отъ брака средствъ не имѣетъ спастись». Аѳина совѣтуетъ ему посѣтить Пилосъ и Спарту и собрать свѣдѣнія объ отцѣ: если онъ живъ, сносить терпѣливо обиды, если же погибъ, совершить по немъ тризны и выгнать безстыдныхъ жениховъ. Телемахъ какъ-будто переродился: онъ въ первый разъ говоритъ рѣшительно съ матерью, которую отсылаетъ хозяйничать съ рабынями, запрещая ей мѣшаться въ дѣла мужчинъ, и съ женихами, которыхъ проситъ «учреждать иные пиры», грозя имъ мщеніемъ Зевса. Вечеръ; женихи разошлись по домамъ, Телемаха же старая нянька Эвриклея проводила въ высокую спальню. «И всю ночь на постелѣ, покрытой овчиною мягкой, онъ обдумывалъ путь, учрежденный богиней Аѳиной».

Пѣснь II-я.

На другой день, рано поутру, Телемахъ созываетъ гражданъ Итаки на площадь и требуетъ всенародно, чтобъ женихи покинули домъ его: но женихи сваливаютъ всю вину на Пенелопу, которая будто три года подавала имъ надежду. Дѣйствительно три года тому назадъ она сказала собравшимся женихамъ: «юноши, Одиссея на свѣтѣ нѣтъ, и я согласна выбрать одного изъ васъ себѣ мужемъ; но отложимъ нашъ бракъ до той поры пока будетъ конченъ предпринятый мною трудъ; старцу Лаэрту покровъ гробовой приготовить хочу я»... Но вышитое днемъ она распускала ночью при свѣтѣ факела и

такимъ образомъ 3 года обманывала жениховъ.-Телемахъ сталъ грозить имъ гнѣвомъ Зевса, и какъ-бы въ подтвержденіе его словъ надъ ними стали парить орлы. Женихи отвѣчали грубыми нисмѣшками предсказателю, который увидѣлъ въ орлахъ дурное предзнаменованіе. Тогда сторону Телемаха принялъ старый Ментосъ; но это не помогло, и одинъ изъ жениховъ, Леокритъ, самовольно распустилъ собраніе. Огорченный Телемахъ пошелъ на взморье и сталъ просить помощи у Аѳины. Она явилась въ образѣ Ментора и обѣщала помочь ему въ поискахъ за Одиссеемъ. Ключница Эвриклея готовитъ запасъ на дорогу; Аѳина добывъ корабль, приготовляетъ его къ отплытію, и усыпивъ жениховъ, безстыдно пировавшихъ въ домѣ Одиссеевомъ, уводитъ съ собой Телемаха на берегъ моря, куда приносятъ и всѣ приготовленные на дорогу запасы. Телемахъ вмѣстѣ съ мнимымъ Менторомъ, не простившись съ Пенелопой, отплываетъ въ Пилосъ къ божественному старцу Нестору.

Пѣснь III-я.

На другой день, рано утромъ, они пристаютъ къ берегу: именно въ это самое время пилосцы, вмѣстѣ съ своимъ царемъ, приносили на берегу моря жертву Посейдону. Путники приняты дружелюбно. Несторъ говоритъ Телемаху, что онъ ничего не знаетъ про Одиссея, своего дорогаго друга, потомучто ахеяне, уѣзжая домой, перессорились, и онъ возвратился въ отечество не по одному пути съ Одиссеемъ. Поговоривъ еще кое-о-чемъ,—именно, разсказавъ Телемаху о страшномъ вѣроломствѣ, съ которымъ Эгистъ и Клитемнестра умертвили возвратившагося домой Агамемнона, и о томъ, какъ сынъ его Орестъ страшно отмстилъ преступницѣ матери вмѣстѣ съ Эгистомъ презрѣннымъ,—Несторъ совѣтуетъ гостямъ своимъ посѣтить Менелая, который тоже долго странствовалъ въ отдале-

ніи отъ родины милой и недавно въ отечество прибылъ изъ чуждыхъ странъ. Между-тѣмъ день клонится къ вечеру. Телемахъ остается ночевать во дворцѣ Нестора; а свѣтлоокая дочь Зевса удалилась на небо,—«быстрымъ орломъ улетѣвъ; изумился народъ; изумился, чудо такое своими глазами увидѣвши, Несторъ». Онъ предсказываетъ Телемаху счастье, а въ жертву Тритогеніѣ-Аѳинѣ обѣщаетъ «телицу однолѣтнюю, лбистую, съ игомъ еще незнакомую, рога изукрасивъ ей золотомъ чистымъ». На слѣдующее утро жертва эта принесена богинѣ, и послѣ жертвеннаго пира Телемахъ, вмѣстѣ съ старшимъ сыномъ Нестора, Пизистратомъ, отправляется въ путь; переночевавъ въ Ферѣ у Діоклесса, на слѣдующій вечеръ пріѣзжаютъ въ Лакедэмонъ.

Пѣснь IV-я.

И здѣсь Телемахъ попадаетъ на богатый пиръ: Менелай празднуетъ свадьбу сына и дочери. И здѣсь тотъ же гостепріимный пріемъ; Телемахъ удивляется великолѣпію царскаго дома, и когда Менелай въ разсказѣ своемъ вспоминаетъ объ Одиссеѣ, изъ глазъ юноши заструились свѣтлыя слезы; тогда входитъ прекрасная Елена и сейчасъ-же узнаетъ въ немъ сына Одиссеева. Этимъ пробудилось такъ много воспоминаній, что всѣ присутствующіе стали громко плакать, но Елена, подливъ въ чаши пирующихъ, гореусладнаго, миротворящаго соку, успокоила гостей и разсказала имъ о приключеніяхъ Одиссея въ Троѣ. Собесѣдники уходятъ спать. На другое утро, едва «встала изъ мрака младая, съ перстами пурпурными Эосъ»,— Менелай, по просьбѣ Телемаха, сообщаетъ ему все то, что самъ слышалъ о судьбѣ вождей ахейскихъ: какъ въ Египтѣ божественный оборотень Протей предсказалъ судьбу Аякса и Агамемнона, какъ Калипсо держала Одиссея на своей пустынной Эгигіи; о многомъ говорили они, бесѣдуя сладко. Между-тѣмъ въ Итакѣ женихи, услыхавъ объ отплытіи Теле-

маха, замышляютъ умертвить его на возвратномъ пути. Пенелопа, узнавъ объ отъѣздѣ сына и о замыслахъ жениховъ, приходитъ въ неописанную скорбь: «задрожали колѣни и сердце у бѣдной матери; долго была безсловесна она и слезами очи ея затмѣвались; ей не покорствовалъ голосъ». Аѳина, тронутая скорбью неутѣшной матери, посылаетъ ей сновидѣніе, которое успокаиваетъ ее объ участи сына. Самый наглый изъ жениховъ Антиной, со своею дружиною, дѣйствительно пускается въ море и останавливается близъ острова Астера, ждать Телемаха.

Пѣснь V-я.

Но опасность, которой подвергался Телемахъ, заставляетъ Аѳину еще разъ просить Зевса о возвращеніи Одиссея на родину; тотчасъ-же посланъ былъ Гермесъ къ нимфѣ Калипсо съ повелѣніемъ отпустить Одиссея.

Гермесъ приходитъ и изумляется чудной природѣ, окружающей гротъ свѣтлокудрявой нимфы; «пламень трескучій сверкалъ на ея очагѣ, и весь островъ былъ накуренъ благовоніемъ кедра и дерева жизни, ярко пылавшихъ. И голосомъ звонкопріятнымъ богиня пѣла, сидя съ челнокомъ золотымъ за узорною тканью». Страшно огорчило Калипсо приказаніе вышнихъ боговъ, которые всегда смотрѣли неблагосклонно на то, если богини принимали на ложе смертнаго мужа; но она слушается воли Кроніона. Она ищетъ Одиссея и находитъ его сидящаго одиноко на утесистомъ берегу: «очи были въ слезахъ, утекала медлительно капля за каплей жизнь его въ непрестанной тоскѣ по отчизнѣ». Она возвращаетъ ему освобожденіе; Одиссей не вѣритъ, Калипсо клянется подземной водой Стикса,—«нерушимою, страшною клятвой, которую боги не могутъ изрѣчь безъ боязни». Потомъ Калипсо даетъ Одиссею орудія, нужныя для постройки плота; въ четыре дня

судно поспѣло и на пятый день Одиссей пускается въ путь. На восемнадцатый день благополучнаго плаванія онъ увидалъ уже горы тѣнистой земли Феаковъ, когда Посейдонъ, возвращаясь отъ эѳіоповъ, узнаетъ въ морѣ Одиссея, плывущаго на легкомъ плоту своемъ; онъ поднимаетъ ужасную бурю; плотъ, лишенный мачты дѣлается игрушкой волнъ, и Одиссей погибъ-бы, еслибъ его не увидала Левкотея, нѣкогда царская дочь, а «послѣ богиня, безсмертія честь воспріявшая въ морѣ». Сжалившись, она даетъ Одиссею покрывало, которое спасаетъ его отъ потопленія; цѣлые три дня носятъ его бурныя волны, наконецъ вечеромъ третьяго дня онъ вскарабкался на берегъ феакійскаго острова Схеріи, и зарывшись въ сухія листья усѣлся, и очи сладкой дремотой Аѳина смѣжила ему».

Пѣснь VI-я.

На слѣдующее утро Навсикая, дочь феакійскаго царя Алкиноя, побужденная въ сновидѣніи Аѳиной, приходитъ вмѣстѣ съ подругами и рабынями полоскать бѣлье въ устье потока. Кончивъ свое занятіе и искупавшись въ рѣкѣ, рабыни стали играть въ мячъ, а бѣлорукая царевна запѣла пѣсню. Навсикая бросила мячъ, но не попала въ подругъ, и «онъ отраженный Аѳиной, въ волны шумящія прянулъ». Дѣвы вскрикнули: ихъ крикъ пробудилъ Одиссея. Онъ подымается, приближается къ Навсикаѣ и проситъ ее «умиленнымъ словомъ» дать ему одежду и убѣжище; царевна приглашаетъ его слѣдовать за нею въ городъ и даетъ ему нужное наставленіе. Онъ провожаетъ Навсикаю до Палладиной рощи, находящейся недалеко отъ города. Оставшись тамъ, онъ началъ дочери Зевса—Громовержца, Палладѣ, молиться.

Пѣснь VII-я.

Аѳина, явившись подъ видомъ феакійской дѣвы, вводитъ Одиссея въ Феаку; она окружаетъ его темнымъ облакомъ

чтобы «не былъ замѣченъ онъ никакимъ изъ надменныхъ граждан, который могъ-бы его оскорбить, любопытствуя вывѣдать, кто онъ»; и Одиссей, никѣмъ непримѣченный, приближается къ Алкиноеву жилищу и въ изумленіи останавливается предъ великолѣпіемъ царскаго дома и сада. Войдя въ палату, гдѣ царь пировалъ съ своими гостями, Одиссей приближается къ царицѣ Аретѣ и божественная мгла, окружавшая его, исчезаетъ. Обнявъ колѣни царицы, онъ молитъ ее о дарованіи ему способа возвратиться въ отчизну. Царь любезно приглашаетъ его сѣсть за трапезу, и когда гости расходятся, Одиссей разсказываетъ ему свои похожденія, отъ пребыванія у Калипсо до прибытія къ феакійцамъ.

Пѣснь VIII-я.

На слѣдующее утро, Алкиной, предложивъ народному собранію устроить отправленіе Одиссея въ его отечество, приглашаетъ князей феакійскихъ и людей корабельныхъ къ себѣ на обѣдъ. Здѣсь слѣпой Демодокъ пѣлъ о распрѣ храбраго Ахилла съ царемъ Агамемнономъ. Одиссей прослезился, и не желая показать своихъ слезъ феакійцамъ, закрылъ лицо мантіей; но мудрый царь понялъ эти слезы, и прекративъ «звуки лиры, «подруги пировъ сладкогласной», пригласилъ всѣхъ на площадь заняться игрой. Одиссей бросаетъ громадный дискъ и изумляетъ всѣхъ своей силой; потомъ начинается пляска, во время которой Демодокъ поетъ о любви Арея и Афродиты. Феакійскіе князья даютъ Одиссею богатые подарки, которые Арета сейчасъ-же уложила для него въ сундукъ. За ужиномъ Демодокъ такъ трогательно поетъ о деревянномъ конѣ и взятіи Трои, что пѣснь его вторично извлекаетъ слезы изъ очей Одиссея; царь спрашиваетъ его о причинѣ этой скорби и проситъ, чтобы онъ разсказалъ свои приключенія.

Пѣснь IX-я.

Одиссей начинаетъ разсказывать свои приключенія отъ отъѣзда изъ Трои до прибытія своего на островъ Калипсо. Разсказываетъ, какъ прибылъ въ землю ѳракійскихъ Киконовъ, разрушилъ ихъ городъ Исмаросъ, но потерялъ съ каждаго корабля по шести «броненосцевъ отважныхъ». Сѣверо-восточный вѣтеръ у мыса Малеи пригоняетъ его корабли къ землѣ Лотофаговъ. Послѣ отплытія изъ этой страны, гдѣ вкусный «лотосъ» едва ни лишилъ его спутниковъ, онъ пристаетъ къ землѣ Циклоповъ. Шестеро изъ его товарищей гибнутъ, пожранные жаднымъ Полифемомъ. Но Одиссей спасается: опьянивъ великана, онъ вонзаетъ ему въ глаза зажженный колъ; «циклопъ облился горячей кровью, истлѣли рѣсницы, шершавыя вспухли брови; яблоко лопнуло, выбрызнулъ глазъ, на огнѣ зашипѣвши». Потомъ онъ хитростью спасаетъ себя и товарищей отъ ярости ослѣпленнаго людоѣда, и похитивъ циклопово стадо, возвращается къ стоянкѣ кораблей. Полифемъ призываетъ отца Посейдона и молитъ, чтобы онъ отмстилъ за него Одиссею.

Пѣснь X-я.

Изъ страны циклоповъ, Одиссей прибываетъ на пловучій островъ Эолію, гдѣ Эолъ, повелитель вѣтровъ, даетъ ему проводникомъ Зефира и вручаетъ крѣпко завязанный мѣхъ, съ заключенными въ немъ другими вѣтрами. Находясь уже въ виду Итаки, Одиссей засыпаетъ; спутники его развязываютъ мѣхъ, думая найти въ немъ золото и серебро; вырвавшіеся на волю вѣтры поднимаютъ страшную бурю, которая приноситъ корабль Одиссея обратно къ Эолову острову; но раздраженный Эолъ велитъ Одиссею удалиться, думая что онъ не угоденъ и ненавистенъ богамъ. Тогда они носятся по неизвѣстному западному морю и на седьмыя сутки пристаютъ къ странѣ людоѣдовъ. Лестригоны истребляютъ одинадцать ко-

раблей Одиссеевыхъ; съ послѣднимъ пристаетъ онъ къ Ээ, острову Киркеи. Волшебница превращаетъ часть его спутниковъ въ свиней, «съ щетинистой кожей, съ свиною мордой и съ хрюкомъ свинымъ, не лишивъ ихъ однако разсудка». Но Гермесъ даетъ ему средства разрушить ея чародѣйства. Одиссей, одолѣвъ Киркею, убѣждаетъ ее возвратить человѣческій образъ его спутникамъ. Пробывъ годъ на ея островѣ, онъ требуетъ наконецъ, чтобы она возвратила его въ отечество; но Киркея повелѣваетъ ему прежде посѣтить Океанъ, и у входа въ мглистую область Аида,—«тамъ, гдѣ дико растетъ густой и широкій лѣсъ изъ ракитъ, свой теряющихъ плодъ», вопросить прорицателя Тэйрезія о судьбѣ своей.

Пѣснь XI-я.

Сѣверный вѣтеръ приноситъ корабль Одиссея къ печальной области Киммеріанъ, покрытой влажнымъ туманомъ и мглой облаковъ. Тутъ, принесши жертву тѣнямъ, Одиссей призываетъ ихъ: является тѣнь Эльпенора и требуетъ погребенія; затѣмъ является Тэйрезій и предсказываетъ Одиссею его участь; оптомъ приблизилась мать Одиссея, и напившись жертвенной крови, бесѣдуетъ съ сыномъ. Тѣни знаменитыхъ героинь: Тиро, Антіопы и Алкмены, Эпикасты, Леды, Ифимедэй и, Федры, Климены выходятъ изъ Эрэба и разсказываютъ о судьбѣ своей Одиссею.—Онъ хочетъ прервать свою повѣсть, но заинтересованный Алкиной требуетъ, чтобы онъ ее кончилъ, и Одиссей продолжаетъ: онъ разсказываетъ, какъ приблизились къ нему тѣни героевъ—Агамемнона, Ахиллеса, Аякса, Эріона,—и какія рѣчи онѣ держали къ нему; разсказываетъ о Миносѣ, судьѣ Аида, вѣчно звѣроловствующемъ Оріонѣ, о казняхъ Титія, Сизифа и Тантала и наконецъ о томъ, какъ въ страхѣ возвратился на корабль и отправился обратно, по теченію водъ океана.

Пѣснь XII-я.

Онъ останавливается опять у острова Ээ, гдѣ Киркея предсказываетъ ему опасности и приключенія дальнѣйшаго странствованія. Отплывъ далѣе съ попутнымъ вѣтромъ, онъ счастливо проходитъ мимо очаровательно-поющихъ сиренъ и бродящихъ скалъ; но не такъ благополучно совершилось его плаваніе между утесами Скиллы и Харибды: «Скилла грозила съ одной стороны, а съ другой пожирала жадно Харибда соленую влагу; когда извергались воды изъ чрева ея, какъ въ котлѣ на огнѣ раскаленномъ съ свистомъ кипѣли онѣ, клокоча и буровясь, и буря вихремъ взлетала на обѣ вершины утесовъ; когда-же волны соленаго моря глотала обратно Харибда, внутренность вся открывалась ея, передъ зѣвомъ ужаснымъ волны сшибались, а въ нѣдрѣ утробы открытомъ кипѣла тина и черный песокъ». Здѣсь погибло шесть спутниковъ Одиссея. Съ остальными онъ прибываетъ къ берегамъ Тринакріи. Спутники его, задержанные на островѣ противными вѣтрами, истощивъ всѣ свои запасы, терпятъ голодъ и наконецъ, нарушивъ данную ими клятву, убиваютъ быковъ, посвященныхъ Геліосу. Раздраженный богъ требуетъ отъ Зевса, чтобы онъ наказалъ святотатсво, и корабль Одиссеевъ, вышедшій снова въ море, разбитъ Зевсовымъ громомъ. Всѣ погибаютъ въ волнахъ, кромѣ Одиссея, который снова избѣгъ Харибды и Скиллы и былъ брошенъ наконецъ на берегъ Калипсина острова.

Пѣснь XIII-я.

Одиссей кончилъ свой разсказъ, князья феакійскіе щедро одарили его вторично, и съ наступленіемъ ночи онъ покидаетъ ихъ островъ. Послѣ непродолжительнаго плаванія корабль пристаетъ къ острову Итакѣ. Мореходцы выносятъ спящаго Одиссея на берегъ и оставивъ его тамъ со всѣми сокровищами, полученными имъ отъ феакійцевъ, удаляются. Раздра-

женный Посейдонъ превращаетъ корабль ихъ въ утесъ «и ударомъ ладони къ морскому дну основаніемъ крѣпко приплюснулъ». Одиссей просыпается, но не узнаетъ земли своей которую Аѳина покрыла туманною мглою. Богиня встрѣтила его въ образѣ молодаго пастуха, такъ что Одиссей не узналъ ее и началъ было разсказывать вымышленную повѣсть; тогда она преобразилась въ молодую дѣвушку и шутливо укоряла Одиссея въ хитрой лжи. Сказавши наконецъ, кто она, Аѳина спрятала въ гротъ Одиссеевы сокровища,—которыя тотъ не забылъ тщательно пересчитать и провѣрить,—и наставивъ его, какъ отмстить женихамъ, дала ему образъ стараго нищаго. Послѣ того богиня отправилась въ Лакедэмонъ къ Телемаху.

Пѣснь XIV-я.

Одиссей прежде всего приходитъ въ хижину свинопаса, Эвмея; позавтракавъ съ нимъ, онъ увѣряетъ стараго свинопаса, что господинъ его скоро возвратится и подтверждаетъ это клятвою; но Эвмей ему не вѣритъ. Одиссей разсказываетъ о себѣ вымышленную повѣсть. Къ вечеру всѣ другіе пастухи возвращаются съ поля; Эвмей убиваетъ откормленную свинью на ужинъ.

Холодная ночь; хитрой выдумкой онъ убѣждаетъ Эвмея дать ему теплую мантію на ночь. Одиссей засыпаетъ въ хижинѣ, а свинопасъ уходитъ наблюдать за стадомъ, оставленнымъ въ полѣ.

Пѣснь XV-я.

Телемахъ гоститъ у Менелая въ Спартѣ, но Аѳина явившись ему во снѣ, торопитъ его поскорѣй возвратиться, и онъ, одаренный по царски Менелаемъ и Еленой, оставляетъ съ Пизистратомъ Лакедэмонъ, садится на корабль и отправляется въ путь.

Между тѣмъ Эвмей удерживаетъ Одиссея,—который все хотѣлъ идти въ городъ просить подаянія и тамъ поступить на службу къ женихамъ,—совѣтуя подождать Телемаха и увѣряя, что онъ скоро пріѣдетъ. Дѣйствительно на другой день рано утромъ, Телемахъ присталъ къ берегамъ Итаки, отослалъ свой корабль въ городъ, а самъ отправился къ Эвмею.

Пѣснь XVI-я.

Здѣсь привѣтствуетъ онъ нищаго странника и тотчасъ же посылаетъ «божественнаго свинопаса» въ городъ, извѣстить о возвращеніи своемъ Пенелопу. Одиссей, повинуясь Аѳинѣ, открывается сыну и они вмѣстѣ обдумываютъ планъ мщенія. Къ вечеру Эвмей возвращается изъ города.

Пѣснь XVII-я.

На слѣдующее утро Телемахъ идетъ домой, сообщаетъ главныя событія своего странствованія и представляетъ матери прорицателя Ѳеоклимена, пріѣхавшаго съ нимъ изъ Спарты. Тѣмъ временемъ Эвмей съ Одиссеемъ отправляются въ городъ и на дорогѣ встрѣчаютъ пастуха козъ, Мелантія, который оскорбляетъ ихъ. Приблизившись къ дому Одиссей видитъ на навозной кучѣ своего стараго, покинутаго, полумертваго Аргоса. Бѣдный песъ, почуявъ близость Одиссея, шевельнулся и радостно завилялъ хвостомъ, но подползть къ господину не былъ въ силахъ. Одиссей входитъ въ пировую палату, и проситъ милостыни у жениховъ, но Антиной, ругаясь надъ нимъ, бросаетъ въ него скамейку. Одиссей качаетъ только головой, полный тайныхъ замысловъ. Пенелопа проситъ нищаго зайти къ ней поздно вечеромъ, желая разспросить его объ Одиссеѣ.

Пѣснь XVIII-я.

Бродяга Иръ, прославившійся своимъ нахальствомъ по всей Итакѣ, хочетъ прогнать Одиссея: они дерутся, Одиссей

остается побѣдителемъ, и схвативъ Ира за ногу, тащитъ его за ворота.

Тогда Амфиномъ поздравилъ Одиссея съ побѣдой и угостилъ его виномъ и хлѣбомъ.—За это Одиссей хотѣлъ было его пощадить и далъ ему совѣтъ удалиться лучше изъ дома, чтобы не погибнуть, когда вернется Одиссей. Но тотъ не послушался. Въ это самое время вошла Пенелопа, сіяя красотой, которой ее одарила Афродита. Она, слѣдуя совѣту Аѳины, подала женихамъ надежду на скорый бракъ, и получивши отъ нихъ прекрасные подарки, удалилась. Одиссей подвергся новымъ оскорбленіямъ со стороны жениховъ и даже рабыни Меланто. Между тѣмъ наступилъ вечеръ.

Пѣснь XIX-я.

Когда всѣ разошлись, чтобы насладиться сномъ, Одиссей вмѣстѣ съ Телемахомъ сталъ придумывать, какимъ образомъ погубить наглыхъ жениховъ. Приготовивши оружіе и сложивши его въ сосѣдней комнатѣ, Телемахъ удалился, а Одиссей остался въ столовой, поджидая Пенелопу. Она не замедлила явиться и стала расспрашивать нищаго, кто онъ и откуда? Одиссей разсказалъ ей весьма умно сочиненную имъ повѣсть и увѣрилъ, что мужъ ея скоро возвратится. Старая ключница Эвриклея, которой Пенелопа приказала омыть ноги страннику, узнала въ немъ своего господина и такъ была поражена, что опустила ногу, которую омывала, и та упала въ тазъ, отчего тотъ зазвенѣлъ и вода пролилась на полъ. Обрадованная служанка хотѣла было уже сказать своей госпожѣ о возвращеніи Одиссея, но онъ приказалъ ей молчать. Прощаясь съ странникомъ, Пенелопа разсказала ему видѣнный ею предъ этимъ чудесный сонъ и сказала, что рѣшилась отдать свою руку тому изъ жениховъ, который будетъ въ состояніи натянуть Одиссеевъ лукъ. Нищій одобрилъ ея намѣреніе и они отправились спать.

Пѣснь XX-я.

Одиссей легъ на ложе, но мысль о предстоящемъ боѣ съ такимъ множествомъ жениховъ, вопли Пенелопы, плачущей о своемъ Одиссеѣ, и наконецъ непристойный хохотъ служанокъ — не давали ему спать. Тогда онъ сталъ молиться Зевсу; «Олимпіецъ молитву услышалъ и страшно ударившимъ громомъ изъ звѣздно-безтучнаго неба грянулъ отвѣтомъ; преисполнилась радостью грудь Одиссея». Къ утру зала оживляется снова; входятъ служанки, Телемахъ, Эвмей и другіе пастухи; не замедлили явиться и женихи, тотчасъ-же сѣвшіе за веселый завтракъ. Но скоро смолкъ ихъ безпечно-веселый хохотъ и сердца заныли тоскою, на солнце набѣжала тѣнь, земля покрылась мракомъ; Ѳеоклименъ предсказываетъ близкую гибель незванымъ гостямъ Одиссея, «беззаконнымъ ругателямъ правды».

Пѣснь XXI-я.

Пенелопа принесла женихамъ лукъ Одиссеевъ и предложила имъ стрѣляніе въ цѣль: чья стрѣла пролетитъ черезъ двѣнадцать колецъ, того царица рѣшается выбрать супругомъ. Телемахъ пытается натянуть лукъ, но это ему не удается, и Одиссей подаетъ знакъ, чтобы онъ его оставилъ. Между тѣмъ самъ открывается Эвмею и Филэтію: они приготовляются къ умерщвленію жениховъ. Послѣ неудачныхъ попытокъ натянуть лукъ, Антиной предлагаетъ отложить стрѣльбу до другаго дня, но нищій проситъ, чтобы и ему подали лукъ; женихи противятся этому, но по приказанію Телемаха лукъ однако поданъ Одиссею: Филэтій запираетъ ворота. Нищій беретъ лукъ, осматриваетъ его, стрѣляетъ и—«быстро отъ перваго всѣ до послѣдняго кольца, ихъ не задѣвъ, пронизала стрѣла, изощренная мѣдью». Телемахъ немедленно опоясалъ свой мечъ, схватилъ въ руки боевое копье и сталъ за отцовымъ стуломъ, изготовясь къ битвѣ.

Пѣснь XXII-я.

Нищій становится на высокій порогъ двери, сбрасываетъ съ себя лохмотья, и передъ изумленными женихами стоитъ—Одиссей! Теперь его стрѣлы направлены на жениховъ; перваго пронзаетъ онъ недостойнаго Антиноя; напрасно Эвримахъ обѣщаетъ ему искупительные дары, чтобы только онъ пощадилъ ихъ: Одиссей рѣшился убить всѣхъ ихъ безпощадно. Телемахъ приноситъ изъ свѣтлицы копья, щиты и шлемы; но онъ забываетъ затворить дверь, и въ нее входитъ Мелантій, который снабжаетъ оружіемъ жениховъ. Начинается общая рѣзня; четыремъ героямъ помогаетъ Аѳина. Копья жениховъ не попадаютъ, а Одиссей и его люди, напротивъ, ни разу не бросили мимо ни копья, ни стрѣлы. Но Аѳина, желая подвергнуть строгому испытанію храбрость царя и его сына, не вдругъ даровала имъ побѣду; оставивъ образъ Ментора, въ которомъ помогала имъ, она «вдругъ превратилась, взвилась къ потолку и на черной отъ дыма тамъ перекладинѣ легкою, сизою ласточкой сѣла». Но Одиссей неустанно разитъ враговъ: и вотъ всѣ женихи убиты, кромѣ честнаго глашатая Медонта, спрятавшагося подъ стуломъ, и пѣвца Фемія. Одиссей велитъ вынести трупы изъ столовой; потомъ началась казнь развратныхъ служанокъ: ихъ повѣсили около житной башни, «немного подергавъ ногами, служанки всѣ разомъ затихли». Затѣмъ изрубили въ куски и бросили собакамъ Мелантія. Оставшіяся вѣрными рабыни весело привѣтствуютъ Одиссея.

Пѣснь XXIII-я.

«Сердцемъ ликуя и радуясь», старушка Эвриклея приноситъ Пенелопѣ вѣсть о возвращеніи супруга и избіеніи жениховъ. Царица, все еще сомнѣваясь, сходитъ внизъ и недовѣрчиво смотритъ на Одиссея. Телемахъ съ досадой упрекаетъ мать за недовѣрчивость. Пенелопа отвѣчаетъ, что «если это

точно Одиссей, то они имѣютъ надежный способъ открыться другъ другу. Царь Одиссей, постоянный въ бѣдахъ, улыбнулся. Чтобы обмануть жителей города и не произвести въ народѣ волненія убійствомъ столькихъ славныхъ гражданъ, онъ приказываетъ своимъ домашнимъ шумѣть, плясать и показывать видъ, что въ домѣ у него празднуютъ свадьбу. Омывшись въ купальнѣ, сіяя красотой, которой вновь одарила его Аѳина, Одиссей идетъ къ Пенелопѣ и точнымъ описаніемъ своей брачной кровати уничтожаетъ всѣ сомнѣнія супруги. Глубоко тронутые, послѣ обоюдныхъ ласкъ и привѣтствій, они разсказываютъ другъ другу свои приключенія. Съ наступленіемъ утра Одиссей идетъ къ отцу своему Лаэрту.

Пѣснь XXIV-я.

Между-тѣмъ души жениховъ, завизжавъ, вырвались изъ труповъ и полетѣли вслѣдъ за Гермесомъ въ Аидъ; тамъ они встрѣтили тѣни ахейскихъ героевъ,—Ахиллеса и Агамемнона. Амфимедонъ разсказываетъ имъ о погибели жениховъ, и Агамемнонъ завидуетъ счастью Одиссея у котораго такая вѣрная супруга. Тѣмъ временемъ Одиссей приходитъ къ Лаэрту; старецъ, одѣтый неопрятно и бѣдно, работалъ въ саду; когда Одиссей открылся ему, онъ обезпамятѣлъ. За обѣдомъ узнаютъ Одиссея всѣ старые слуги. Но дѣло еще не кончено. Вѣсть о погибели жениховъ возбуждаетъ въ городѣ мятежъ; вооруженная толпа врывается въ домъ Лаэрта и хочетъ умертвить Одиссея и его вѣрныхъ слугъ. Но Аѳина вдохнула силы даже въ дряхлыхъ старцевъ, всѣ вооружаются, не исключая и Лаэрта, и Одиссей остается побѣдителемъ. Онъ хочетъ извести всѣхъ мятежниковъ, но громовая стрѣла Кроніона раздвоила небо и ударила въ землю передъ Одиссеемъ, возвѣщая ему воздержаться отъ пролитія крови. «Скоро потомъ между царемъ и народомъ союзъ укрѣпила свѣтлая дочь громовержца, богиня Аѳина Паллада».

«Нѣтъ другаго произведенія ума человѣческаго, которое пользовалось-бы такою всемірною славою и имѣло-бы такое огромное вліяніе нетолько на поэзію, но и вообще на культуру—какъ Иліада и Одиссея. Эти поэмы были для Греціи то, что для христіанскаго міра Библія. Тайна этой неопредолимой прелести и силы поэмъ Гомера въ его чисточеловѣческомъ міросозерцаніи. Отъ метафизической точки зрѣнія временъ орфическихъ онъ быстро перешелъ на точку зрѣнія человѣчно-естественную. У него все очеловѣчено: боги и геніи, герои и жены, цари и народы, одушевленная и неодушевленная природа видны здѣсь исключительно съ точки зрѣнія невозмутимаго, радостнаго гуманизма, законы котораго удовлетворяютъ всему и всѣмъ. Это дѣлаетъ Гомера всемірнымъ поэтомъ, учителемъ и пророкомъ для всего древняго, нераздробленнаго міра». Въ связи съ гомерическими пѣснями стоитъ эпическій циклъ (κύκλος, кругъ пѣсенъ) особой школы поэтовъ, называемыхъ обыкновенно цикликами;—событія, легенды и дѣянія, упоминаемыя Гомеромъ только мимоходомъ, циклъ этотъ развиваетъ въ большія эпическія поэмы, которыя какъ «звѣзды движутся вокругъ гомерическаго солнца».

3. ГЕЗІОДЪ АСКРЕЙСКІЙ (ок 850 г. до Р. Х.)

§ 9. Существованіе Гезіода (Ἡσίοδος) не менѣе Гомерова баснословно. Ему приписываютъ три большихъ поэмы: Труды и дни, Ѳеогонію и Щитъ Гераклеса (Геркулеса). 1. *Труды и дни* «ἔργα καὶ ἡμέραι» главное произведеніе Гезіода,—имѣетъ въ виду цѣль чисто индивидуальную.—Братъ Гезіода, Персей, оттягалъ у него наслѣдство, доставшееся имъ обоимъ, и очень скоро промоталъ его. Цѣль Гезіода—изображеніемъ домашняго благосостоянія, пріобрѣтеннаго правильною дѣятельностію, побудить своего блуднаго брата къ трудолюбію и бережливости и научить его лучшему употребленію даровъ, щедро предлагаемыхъ матерью природой. Поэма состоитъ изъ 828 гекзаметровъ, и распадается ня двѣ части; первая—смѣсь нравствен-

ныхъ изрѣченій, житейской мудрости и эпическихъ эпизодовъ (миѳъ о Прометеѣ ст. 42—105, сказаніе объ извращеніи рода человѣческаго 108-203); а вторая-дидактическій эпосъ, домострой эллинской жизни, мотивъ котораго тотъ, что трудъ и даваемое имъ вознагражденіе составляютъ истинное назначеніе человѣческаго бытія. Мрачные тоны, которые часто прорываются въ этой поэмѣ, свидѣтельствуютъ о томъ, что въ эпоху Гезіода прошелъ, и уже невозвратно, золотой вѣкъ, безпечное отрочество человѣчества, и наступилъ вѣкъ желѣзный, тяжелыя времена многотрудной возмужалости.

2. *Ѳеогонія* (Θεογονία) есть изображеніе борьбы молодаго поколѣнія боговъ съ старымъ. Значеніе этой поэмы состоитъ въ томъ, что авторъ ея пытается прояснить ѳеогоническія и космогоническія преданія орфическаго періода и дать миѳологіи художественную организацію. Вообще поэма эта—высоколирическій гимнъ во славу рожденія музъ. За введеніемъ слѣдуетъ (ст. 116-452) космогоническая часть, гдѣ въ психическихъ миѳахъ объясняется образованіе міра (космогонія). Съ 452 стиха начинается собственно Ѳеогонія и генеалогія боговъ; а съ 962 ст. до конца (ст. 1022) слѣдуетъ героогонія т. е. генеалогія дѣтей, рожденныхъ отъ Зевса и смертныхъ женщинъ. Поэтическій центръ, благодаря которому вся Ѳеогонія дѣлается достойною названія эпоса,—составляетъ «бой боговъ и людей». Сначала бой боговъ съ людьми, интересы которыхъ защищаетъ Прометей, а потомъ съ землерожденными титанами и гигантами, которые надѣются сломить силу силой. Затѣмъ, когда правительственныя отношенія неба къ землѣ установились, повидимому прочно, является эпилогъ этихъ боевъ, послѣднее нападеніе на Зевса,—мятежъ тартара; но и его гнусное отродье, стоглавый Тифоэй падаетъ подъ ударомъ далекоразящаго перуна царя боговъ и ввергается на вѣки въ кромѣшную тьму тартара. Эти три боя суть существенныя части греческой Ѳеогоніи, которую настоящій Гезіодъ быть мо-

жетъ изобразилъ съ меньшими подробностями въ частностяхъ, которыми такъ изобилуетъ дошедшій до насъ текстъ, очевидно не одинъ разъ преобразованный интерполяціями и переработкой. Древнѣйшій изъ космогоническихъ миѳовъ есть побѣда Кроноса надъ отцомъ Ураномъ. Изъ крови урановой образовались гиганты, эринніи и нимфы, а изъ тѣла его, упавшаго въ море, родилась Афродита. Слѣдуетъ исторія младшаго поколѣнія боговъ-кронидовъ. Рея родила отъ Кроноса Гестію, Деметру (у Римлянъ Церера) и Геру (рим. Юнона), Аида и Посейдона. Кроносъ, боясь, чтобы его дѣти не сдѣлали съ нимъ того-же, что онъ сдѣлалъ съ своимъ отцомъ, съѣдаетъ ихъ. Но когда родился Зевсъ, Рея прячетъ его на островѣ Критѣ, а Кроносу даетъ проглотить камень. Выросши, Зевсъ побѣждаетъ отца, и овладѣвъ перуномъ власти надъ богами и людьми, становится единовластителемъ міра. Разумъ беретъ верхъ надъ природой.—Древнѣйшій изъ ѳеогоническихъ миѳовъ есть побѣда Зевса надъ людьми и казнь Прометея. Далѣе слѣдуютъ эпизоды изъ жизни боговъ-кронидовъ и героогонія. Въ этой части, чрезвычайно высоко цѣнимой у древнихъ грековъ, поэтъ даетъ родословныя знаменитѣйшихъ дворянскихъ домовъ Бэотіи и Ѳессаліи. Какой-то позднѣйшій стихотворецъ (какъ полагаетъ Аристофанъ) придѣлалъ къ героогоніи нѣчто въ родѣ введенія, трактующаго о чудесномъ щитѣ Геракла. Языкъ Гезіода—легкое іоническое нарѣчіе. Изложеніе его безспорно исполнено прелести, но гезіодической пѣсни все-таки недостаетъ божественнаго простодушія и ясности гомерическихъ пѣсенъ.

ДОБАВЛЕНІЕ.

О представителяхъ величайшаго процвѣтанія греческой лирики.

Пиндаръ 521—441 до Р. Хр.).

Былъ родомъ изъ Кинокефалъ, въ Бэотіи. Онъ былъ одинъ изъ числа величайшихъ лириковъ, *) написалъ 17 книгъ пѣ-

*) Квинтиліанъ назыв. его „princeps lyricorum“.

сенъ, изъ которыхъ до нашего времени сохранилось только сорокъ пять его «Эпиникій» (гимны въ честь побѣдителей).—По своимъ убѣжденіямъ онъ былъ приверженцемъ старины и не любилъ демократическаго устройства Аѳинянъ такъ, что не захотѣлъ даже воспѣть современной ему Мараѳонской битвы (490 г.)—подвига демократовъ. Въ лирическихъ его пѣсняхъ, полныхъ драматизма, поражаетъ величіе его духа и полнота смѣлыхъ образовъ; въ нихъ онъ представлялъ побѣду на играхъ въ связи со всѣми патріотическими и религіозными преданіями цѣлаго племени,—къ которому принадлежалъ побѣдитель,—со славой его города и рода.

Симонидъ (556—469 г, до Р. Хр.)

Былъ родомъ изъ Кеоса и по своему направленію расходился съ Пиндаромъ: онъ воспѣвалъ подвиги демократовъ при Мараѳонѣ и Саламинѣ. Отличительными чертами его пѣсенъ является простота, нѣжность и страсть. Въ одномъ изъ немногихъ дошедшихъ до нашего времени его произведеній, «Жалобѣ Данаидъ», элегія въ первый разъ проявилась съ тѣмъ грустнымъ характеромъ, который она сохранила даже до сихъ поръ.—Кромѣ того, что онъ славился своими многосторонними произведеніями, онъ еще извѣстенъ своимъ остроуміемъ. Говорятъ, что на вопросъ Гіерона сиракузскаго, что такое Богъ, онъ попросилъ сперва одинъ день на размышленіе, потомъ другой и наконецъ сказалъ, что не можетъ дать отвѣта, потому-что, чѣмъ болѣе онъ объ этомъ думаетъ, тѣмъ темнѣе кажется это дѣло.

Коринна

Она была современницей и соперницей Пиндара на Олимпійскихъ играхъ.

Примѣчаніе: Объ остальныхъ замѣчательныхъ лирикахъ см. часть 2 прилож. 6 (А.)

II.

ГРЕЧЕСКАЯ

ДРАМА.

ТРАГЕДІЯ.

§ 1. Представителями высшаго развитія трагедіи греческой, которая выработалась и развилась прежде другой отрасли драмы-комедіи, являются три великихъ мужа: Эсхилъ, Софоклъ, и Эврипидъ. Время жизни ихъ Лессингъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: «на островѣ Саламинѣ, послѣ побѣды грековъ надъ персами (480 г.), трагическая муза соединила трехъ своихъ любимцевъ. Сорокапятилѣтній Эсхилъ помогалъ побѣждать, пятнадцатилѣтній юноша Софоклъ плясалъ вокругъ трофеевъ, а Эврипидъ въ самый день побѣды родился на этомъ счастливомъ островѣ».

1. ЭСХИЛЪ (525—456 года до Р. Х.).

§ 2. Эсхилъ (Αἰσχύλος) происходилъ изъ знатнаго рода Эвпатридовъ и родился въ Элевсинѣ (525 г.). Въ молодости своей онъ уже занимался сочиненіемъ трагедій и показывалъ большую склонность ко всему чудесному и фантастическому, поэтому и трагедіи его носятъ на себѣ характеръ религіозныхъ мистерій. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ борьбѣ грековъ съ персами и участвовалъ во всѣхъ почти знаменитыхъ битвахъ: при Мараѳонѣ (490), при Артемизіи (480), Саламинѣ (480) и Платеѣ (479). Братъ его, сражавшійся вмѣстѣ съ нимъ, палъ при Мараѳонѣ, Эсхилъ-же самъ несмотря на от-

важность, съ которой врывался въ густые ряды непріятелей, остался цѣлъ и невредимъ.—Онъ былъ величайшимъ патріотомъ и выказалъ себя такимъ, какъ на полѣ битвы, такъ и въ своихъ произведеніяхъ: всѣ онѣ проникнуты гордымъ чувствомъ свободы.— Сюжеты для своихъ твореній онъ бралъ изъ современной политической жизни, такъ напр. въ своей трагедіи «Персы», которая служитъ вѣчнымъ памятникомъ народному героизму, онъ выводитъ на сцену торжество грековъ надъ персами. Характеры у него обрисовываются не многими, но вѣрными и сильными чертами, главной дѣйствующей силой въ его трагедіяхъ является неумолимый рокъ, съ которымъ человѣкъ борется, и хотя всегда остается побѣжденнымъ, но и въ самомъ паденіи своемъ всегда является героемъ. Первую награду на драматическомъ состязаніи онъ получилъ въ 484 г. до Р. Хр., послѣ чего еще 12 разъ былъ увѣнчанъ побѣднымъ вѣнкомъ на послѣдующихъ состязаніяхъ.—Изъ тѣхъ усовершенствованій, которыя онъ сдѣлалъ въ трагедіи, особенно важно то, что онъ ввелъ на сцену вмѣсто прежняго одного двухъ актеровъ и хоръ у него принималъ уже болѣе участія въ судьбѣ героя драмы. Но главное достоинство трагедій его заключается въ артистическомъ изображеніи ужаснаго и трагическихъ страстей. Судьба титановъ и уничтоженіе ихъ низшимъ родомъ, а также величіе человѣка и паденіе его—были предметами постоянныхъ изображеній у Эсхила.

По словамъ преданія смерть его была чрезвычайно странная, онъ былъ убитъ орломъ, который уронилъ на его голову черепаху, выскользнувшую у него изъ когтей. (456 г. до Р. Хр.).

Сочиненія его.

§ 3. Изъ 80 трагедій, имъ написанныхъ, до насъ дошло только 7.—Не смотря на все величіе его твореній, въ нихъ замѣчается также и весьма важный недостатокъ, который со-

стоитъ въ томъ, что у него нѣтъ постепенности въ ходѣ дѣйствія, нѣтъ подробнаго и полнаго развитія характеровъ. Изъ сказаній, вдохновлявшихъ его, онъ бралъ только самое поразительное и составлялъ драматическія картины, не заботясь о ихъ связи.—Этотъ недостатокъ не выкупается ни сколько длинными пѣснями хора, который или предрекалъ бѣдствія. или вспоминалъ прошлыя событія, или выражалъ надежду на лучшее будущее.

1) Ἀγαμέμνων Въ *«Агамемнонѣ»* Эсхилъ предостерегаетъ Аѳинянъ отъ слишкомъ большаго высокомѣрія и надменности въ счастіи, и какъ примѣръ непостоянства его, приводитъ паденіе Агамемнона.

2) Χοηφόροι. Въ *«Хоэфорахъ»* разсказывается объ убіеніи Клитемнестры сыномъ Орестомъ. Хоръ оправдываетъ отчасти поступокъ ея съ мужемъ—Агамемнономъ. Въ то-же время порицаетъ ея сына и указываетъ на убійство, совершенное Орестомъ, какъ на поступокъ противный законамъ божескимъ и человѣческимъ.

3) Εὐμενίδες. 3) Въ *«Эвменидахъ»* разсказъ идетъ о томъ, какъ Орестъ искупилъ своими страданіями убійство, имъ совершенное, и выводиться на сцену ареопагъ. Выводя послѣдній Эсхилъ хотѣлъ показать, на сколько благодѣтельны были для грековъ ихъ древнія учрежденія, и этимъ выражаетъ свое желаніе, чтобы онѣ сохранились въ цѣлости, такъ какъ съ ними не разрывно связано благосостояніе государства. Эти три трагедіи его составляютъ полную трилогію. Остальныя же его драмы, дошедшія до насъ, «Персы», «Семь противъ Ѳивъ», «Гикетиды» и «Скованный Прометей», это только среднія пьесы изъ различныхъ трилогій. Въ нихъ во всѣхъ, какъ и въ другихъ его трагедіяхъ, главная идея или политическая, или религіозная, или же та и другая вмѣстѣ.

Изъ этого краткаго очерка дѣятельности Эсхила мы видимъ, что при немъ трагедія была уже въ цвѣтущемъ состояніи; но высочайшаго совершенства она опа достигла въ твореніяхъ Софокла.

2. СОФОКЛЪ (495—405 г. до Р. Хр.).

§ 4. Софоклъ (Σοφοκλῆς) родился недалеко отъ Аѳинъ, въ мѣстечкѣ Колонѣ. Отецъ его Софилъ, весьма зажиточный человѣкъ, имѣлъ свои мастерскія плотничныя и кузнечныя и ничего не щадилъ для воспитанія своего сына. Такимъ образомъ Софоклъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ познакомился съ предметами тогдашняго воспитанія: музыкой, грамматикой и гимнастикой. Для трагика въ то время необходимо было знакомство съ этими предметами, потому—что для сочиненія хоровыхъ пѣсенъ необходимо было знаніе музыки, а чтобы научить хористовъ той пляскѣ, которую они должны были исполнять, необходимо было самому быть искуснымъ танцоромъ. Софоклъ въ совершенствѣ изучилъ оба эти искусства. Въ числѣ учителей Софокла былъ также Эсхилъ, преподававшій ему трагическое исскуство; о томъ какъ велики были успѣхи его ученика, можно заключить изъ того, что на драматическомъ состязаніи съ Эсхиломъ (въ 468 г. до Р. Х.) онъ получилъ пальму первенства. Потомъ побѣда оставалась за нимъ постоянно, онъ получилъ 24 побѣдныхъ вѣнка.—За знаменитѣйшую свою трагедію, «Антигону», онъ удостоился величайшей почести: въ 441 году его вмѣстѣ съ Перикломъ избрали начальникомъ флота, посланнаго противъ Самоса. (Ему было тогда 55 лѣтъ). Въ старости онъ былъ еще разъ избранъ стратегомъ вмѣстѣ съ Никіемъ; кромѣ того въ его завѣдываніи находилась союзная касса. Онъ никогда не покидалъ своего роднаго города, не смотря на то, что многіе цари приглашали его къ своему двору. Вся жизнь этого великаго мужа прошла безмя-

тежно, только въ старости онъ испыталъ большое огорченіе: старшій сынъ его, Іофонтъ, недовольный домашними распоряженіями отца, обвинилъ его въ умопомѣшательствѣ. Софоклъ вмѣсто всякаго оправданія прочелъ судьямъ трагедію—«Эдипъ въ Колонѣ», которую въ то время написалъ, и сказалъ: «если я Софоклъ, то не могу быть безумнымъ,—а если безумецъ, то не Софоклъ». Трагедія эта произвела такое дѣйствіе на аѳинянъ, что они самаго обвинителя назвали съумасшедшимъ и судьи сами отвели его домой, при громкихъ рукоплесканіяхъ толпы.

Онъ умеръ 90 лѣтнимъ старикомъ въ 405 г. до Р. Хр. Причины его смерти приводятся самыя разнорѣчивыя: одни утверждаютъ, что онъ не перенесъ сильной радости, услышавъ объ успѣхѣ одной изъ своихъ пьесъ, другіе,—что онъ надорвалъ себѣ грудь, возвысивъ очень голосъ при чтеніи Антигоны, третіе-же утверждаютъ, что онъ подавился виноградиной. Сынъ Софокла, Іофонтъ, нѣкогда обвинявшій отца въ безуміи, поставилъ на могилѣ его памятникъ, съ слѣдующею надписью:

«Здѣсь почиваетъ Софоклъ, вѣнецъ первенства получившій,
«Въ трагикѣ всѣхъ превзойдя; памятникъ самый почтенный.

«Κρύπτω τῷδε τάφῳ Σοφοκλῆν πρωτεῖα λαβόντα
«Τῇ τραγικῇ τέχνῃ. σχῆμα τὸ σεμνότατον.

Сочиненія его.

§ 5. Изъ 113-ти драмъ Софокла *) до нашего времени сохранилось только 7:

---

*) *Примѣч.* О томъ, какъ народу нравились трагедіи Софокла, можно заключить изъ того, что на ихъ представленія аѳиняне истратили больше денегъ, чѣмъ на веденіе пелопоннесской войны.

Въ этой трагедіи Софоклъ скрытно упрекаетъ Аѳинянъ за ихъ жестокосердіе къ тѣмъ изъ государственныхъ дѣятелей, которые кажутся имъ почему-либо виновными. *1) Аяксъ* (Αἴας)

Въ Филоктетѣ онъ предостерегаетъ гражданъ отъ слишкомъ жестокаго обращенія съ побѣжденными и въ то-же время говоритъ, что для блага государства должно жертвовать всѣми личными благами. *2) Филоктетъ.* (Φιλοκτήτης).

Въ этой драмѣ указывается на злоупотребленія властью, развращеніе нравовъ и вообще на вырожденіе аѳинской свободы. Важнѣйшую роль играютъ въ ней женщины. *3) Электра* (Ἠλέκτρα)

Эта трагедія называется еще «Неистовый Геркулесъ». Въ ней изображена внутренняя жизнь женщины и развитіе личности: главная роль принадлежитъ Деянирѣ, женѣ Геркулеса. Въ этой личности чрезвычайно рѣзко и вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасно развита борьба любви и ревности. Послѣ того, когда она узнала о смерти своего мужа, котораго сама отравила, пославши одежду, напитанную страшнымъ ядомъ *), вмѣсто талисмана любви, за который она ее считала, она лишила себя жизни. Въ типѣ Деяниры Софоклъ вывелъ женщину идеальную, которой равную трудно найти во всѣхъ драматическихъ твореніяхъ древняго міра. Кромѣ только что перечисленныхъ трагедій Софоклъ написалъ еще знаменитую трилогію, въ которой разсказывается о судьбѣ Эдипа и его потомства. **) *4) Трахинянки.* (Τραχίνιαι).

Въ этой трагедіи разсказывается о томъ, какъ родился Эдипъ отъ Лая и Іокасты и какъ они, узнавши отъ оракула о томъ, что сынъ будетъ виною смерти ихъ обоихъ, выбросили его прочь изъ Ѳивъ. Затѣмъ слѣдуетъ дальнѣйшая судьба Эдипа, выросшаго на чужбинѣ. Прибывши въ Ѳивы и ничего незная о своемъ происхожденіи, онъ поссорился съ Лаемъ, *5) Эдипъ царь.* (Οἰδίπους τύραννος).

*) Кровью Кентавра, которую онъ, пораженный Геркулесомъ, отдалъ ей умирая, увѣривъ что это талисманъ любви.

**) Разсказъ объ этомъ смотр. у Штоля: „Миѳы классической древности кн. 6-я.

котораго встрѣтилъ на дорогѣ, и убилъ его, потомъ разгадалъ загадку Сфинкса, и когда тотъ съ досады утопился, то народъ въ благодарность за избавленіе отъ этого чудовища, предложилъ ему жениться на Іокастѣ и быть царемъ Ѳивъ. Эдипъ согласился и такимъ образомъ совершилъ уже второе ужасное преступленіе, самъ того не зная.

Затѣмъ разсказывается объ обличеніи его преступленій и о томъ, какъ онъ въ страшномъ отчаяніи самъ ослѣпилъ себя.

6) Эдипъ въ Колонѣ. (Οἰδίπους ἐπὶ Κολωνῷ). Въ этой трагедіи разсказывается главнымъ образомъ о томъ, какъ искупилъ Эдипъ свою вину долгими страданіями, какъ примирился съ богами и наконецъ скончался неизвѣстнымъ образомъ. — Тутъ-же разсказывается и о началѣ распрей въ семьѣ Эдипа, между его сыновьями Этеокломъ и Полинэйкомъ. Этеоклъ изгналъ своего брата и тотъ отправился просить помощи въ Аргосъ, гдѣ женился на дочери царя, и вмѣстѣ съ Аргосской ратью пошелъ на Ѳивы. (Городъ отбилъ нападеніе, но во время боя пали оба брата. *)

7) Содержаніе Антигоны. **) § 6. Антигона—послѣдній эпизодъ изъ преданія о судьбахъ Эдипова дома. Раннимъ утромъ начинается дѣйствіе драмы. Креонтъ, сейчасъ послѣ бѣгства аргивянъ, спѣшитъ черезъ герольда объявить своему народу, что трупъ Полинэйка, врага отчизны, долженъ лежать непогребенный и неоплаканный; кто-же осмѣлится погребсти его, тотъ будетъ казненъ предъ лицомъ всего народа. Антигона, услыхавъ это, сейчасъ же рѣшила, что ей дѣлать,—и ясно сознавая долгъ въ отношеніи къ мертвому, она совершаетъ свое благочестивое дѣло.

(Πρόλογος 1—99). Антигона ведетъ сестру свою Исмену за дворцовыя ворота Кадмеи, сообщаетъ ей о повелѣніи новаго царя и о своемъ намѣреніи похоронить трупъ Полинэйка, твердо разсчи-

---

*). Объ этомъ походѣ противъ Ѳивъ разсказывается въ трагедіи Эсхила „Семь противъ Ѳивъ“.

**) По Милюкову и Водовозову.

тывая на дѣятелную помощь сестры. Но Исмена, боязливо покорная внѣшнему закону, совѣтуетъ Антигонѣ не начинать такого дѣла, которое неминуемо влечетъ за собою смерть постыдную. Тогда Антигона уже и сама отрекается отъ участія сестры и хочетъ одна идти погребать брата.

«Ну если такъ, отвѣчаетъ ей Исмена, иди: и безрасудно— но вѣрно служишь ты друзьямъ усопшимъ». Послѣ этого она уходитъ во дворецъ, а Антигона—налѣво въ поле. (πάροδος 100—161).

Хоръ старцевъ выступаетъ изъ западнаго входа, привѣтствуя восходящее солнце, око золотаго дня, видѣвшее какъ рать аргивская была разсѣяна въ бѣгствѣ. Всѣ вожди принесли свои трофеи въ храмѣ Зевса: только два несчастные брата пали въ единоборствѣ. Но отгоняя отъ себя мысль о мрачномъ дѣлѣ и предавая забвенію кровавыя распри, хоръ идетъ благодарить Вакха. Въ это время корифей указываетъ на приближающагося Креонта, новаго царя страны, сына Менекея, и старцы не могутъ понять, зачѣмъ онъ такъ торжественно созвалъ ихъ на совѣтъ черезъ своего глашатая. (1-й ἐπεισόδιον).

Но вотъ является сынъ Менекеевъ. Только что облеченный властью, онъ говоритъ о томъ, каковъ по его мнѣнію долженъ быть правитель: «никогда не предпочтетъ онъ родство и дружбу выгодамъ страны», поэтому—то онъ и приказалъ бросить трупъ Полинэйка на съѣденіе псамъ: да не будетъ чести преступнику». Но едва кончилъ Креонтъ, какъ является стражъ, и задыхаясь отъ страха и усталости, робко и нехотя говоритъ, что онъ принесъ не веселую вѣсть. Послѣ долгихъ оговорокъ, онъ наконецъ объясняетъ, что кто—то совершилъ погребальный обрядъ надъ трупомъ. Кто—же это? Хоръ не думаетъ, чтобы нашелся безумецъ, желающій умереть; но ему давно приходитъ на мысль, не боги—ли ужъ вмѣшались въ это дѣло?—Первый, тонкій, невольный намекъ Креонту на то, что его рѣшеніе противорѣчитъ божественному закону объ уваженіи къ мертвымъ. Грубо и высокомѣрно Креонтъ

отвѣчаетъ хору, что боги не могли того похоронить, кто шелъ разрушить колоннами обставленные храмы, страну сгубить, законы ниспровергнуть... Высокомѣріе ослѣпило его до того, что онъ обвиняетъ въ подкупѣ невинныхъ гражданъ и стращаетъ жестокой казнью сторожа. Но сторожъ очень ловко защищаетъ себя и, по уходѣ Креонта, благодаритъ боговъ, что сверхъ всякаго ожиданія отдѣлался отъ гнѣвнаго царя однимъ страхомъ.

(1-й στάσιμον 332—375): Оставшійся въ оркестрѣ хоръ поетъ послѣ ухода Креонта, что сильнаго много въ мірѣ, но нѣтъ ничего сильнѣй человѣка, Все онъ превозмогаетъ, лишь ада избѣжать не можетъ, а отъ болѣзней трудныхъ спасенье нашелъ. Разсуждая такимъ образомъ о всепобѣждающемъ искусствѣ человѣка, хоръ невольно отказывается отъ своей прежней мысли. Онъ готовъ уже былъ согласиться съ Креонтомъ, что не божескія силы, а хитрости гражданъ принимали участіе въ погребеніе трупа. Но вотъ, къ величайшему своему удивленію, старцы видятъ, что ведутъ Антигону.

2-й ἐπεισόδιον (384—581): «Она совершила преступленіе». Между—тѣмъ изъ дворца выходитъ Креонтъ, и сторожъ, въ восторгѣ отъ своей ловкости разсказываетъ велерѣчиво и красно, что онъ захватилъ Антигону при самомъ трупѣ Полинэйка. «Тутъ ужъ мы не спорили кому идти къ тебѣ съ этой вѣстью, прибавилъ сторожъ:— находка была моя»... Сначала Креонтъ не вѣритъ его словамъ но самодовольный сторожъ обстоятельно разсказываетъ какъ было дѣло:—Спокойно выслушавъ разсказъ до конца, Креонтъ спрашиваетъ Антигону: «Ты сознаешься-ли—что ты виновна?» Сказала разъ я, и не отпираюсь»,—холодно отвѣчаетъ Антигона. Отпустивъ сторожа, Креонтъ съ негодованіемъ спрашиваетъ далѣе, какъ зная его законъ, она дерзнула его нарушить. Тогда высказывается гордая дочь Эдипа: «твой законъ не есть еще законъ непреложный. И не на столько онъ силенъ, чтобы для него я дерзнула преступить вѣчный законъ бо-

говъ, не сегодня и не вчера писанный. А что я умру— такъ я это знала и прежде, безъ твоего закона. Да, кто страдаетъ такъ какъ я, тотъ ничего не теряетъ, умирая преждевременно. Видѣть трупъ брата неоплаканнымъ,—вотъ что ужасно, а не смерть. Поступокъ мой только безумцу можетъ казаться безумнымъ».—Хоръ при этомъ замѣчаетъ: неукротимый нравъ отца въ ней видѣнъ, она бѣдамъ и шагу не уступитъ. Креонтъ въ своей злобѣ не позволяетъ ей гордиться своимъ благороднымъ дѣломъ, а напротивъ всячески старается унизить ее въ глазахъ хора, который начинаетъ сочувствовать ей.

Антигонѣ противна длинная рѣчь властителя: «что тутъ говорить! или ты хочешь чего—нибудь еще, кромѣ моей смерти?»—О, больше ничего, отвѣчаетъ Креонтъ, довольно и этого.—Антигона проситъ умертвить ее не медля. Между— тѣмъ хоръ (526, слѣд.) извѣщаетъ о приближеніи плачущей Исмены. Она объявляетъ себя соучастницей сестры и хочетъ умереть съ нею; но Антигона съ неумолимой холодностью отталкиваетъ сестру. Молчаливо слушаетъ Креонтъ этотъ великодушный споръ о томъ, кому любить больше, и не понимая его, называетъ обѣихъ сестеръ безумными. Тогда Исмена говоритъ, что, убивая Антигону, Креонтъ убиваетъ невѣсту своего сына. Но жестокую душу Креонта уже не можетъ поколебать ничто; онъ грубо отвѣчаетъ Исменѣ, что «для пахаря другія будутъ нивы и Гадесъ самъ разрушаетъ этотъ бракъ». Въ заключеніе онъ насмѣшливо приказываетъ запереть сестеръ покрѣпче: «и смѣльчаки бѣгутъ когда видятъ, что ада богъ подходитъ близко къ жизни».

Хоръ удивляется непреодолимой силѣ ἄτη. Если она разъ поразитъ какой—нибудь домъ, то возобновляется изъ поколѣнія въ поколѣніе, пока не истребитъ совсѣмъ. Такъ въ домѣ Эдипа погибаетъ его послѣдняя отрасль отъ безразсудства и ослѣпленья. Но вдругъ мрачный мотивъ хора проясняется. Хоръ призываетъ Зевса, вѣчно-юнаго, вѣчно-могучаго царя (2-й στάσιμον 582—630).

свѣтозарнаго Олимпа, и не удивляется, что смертный безсиленъ противъ такого могучаго властителя. Но безумная дерзость людей иногда возстаетъ противъ непреложнаго божественнаго закона; тогда Зевсъ дотого омрачаетъ разумъ мятежника, что все злое кажется ему добромъ, и онъ совершаетъ ἄτη,—безсознательный грѣхъ, который навлекаетъ проклятіе божіе изъ рода въ родъ.

3-й ἐπεισόδιον 631—780). Приходитъ Гэмонъ, сынъ Креонта,—женихъ Антигоны. Креонтъ старается оправдать свой поступокъ въ глазахъ сына. Сынъ отвѣчаетъ ему кротко и благоразумно, что граждане ропщутъ на несправедливый поступокъ съ Антигоной; онъ указываетъ отцу на опасность, которая грозитъ правителю, не внимающему совѣту гражданъ,—благоразуміе есть высшее благо, изъ всѣхъ дарованныхъ намъ богами. Начинается жаркій споръ. Въ этомъ спорѣ совершенно выясняется характеръ Креонта: «Клянусь Олимпомъ! безнаказанно я никому не позволю смѣяться надъ собой: сейчасъ-же тащите негодницу на смерть, въ глазахъ ея жениха»! Ясно что въ немъ дѣйствуетъ не уваженіе къ закону.—«Ты никогда больше не увидишь меня, отецъ мой»! гнѣвно говоритъ Гэмонъ и убѣгаетъ въ поле.

Креонтъ непреклоненъ. Онъ приказываетъ отвести Антигону въ погребальную пещеру Лабдакидовъ и схоронить ее тамъ живую; а чтобъ на городѣ не лежало пятно убійства—μίασμα,—онъ велитъ поставить въ склепъ немного пищи: «пусть, говоритъ онъ, спасаетъ ее тамъ богъ ада,—единый, чтимый ею богъ; а не спасетъ—такъ пусть она узнаетъ, что безумно служить тѣнямъ покоющимся въ адѣ».

(3-й στάσιμον 781—805). Между тѣмъ хоръ все еще находится подъ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое на него произвелъ Гэмонъ.

Онъ воспѣваетъ силу всепобѣждающей любви (Эрота) и обливается слезами при видѣ Антигоны, которую ведутъ къ ея могилѣ. (4-й ἐπεισόδιον 806—843). Антигона въ комматической пѣсни (Κόμμοι) обращается къ гражданамъ родной земли и зоветъ ихъ быть

свидѣтелями ея послѣдняго шествія-безбрачною, безрадостною, не съ подвѣнечными пѣснями, въ брачный покой Ахерона и сравниваетъ свою судьбу съ судьбою Ніобы. Хоръ осуждаетъ ее за это сравненіе, потому—что Ніоба была божественнаго происхожденія, а смертные не должны равнять себя съ богами. Горько Антигонѣ, что надъ ней насмѣхаются суровые старцы. Она зоветъ весь городъ родительскій въ свидѣтели того, какъ несправедливо погибаетъ. Неумолимый въ своемъ уваженіи къ закону хоръ однако смягчаетъ свой приговоръ, прибавивъ: «потому-что грѣхъ (ἄτη) лежитъ на всемъ родѣ Эдипа». Но желая утѣшить несчастную, хоръ «пробудилъ сильнѣйшія изъ ея страданій: память отца несчастнаго и память о жребіи всѣхъ Лабдакидовъ»...Вдругъ раздается свирѣпо-насмѣшливый голосъ Креонта: «Ну знаете? сказать-ли правду? еслибъ нашъ плачъ и вопли замѣняли смерть, никто-бъ не кончилъ ихъ во вѣкъ! что стали?»—Слѣдуетъ предсмертный плачъ Антигоны. (891—928).

Крэонтъ торопитъ стражей. Въ послѣдній разъ хоръ рѣшается оправдывать поступокъ своего царя: «Не стану поступокъ ея одобрять, пускай совершается судьба ея»!

Онъ провожаетъ Антигону погребальной пѣснью: «воля рока страшна силой незыблемой». Эту основную мысль хоръ развиваетъ изъ трехъ примѣровъ: подобно Антигонѣ пострадала Даная и сыновья Финея, слѣдовательно хоръ какъ-будто оправдываетъ Антигону; въ Ликургѣ явный намекъ на Креонта, который попралъ ногами священные законы, потому—что Ликургъ, ѳракійскій царь, былъ заключенъ въ пещеру и уморенъ голодной смертью именно за свой дерзкій нравъ и оскорбленіе, нанесенное Вакху. Въ слѣдующей сценѣ Креонтъ уже уличенъ окончательно. (4-й στάσιμον 944—987). (5-й ἐπεισόδιον 988—1114).

Является Тэйрезій и съ кротостью, свойственной своему высокому сану, уговариваетъ царя, извѣщая о томъ, что боги не принимаютъ ни жертвъ, ни молитвъ.

Какъ искренній другъ царскаго дома, онъ совѣтуетъ Креонту поскорѣй загладить свою ошибку и похоронить Полинэйка: «убитаго убить какая храбрость?» Но ужъ окончательно отуманился умъ Креонта; онъ возвращается къ своей прежней мысли о подкупѣ: «на золото вы падки, вѣщуны»! Царь не останавливается даже и на этомъ. Насмѣявшись прежде надъ богами Ада, онъ съ какой-то неистовой дерзостью кощунствуетъ теперь противъ самого Зевса. Тогда гнѣвный жрецъ предвозвѣщаетъ ему страшную кару. Ужасъ овладѣваетъ хоромъ послѣ ухода вѣщаго старца: всѣ знаютъ, что Тэйрезій никогда не пророчествовалъ лживо. Самаго царя уже беретъ раздумье: я поражонъ, говоритъ онъ,—но...... «мнѣ больно уступить;—но также страшно упорствомъ гнѣвъ навлечь боговъ безсмертныхъ....». Подумать нужно, Креонтъ, Мэнекеевъ сынъ», совѣтуетъ хоръ. Тогда онъ спрашиваетъ у старцевъ, «что ему дѣлать?»—и, по первому слову хора, спѣшитъ освободить Антигону.

(ὀρχηστικόν 1115—1353). Хоръ надѣется, что еще не поздно и въ живой гипорхематической пѣснѣ обращается къ Вакху, покровителю Ѳивъ, и молитъ его «сойти шагами тихими съ высотъ Парнаса», защитить городъ отъ бѣды, грозящей ему. Непосредственно за этой пѣснью слѣдуетъ ἔξοδος, послѣдняя часть драмы.

(ἔξοδος 1155—1353). Длинная рѣчь вѣстника подготовляетъ зрителей къ трагическому извѣстію: «погибъ Гэмонъ»... Во время этой рѣчи является новое лицо.—Эвридика, жена Креонта, собралась въ храмъ богини; вдругъ въ то время, когда она развязывала ремень у запертой двери, ее поражаетъ страшная вѣсть о семейномъ горѣ.... Дрогнули колѣна у бѣдной матери.... Онѣмѣла она и упала на руки служанокъ, но собравшись съ духомъ рѣшается распросить вѣстника о смерти сына. Вотъ что узнала она: «стража пришла съ Креонтомъ туда, гдѣ лежало нагое тѣло Полинэйка, растерзанное псами; помолясь подземнымъ богамъ, она омыла его священнымъ омовеніемъ, сожгла на свѣжихъ сучьяхъ

и насыпала надъ нимъ высокій холмъ изъ земли. Потомъ отправляются къ пещерѣ. Издали слышны вопли. Креонтъ видитъ, что пещера разломана, а въ глубинѣ ея виситъ трупъ Антигоны въ петлѣ, сдѣланной изъ повязки. Надъ трупомъ ея неутѣшно плачетъ Гэмонъ. Увидѣвъ его Креонтъ говоритъ, тяжело вздыхая:—несчастный, что ты сдѣлалъ? что ты сдѣлать хочешь? Выйди оттуда, милое дитя, молю тебя!—Но сверкнувъ на отца дикимъ, блуждающимъ взоромъ, Гэмонъ бросается на него съ мечемъ. Креонтъ отражаетъ ударъ, и Гэмонъ въ негодованіи вонзаетъ мечь глубоко въ свои ребра.»—Эвридика исчезаетъ, не сказавъ ни слова. Это пугаетъ хоръ: ему странно, что вдругъ ушла она, ни одного не молвивъ слова»... Вѣстникъ думаетъ, что она просто не хотѣла плакать передъ цѣлымъ городомъ и ушла домой рыдать о сынѣ: «разсудокъ запретитъ ей погубить себя». Не знаю отвѣчаетъ хоръ: «только и молчанье зловѣще порой не меньше самыхъ громкихъ воплей. Но вотъ является на сцену Креонтъ, съ трупомъ сына, и униженный, убитый сознаетъ наконецъ свое безуміе и самъ называетъ себя убійцей сына. «Какъ поздно, вижу я, узналъ ты правду»,—благоразумно замѣчаетъ хоръ; и Креонтъ не отрицаетъ этого.... Но вотъ является слуга съ вѣстью о новомъ горѣ: «твоя супруга бѣдная погибла отъ материнской скорби... вотъ и трупъ!» Двери дворца открываются,—и трупъ видѣнъ... Страшные, дикіе вопли вырываются изъ груди Креонта. Обоюдоострымъ мечемъ велитъ онъ пронзить себя, или хоть увести его, безумца, изъ совѣта старѣйшинъ, такъ какъ «не живой ужъ онъ, и ничто теперь». Его уводятъ. Звучной анапестической строфой, гдѣ въ немногихъ словахъ выражена идея всей драмы, хоръ заключаетъ ее: «мудрость выше всего; счастье первое—въ ней, и боговъ оскорблять намъ не должно ни въ чемъ. А надменная рѣчь горделивыхъ людей судьбы страшную казнь призываетъ на нихъ... и въ лѣтахъ наконецъ они учатся мудрыми быть».

Въ трагедіяхъ Софокла драма достигла высшей ступени своего рязвитія и Софоклъ носитъ названіе «ὁ τραγικός», какъ первѣйшій трагикъ.—Послѣ него драма, хотя все еще была прекрасна въ твореніяхъ Эврипида, но все таки онъ уже стоитъ гораздо ниже Софокла.

3. ЭВРИПИДЪ. (480—407 до Р. Х.).

§ 7. Эврипидъ (Εὐριπίδης) родился, какъ мы уже выше упомянули, въ самый день Саламинской битвы, на островѣ Саламинѣ. Отецъ его былъ простой трактирщикъ, и по его желанію Эврипидъ въ юности приготовлялся быть атлетомъ. Оракулъ предсказалъ ему, что онъ одержитъ побѣду на Олимпійскихъ играхъ; но въ непродолжительное время онъ оставилъ мысль отличаться на играхъ, и побуждаемый Анаксагоромъ и другими философами, принялся изучать философію. Прослушавъ ихъ ученіе, онъ началъ изучать поэзію и наконецъ сдѣлался трагикомъ. На этомъ поприщѣ онъ имѣлъ успѣхъ и былъ пять разъ увѣнчанъ побѣднымъ вѣнкомъ на состязаніяхъ въ драматическомъ искусствѣ.—Эсхилъ значительно измѣнилъ характеръ греческой трагедіи: «судьба», вмѣсто божественнаго значенія, которое она имѣла у Эсхила и Софокла, у него имѣетъ значеніе простой «случайности», все возвышенное, героическое у него является въ самомъ будничномъ видѣ. Недостатокъ художественности въ своемъ произведеніи онъ старается загладить философскими тонкостями и остроуміемъ.—Болѣе всего старался онъ дѣйствовать на слушателей потрясающими эффектами. Страсть къ этимъ эффектамъ доводила его до такого безвыходнаго положенія, что часто онъ принужденъ былъ выводить какое нибудь божество чтобы оно своею сверхъестественной силой распутало интригу. Это называлось «θεὸς ἐπὶ μηχανῆς» (deus ex machina).—Вообще Эврипидъ скорѣе былъ реторъ, чѣмъ поэтъ. У него вмѣсто лирики почти во всѣхъ

драмахъ является судебное краснорѣчіе: дѣйствующія лица въ нихъ произносятъ длинныя рѣчи, построенныя по всѣмъ правиламъ искусства, хоръ является просто лирической вставкой для украшенія драмы, которая начиналась обыкновенно тѣмъ, что герой въ прологѣ разсказывалъ, кто онъ и что намѣренъ сдѣлать.—Его трагедіи, какъ сцѣпленіе различныхъ случайностей, нисколько не связанныхъ между собою общей идеей, могли продолжаться до безконечности; но несмотря на всѣ эти недостатки, трагедіи его хороши тѣмъ, что въ нихъ рисовался весь современный міръ, и такимъ образомъ, сцена у него являлась зеркаломъ дѣйствительности. Софоклъ сказалъ о его произведеніяхъ: «Эврипидъ изображаетъ людей такими, каковы они есть, а не какими должны быть».

За три года до своей смерти, Эврипидъ переѣхалъ въ Македонію, въ резиденцію царя Архелая, принужденный покинуть родной городъ, гдѣ Аристофанъ и другіе не давали ему покоя.—Здѣсь онъ и окончилъ свое существованіе самымъ ужаснымъ образомъ: его растерзали однажды ночью царскія охотничьи собаки.

Сочиненія его.

§ 8. Чтобы составить себѣ болѣе ясное понятіе о характерѣ его сочиненій, изъ которыхъ (123 пьесы) до насъ дошло только 18 трагедій и одна сатирическая драма «Циклопъ», мы приведемъ нѣкоторыя замѣтки изъ Шлоссера о лучшихъ его произведеніяхъ.

Въ своей трагедіи «Гекуба» Эврипидъ воспользовался страшной несправедливостью, сдѣланною противъ троянской царской фамиліи, чтобы перенести на сцену судебное производство и рѣчи которыя аѳиняне такъ охотно слушали. Здѣсь Одиссей представленъ настоящимъ сикофантомъ, до глубины изучавшимъ софистику и искусство превратно толковать слова. *Гекуба.*

Орестъ. «Въ другой трагедіи «Орестъ» опять представляется процессъ со всѣми его подробностями; на сценѣ является даже допросъ свидѣтелей, и длинныя рѣчи обѣихъ сторонъ наполнены политическими взглядами. Кромѣ того въ этой трагедіи драматическое искусство униженo до цѣлей и стремленій обыденной жизни.

Троянки. Но въ трагедіи «Троянки» поэтическій талантъ Эврипида выказался въ полномъ блескѣ: стихи разнаго размѣра такъ искусно перемѣшаны и построены, что здѣсь уже видѣнъ поэтъ знакомый со всѣми науками своего времени. Ораторскіе переходы и расположеніе рѣчи сдѣланы съ такимъ искусствомъ, что имъ нельзя не удивляться. Кромѣ того удачное примѣненіе нѣкоторыхъ мѣстъ изъ Гомера производило глубоко потрясающееe дѣйствіе на сердца грековъ».

Во время упадка трагедіи высокой степени совершенства достигла другая отрасль драмы, комедія.

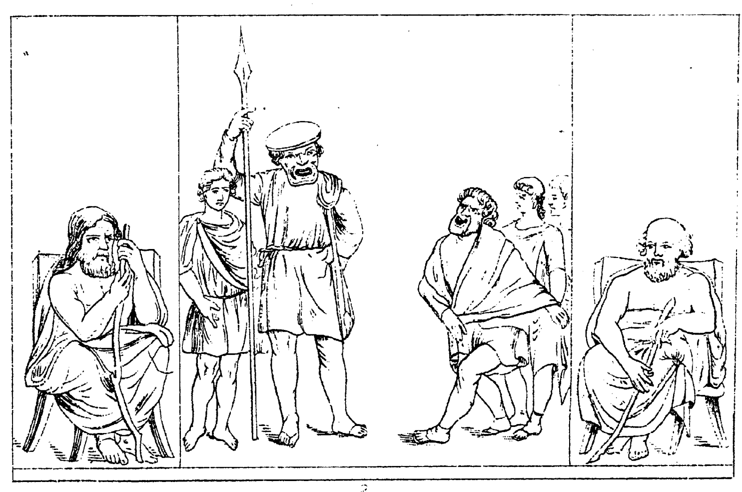
Особенно-же заслуживаетъ она вниманія въ лицѣ Аристофана.

АРИСТОФАНЪ (444—380 г. до Р. Х.)

Онъ былъ Аѳинскимъ гражданиномъ и жилъ въ эпоху пелопоннесской войны, какъ это видно по годамъ его жизни. Аристофанъ единственный изъ греческихъ комиковъ, изъ произведеній котораго дошли до насъ цѣлыя пьесы. Въ своихъ комедіяхъ онъ осмѣиваетъ современныя пороки и недостатки, чтобы тѣмъ яснѣе могло выступить различіе, существовавшее между прежней неиспорченностью и упадкомъ нравовъ его современниковъ. Въ комедіяхъ *) своихъ онъ является привер-

*) Самая замѣчательная комедія Аристофана „Облака", гдѣ онъ въ лицѣ Сократа осмѣиваетъ софистовъ и ихъ ученіе. Подробное содержаніе ея см. прил. 2-е (I).

Лит. С. Т. Еремѣева.

3.

женцемъ старыхъ порядковъ и защитникомъ прежнихъ религіозныхъ вѣрованій противъ того невѣрія, которое пріобрѣтало все болѣе и болѣе сторонниковъ, благодаря стараніямъ софистовъ. Ничто не ускользнуло отъ внимательнаго наблюденія Аристофана: въ своей комедіи «Πλοῦτος» (богатство) онъ, задѣвши слегка Эврипида за его страсть къ эффектамъ, главнымъ образомъ обличаетъ гражданъ въ расточительности и въ страсти къ процессамъ, гдѣ различные крючкотворцы, прикрываясь личиною справедливости и заботы объ общемъ благѣ, совершаютъ всевозможныя гнусныя злодѣйства. Жрецы также обличаются имъ въ безстыдствѣ и различнаго рода мошенничествахъ.—Желая поддержать поэзію, приходившую въ упадокъ, онъ въ своихъ «*Лягушкахъ*» вывелъ на сцену Эврипида, съ его звучными и пустыми фразами, какъ контрастъ съ истинной поэзіей, которая у него выведена въ лицѣ Эсхила.

Во «*Всадникахъ*» онъ осмѣиваетъ кожевника Клеона и ему подобныхъ, и отодвигая простой народъ на заднiй планъ, онъ отдаетъ предпочтенiе среднему сословiю, какъ истинной надежной опорѣ.

Въ «*Ахарнанцахъ*» онъ осмѣиваетъ щегольство молодой знати, которая желаетъ продолженія войны единственно, чтобы имѣть возможность пощеголять новымъ военнымъ нарядомъ и оружіемъ. Главная мысль этой комедіи-показать весь вредъ, какой приноситъ государству война.

Въ «*Осахъ*». онъ осмѣиваетъ простодушныхъ гражданъ, которые, убаюкиваемые льстивыми рѣчами судейскихъ дѣятелей, воображаютъ, что они правятъ государствомъ, а между тѣмъ различныя злоупотребленія приводятъ его въ окончательное разстройство.

ДОБАВЛЕНІЕ.

Кромѣ Аристофана между лучшими писателями древней греческой комедіи упоминаются его современники: Ферекратъ

и Платонъ (не философъ); но изъ ихъ произведеній до насъ дошли только скудные отрывки. Изъ писателей средней комедіи александрійскіе ученые упоминаютъ только о двухъ: Антифанѣ и Алексисѣ изъ Θурія въ Италіи. Оба они жили въ четвертомъ столѣтіи до Р. Х. Изъ сочиненій ихъ тоже сохранились только отрывки, не смотря на то, что ими было написано весьма большое число пьесъ. Наконецъ позднѣйшими представителями греческой комедіи, когда Греція уже была, такъ сказать, наканунѣ своего подчиненія Риму, являются Менандръ, Дифилъ, Филлиппидъ, Филемонъ и Аполлодоръ. Сюжеты для своихъ произведеній эти писатели брали изъ современной жизни, но преимущественно изъ придворнаго быта, или другихъ образованныхъ сферъ, поэтому комедія эта не была уже общенароднымъ удовольствіемъ, а служила развлеченіемъ только для высшихъ слоевъ общества. Новѣйшая греческая комедія была особенно важна въ томъ отношеніи, что способствовала развитію ораторскаго искусства у Римлянъ, такъ какъ они изучали его въ школахъ греческихъ риторовъ, гдѣ главнымъ источникомъ и учебникомъ діалектики были произведенія Менандра и Филемона.

III.

ИСТОРІОГРАФІЯ.

А. ГРЕЧЕСКІЕ ИСТОРИКИ. *)

Логографы. § 1. Проза впервые была введена въ литературу какъ исторіографія, потому что послѣдняя находится въ тѣсной связи съ этической поэзіей и этическій писатель есть естественный предшественникъ и руководитель историка. Начало исторіографіи у Грековъ положили логографы (λογογράφοι), которые разсказывали миѳы и легенды героическаго періода. Главное вниманіе они обращали на генеалогическія отношенія до-исторической древности; источниками имъ служили преимущественно киклическія поэмы. Замѣчательнѣйшіе изъ этихъ миѳографовъ были: Кадмъ (Κάδμος) милетскій, Гекатай (Ἑκαταῖος) милетскій, Акусилай (Ἀκουσίλαος) аргосскій, Ксанѳъ сардійскій и другіе. Логографы играютъ такую-же точно роль въ исторіи, какую въ поэзіи играли пѣвцы до-гомерическаго періода.

1. ГЕРОДОТЪ галикарнасскій.

(«Гомеръ» или «Отецъ» исторіи).

§ 2. Геродотъ (Ἡρόδοτος) родился около 484 г. до Р. Х. въ Галикарнасѣ, дорійской колоніи въ Каріи, занимавшей юго-западную часть Малой Азіи. Еще въ ранней молодости, ос-

---

*) По Шлоссеру.

тавивъ свой родной городъ, онъ объѣхалъ всю Грецію, Македонію и Ѳракію, доходилъ до устьевъ Днѣпра (Βορυσθένης), посѣтилъ страны, лежащія къ востоку отъ Вавилона, а также Египетъ и сосѣднія земли. По возвращеніи изъ путешествія, Геродотъ поселился сначала на островѣ Самосѣ и здѣсь началъ писать свою исторію, въ которой разсказаны войны Грековъ съ Азіятцами, ихъ великая борьба съ персами за свободу, и во многихъ мѣстахъ сдѣланы описанія странъ и народовъ Востока. Въ 444 году Геродотъ присоединился къ аѳинскимъ гражданамъ, отправившимся въ Нижнюю Италію и возстановившимъ подъ именемъ Ѳуріи (Θούριοι) разрушенный Сибарисъ (Σύβαρις). Въ этомъ городѣ онъ провелъ послѣдніе годы своей жизни Онъ умеръ никакъ не ранѣе 408 г. до Р. Х., а слѣдовательно прожилъ по крайней мѣрѣ 77 лѣтъ.

Содержаніе „Исторіи Геродота".

§ 3. По извѣстію, дошедшему до насъ изъ періода позднѣйшей древности, Геродотъ читалъ публично часть своей «Исторіи» (Ἱστορία) въ первый разъ на Олимпійскихъ играхъ, потомъ еще разъ въ Коринѳѣ и наконецъ въ послѣдній разъ въ 446 году въ Аѳинахъ. Войны между Греками и варварами, происходившія отъ древней ненависти между Европою и Азіею, составляютъ въ исторіи Геродота центръ, къ которому примыкаетъ цѣлый рядъ историческихъ, географическихъ и этнографическихъ картинъ. Александрійскіе ученые раздѣлили его исторію на 9 книгъ, которымъ они дали названіе девяти музъ. Описаніе войнъ между Греками и Персами даетъ сочиненію Геродота значеніе въ высшей степени народнаго произведенія; многочисленные эпизоды и картины, заключающія въ себѣ занимательное описаніе извѣстныхъ въ то время народовъ, даютъ ей значеніе всеобщей исторіи. Описаніе страны чудесъ— Египта, который онъ прошелъ по всему его протяженію отъ сѣвера до юга, который онъ изучалъ во всѣхъ его подробностяхъ и описалъ съ величайшею вѣрностью, занимаетъ блестящія страницы его исторіи. Геродотъ начинаетъ разсказъ

о великой борьбѣ своихъ соотечественниковъ съ персами за независимость съ описанія самыхъ первыхъ враждебныхъ столкновеній Востока съ Греціею, о которыхъ только запоминаетъ исторія. Онъ упоминаетъ сначала преданія о похищеніи финикіянки Европы, колхидянки Медеи и гречанки Гелены, потомъ говоритъ о первой исторически достовѣрной войнѣ грековъ съ азіатскимъ народомъ, т. е. о покореніи малоазіатскихъ Грековъ лидійскимъ царемъ Крезомъ. Это служитъ ему поводомъ къ изложенію исторіи Лидійцевъ. Подчиненіе этого народа Киромъ приводитъ его къ персамъ и мидянамъ, а покореніе вавилонянъ и египтянъ персами, даетъ ему поводъ перейти къ этимъ двумъ народамъ и ассирійцамъ.

Говоря о царѣ Даріѣ Гистаспѣ и о его походѣ противъ скиѳовъ, онъ дѣлаетъ описаніе скиѳскихъ племенъ и ихъ страны, (весьма важное, между прочимъ, и для древнѣйшей исторіи и этнографіи Славянъ). Въ пятой книгѣ онъ доходитъ до возстанія малоазіатскихъ Грековъ противъ Дарія и до войны, вспыхнувшей вслѣдствіе того между персами и европейскими Греками. Война эта подробно излагается въ слѣдующихъ четырехъ книгахъ,—но только до сраженій при Платеѣ и Микале, которыми и оканчивается его сочиненіе.

Геродотъ очень часто прерываетъ нить своего изложенія и вставляетъ въ видѣ эпизода какой нибудь посторонній разсказъ. Помѣщая такіе эпизоды, онъ имѣлъ въ виду или занять читателя, или нагляднымъ образомъ представить различіе между греческимъ и азіатскимъ бытомъ. Его сочиненіе было народною книгою и въ то же время прозаическимъ эпосомъ, назначеннымъ для чтенія юношества.—По этому-то, чтобы привлечь вниманіе молодыхъ читателей или слушателей и придать своей книгѣ болѣе разнообразія, Геродотъ и помѣстилъ въ ней множество анекдотовъ и чудесныхъ разсказовъ, дѣлавшихъ его чисто-историческій разсказъ привлекательнѣе для подвижнаго и живаго ума Грековъ.

Геродотъ въ своей исторіи разсказываетъ много баснословнаго, и потому часто возникало сомнѣніе въ достовѣрности сообщаемыхъ имъ фактовъ; однако, не говоря уже о томъ, что многое, считавшееся прежде баснями, подтвердилось въ наше время болѣе точнымъ изученіемъ странъ и народовъ, легенды и баснословные разсказы Геродота имѣютъ свое основаніе. Сочиненіе его отъ начала до конца предназначалось для всеобщаго чтенія, оно должно было быть народною книгою и потому не могло не заключать въ себѣ чудесныхъ и баснословныхъ разсказовъ *).

2. ѲУКИДИДЪ.

§ 4. Второй изъ трехъ великихъ историковъ Грековъ, Ѳукидидъ (Θουκυδίδης), родился въ Аѳинахъ въ 471 г. до Р. Х. тринадцатью годами позже Геродота. Сначала онъ принималъ дѣятельное участіе въ Пелопоннесской войнѣ, которая и описана имъ въ особомъ сочиненіи. Въ восьмой годъ этой войны онъ, между прочимъ, командовалъ эскадрою аѳинскаго флота, но былъ отрѣшенъ отъ должности и изгнанъ изъ Аѳинъ за то, что не могъ защитить городъ Амфиполь отъ нападенія Спартанцевъ, подъ начальствомъ Бразида. Тогда онъ поселился въ одномъ небольшомъ ѳракійскомъ городѣ, (Σκαπτὴ Ὕλη), родинѣ его жены и, за исключеніемъ нѣсколькихъ поѣздокъ въ разные греческіе города, прожилъ тамъ около двадцати лѣтъ. Все это время Ѳукидидъ посвятилъ преимущественно приготовительнымъ трудамъ для своего знаменитаго историческаго сочиненія о Пелопоннесской войнѣ. По взятіи Аѳинъ Лисан-

*) Геродотъ, хотя и былъ дорійскаго происхожденія, но написалъ свою исторію, по примѣру своихъ предшественниковъ (логографовъ), на іоническомъ діалектѣ, который, въ отличіе отъ эпическаго, называется новоіоническомъ (ἡ νέα Ἰάς).

дромъ, онъ воспользовался объявленной всеобщей амнистіей и возвратился на родину. Время его смерти неизвѣстно; мы знаемъ только, что онъ былъ еще живъ при концѣ Пелопоннесской войны и, слѣдовательно, имѣлъ тогда по крайней мѣрѣ семьдесятъ лѣтъ отъ роду.

„Исторія" его. § 5. Сочиненіе Ѳукидида обнимаетъ собою только первые двадцать одинъ годъ Пелопоннесской войны; смерть помѣшала ему окончить полную исторію этой войны. Въ теченіе 20 лѣтъ изгнанія онъ собралъ много свѣдѣній о народной Пелопоннесской войнѣ и на этихъ данныхъ, на лично видѣнномъ имъ и изслѣдованномъ, написалъ исторію этой войны, въ восьми книгахъ. Возвышенный, мѣстами до крайности сжатый *) слогъ ея, высокіе помыслы и образцовое искусство изложенія ставятъ его произведеніе на недосягаемую высоту. Онъ былъ такъ глубоко проникнутъ грозными происшествіями, разрушившими Грецію, что исторіи своей далъ трагическій тонъ и она считается высокою историческою трагедіею.—Онъ раздѣлилъ свою исторію на полугодичные періоды и, искусно связавъ ее рѣчами дѣятелей, основалъ форму бытописаній, свойственную только Грекамъ.

Рѣчи въ ней такъ ловко и кстати вставлены, что, не прерывая историческаго разсказа, объясняютъ событія и борьбу партій. Онъ умѣлъ такъ остроумно изображать духъ народный и съ такою рельефностію описывалъ битвы, что слава великаго писателя достойно украшаетъ его имя. Ѳукидидъ хотя вѣрилъ миѳамъ, но пояснялъ ихъ такъ, что изъ вымысла выходила исторія, каждому изъ нихъ онъ придавалъ связь, политическій смыслъ и историческую вѣроятность. Перетолковывая чудесное, обращалъ его изъ дѣла боговъ въ естественное событіе. Такъ, по его мнѣнію, Эолъ—богъ вѣтра, былъ только опытный морякъ, предсказывавшій вѣтры. То, чего еще недостаетъ ему до полнаго совершенства, заключается въ одномъ

*) Ср. Тацита.

только слогѣ тяжеломъ, иногда темномъ,—потому-ли что Өукидидъ не успѣлъ сообщить своему труду окончательной отдѣлки, или можетъ быть недостатокъ этотъ надо приписать эпохѣ, въ которую проза, только что возникшая и начинавшая образовываться, стремясь достигнуть высоты слога, не могла наложить на себя искусственной формы, не оставивъ слѣдовъ предшествовавшей этому борьбы; наконецъ совершенно вѣроятно, что нѣкоторая суровость слога прилична мрачному содержанію его трагическаго повѣствованія, прилична страшной катастрофѣ паденія и упадка его отечества. Описывая эту катастрофу, онъ, какъ говоритъ самъ въ введеніи къ своему труду, работалъ не для минутнаго занятія, но хотѣлъ чтобъ его книга была «вѣчнымъ памятникомъ».

3. КСЕНОФОНТЪ.

§ 6. Ксенофонтъ (Ξενοφῶν), славный греческій военачальникъ, историкъ и философъ, родился въ Аөинахъ въ 444 году до Р. Хр. Будучи еще шестнадцатилѣтнимъ юношей, онъ познакомился съ Сократомъ и сдѣлался однимъ изъ усерднѣйшихъ его учениковъ и друзей. Первый свой военный походъ онъ совершилъ во время Пелопоннесской войны.

Вмѣстѣ съ учителемъ своимъ Сократомъ онъ участвовалъ въ сраженіи при Деліи, въ которомъ едва не былъ убитъ, и избавился отъ смерти, только благодаря Сократу, который прикрылъ его своимъ щитомъ. Находясь въ войскахъ своего отечества во все время Пелопоннесской войны, Ксенофонтъ пріобрѣлъ большую опытность въ военномъ дѣлѣ, благодаря чему впослѣдствіи пріобрѣлъ славу отличнаго военачальника. Въ 401 году мы встрѣчаемъ его въ Сардахъ, куда онъ отправился, по приглашенію Проксена, и вступилъ добровольцемъ въ войска Кира младшаго, который началъ военныя дѣйствія противъ своего старшаго брата Артаксеркса II Мнемона. Ксено-

фонтъ начальствовалъ надъ вспомогательнымъ отрядомъ Грековъ, большей частью Аѳинянъ и Спартанцевъ.—Когда въ несчастномъ сраженіи при Кунаксѣ, въ которомъ Киръ былъ убитъ, Греки были поставлены въ затруднительное положеніе относительно возвращенія на родину, Ксенофонтъ поддержалъ мужество своихъ соотечественниковъ. Благодаря своему краснорѣчію и военной опытности, онъ получилъ начальство. Во все время отступленія онъ постоянно ободрялъ падавшихъ духомъ Грековъ, пока они, послѣ весьма труднаго похода чрезъ Месопотамію и Арменію, наконецъ дошли до Трапезунта, на берегу Чернаго моря. Здѣсь онъ сложилъ съ себя начальство и передалъ его спартанцу Ѳимброну.—По своемъ возвращеніи въ Грецію, Ксенофонтъ пробылъ нѣкоторое время въ Аѳинахъ. Въ 305 году онъ принималъ участіе въ новомъ походѣ противъ Персовъ, подъ предводительствомъ Агесилая, царя спартанскаго.—За эти услуги, оказанныя Спартѣ, онъ былъ изгнанъ изъ Аѳинъ и награжденъ Спартанцами участкомъ земли въ Элидскомъ мѣстечкѣ Скиллунтѣ (*Σκιλλοῦς*) въ Пелопоннесѣ, гдѣ провелъ большую часть жизни (болѣе 20 лѣтъ).—Здѣсь онъ занимался земледѣліемъ, охотой, а также написалъ многія свои философскія и историческія сочиненія. Послѣ сраженія при Левктрахъ (въ 371 году), будучи изгнанъ изъ Элиды, онъ переселился въ Коринѳъ, и когда былъ заключенъ миръ между Аѳинами и Спартой, возвратился въ отечество, гдѣ и умеръ въ 355 году до Р. Хр., имѣя 90 лѣтъ отъ роду.

Сочиненія его.

§ 7. Сочиненія его отчасти философскаго, отчасти историческаго, а также политическаго и дидактическаго содержанія.

I. Къ Историческимъ произведеніямъ относятся:

1) *Κύρου παιδεία* (8 книгъ).

2) Ἀνάβασις (7 книгъ).
3) Ἑλληνικά (7 книгъ, продолженіе Θукидидовой исторіи Пелопоннесской войны).
4) Ἀγησίλαος (Похвальное слово спартанскому царю Агесилаю).

II. Къ Политическимъ произведеніямъ относятся:

1) Λακεδαιμονίων πολιτεία (о государственномъ устройствѣ Лакедемонянъ).
2) Ἀθηναίων πολιτεία (можетъ быть подложная).
3) Πόροι ἢ Περὶ προσόδων (о государственныхъ доходахъ).
4) Ἱέρω (вымышленный разговоръ сиракузскаго тиранна Гіерона съ поэтомъ Симонидомъ о выгодахъ и трудностяхъ правителя, въ сравненіи съ жизнью простаго гражданина).

III. Къ Дидактическимъ произведеніямъ относятся:

1) Ἱππαρχικός (объ обязанностяхъ начальника конницы).
2) Περὶ ἱππικῆς (о лошадяхъ).
3) Κυνηγετικός (о собакахъ и охотѣ).

IV. Къ Философскимъ произведеніямъ относятся:

1) Ἀπομνημονεύματα Σωκράτους
2) Σωκράτους ἀπολογία (оправданіе жизни Сократа послѣ осужденія его на смерть).
3) Συμπόσιον φιλοσόφων (разговоръ за столомъ о любви и дружбѣ).
4) Οἰκονομικὸς λόγος (разговоръ Критобула съ Сократомъ о земледѣліи и хозяйствѣ).

I. „Ἀνάβασις"

Въ этомъ сочиненіи описывается отступленіе 13000 Грековъ, бывшихъ въ службѣ у Кира младшаго и совершившихъ походъ до Кунаксы и оттуда, среди безчисленныхъ препятствій, обратно въ Грецію. Ксенофонтъ составилъ описаніе этого похода по дневникамъ, которые онъ велъ во время самаго

похода (ср. commentarii Цезаря). Какъ въ самомъ походѣ, такъ и въ описаніи его является вездѣ въ самомъ яркомъ свѣтѣ превосходство греческой образованности надъ суровостью и дикостью восточныхъ варваровъ. Въ продолженіе всего похода производилось измѣреніе пути, собирались географическія данныя, съ цѣлью орьентироваться; все это, точно также какъ и тактика, которой держались Греки въ постоянныхъ битвахъ съ Персами, описывается Ксенофонтомъ совершенно просто и какъ бы прямо взято изъ того дневника, въ который онъ все вносилъ подъ только что полученнымъ впечатлѣніемъ.

Въ *первой* книгѣ описывается начало враждебныхъ дѣйствій Кира противъ Артаксеркса, собираніе имъ военныхъ силъ, походъ во внутрь Азіи, наконецъ битва при Кунаксѣ и смерть Кира.

Во *второй* книгѣ описывается положеніе Грековъ послѣ сраженія, отступленіе ихъ черезъ Мидію вмѣстѣ съ Тиссаферномъ и измѣна послѣдняго.

Въ *третьей* книгѣ разсказывается о положеніи войска послѣ измѣны Тиссаферна, о выборѣ Ксенофонта въ предводители и объ отступленіи Грековъ подъ предводительствомъ послѣдняго.

Въ *четвертой* книгѣ разсказъ идетъ о движеніи Грековъ черезъ Арменію до Трапезунта.

Въ *пятой* книгѣ о ихъ движеніи черезъ Понтъ до Котіоръ.

Въ *шестой*—о пребываніи ихъ въ Пафлагоніи, о мирномъ договорѣ съ Пафлагонцами, отпразднованномъ торжественными играми и жертвоприношеніями.

Объ отплытіи ихъ изъ Пафлогоніи и о прибытіи въ Хрисополь.

Въ *седьмой* о движеніи ихъ до Пергама.

II „Κύρου παιδεία“. Въ «Киропедіи» Ксенофонтъ написалъ, въ видѣ романа, исторію основателя персидской монархіи.—Въ ней онъ намъ ри-

суетъ идеалъ государя, составленный на основаніи ученія Сократа, и проводитъ мысль, что самостоятельный государь своею любовью, простотою и мудростью можетъ доставить полное счастье своимъ подданнымъ. Въ этомъ сочиненіи передъ нами является смѣсь историческаго, поэтическаго и нравоучительнаго. Красота частностей, легкость, ясность и прелесть слога дѣлаютъ это произведеніе однимъ изъ прекраснѣйшихъ письменныхъ памятниковъ древности.

III. „Ἀπομνημονεύματα Σωκράτους"

Одно изъ важнѣйшихъ философскихъ сочиненій Ксенофонта носитъ названіе «Воспоминанія о Сократѣ». Оно лучше всѣхъ остальныхъ знакомитъ насъ съ воззрѣніями тогдашняго общества, потому что въ немъ авторъ заставляетъ своего учителя проповѣдывать то же философское ученіе, котораго держался и онъ самъ и многіе другіе его современники. Сочиненіе это состоитъ изъ 4-хъ книгъ. Первые двѣ книги заключаютъ въ себѣ обязанности относительно всѣхъ людей.

Въ *первой книгѣ* Ксенофонтъ защищаетъ Сократа отъ обвиненій, которыя взвели на него Анитъ, Мелитъ и Ликонъ, а именно, что «ἀδικεῖ Σωκράτης οὓς μὲν ἡ πόλις νομίζει θεοὺς οὐ νομίζων, ἕτερα δὲ καινὰ δαιμόνια εἰσφέρων. ἀδικεῖ δὲ καὶ τοὺς νέους διαφθείρων», и доказываетъ, что онъ не только не развращалъ юношей, но напротивъ былъ имъ полезенъ.

Во *второй книгѣ* онъ указываетъ на то, какъ Сократъ исправлялъ впавшихъ въ заблужденіе, заставлялъ своихъ учениковъ цѣнить воздержаніе, твердость, уважать и почитать родителей, братьевъ, друзей, и излагаетъ ученіе Сократа о дружбѣ.

Въ *третьей книгѣ* рѣчь идетъ объ обязанностяхъ людей въ должностяхъ и другихъ положеніяхъ въ жизни. Ксенофонтъ показываетъ, какъ Сократъ полезенъ тѣмъ, кто желаетъ вступить въ государственную службу, потомъ, какъ онъ полезенъ собесѣдникамъ своими разговорами, совѣтами

и указаніями на ошибки, а также на его собственную умѣренность и простоту.

Въ *четвертой книгѣ* Ксенофонтъ представляетъ Сократа въ тѣснѣйшей связи со своими учениками и друзьями и его искусство привлекать ихъ къ себѣ и благодѣтельно вліять на ихъ умственное развитіе. Прежде всего онъ полагаетъ въ сердцахъ своихъ учениковъ страхъ Божій и справедливость, какъ начало спеціальнаго ученія, а потомъ уже приступаетъ къ дальнѣйшему ихъ развитію, съ цѣлью сдѣлать ихъ способными къ дѣлу, искусными къ распознаванію и развитію основныхъ идей, самостоятельными во всѣхъ явленіяхъ и случайностяхъ жизни. Наконецъ въ послѣдней главѣ Ксенофонтъ доказываетъ, что участь Сократа вовсе не опровергаетъ его словъ, что «Божество посылаетъ ему откровенія», что также входило въ число обвиненій.

ДОБАВЛЕНІЕ.

Изъ историковъ позднѣйшихъ временъ, сочиненія которыхъ дошли до насъ только отчасти, мы знаемъ:

1) Поливія (Πολύβιος) изъ Мегалополя (въ Аркадіи), род. около 204 года до Р. Хр., написавшаго прагматическую всеобщую исторію (ἱστορία καθολική) въ 40 книгахъ.

2) Діодора (Διόδωρος) изъ Сициліи, около 40 года до Р. Хр., замѣчательнаго составленіемъ историческаго сборника подъ названіемъ «Βιβλιοθήκη» въ 40 книгахъ.

3) Діонисія Галикарнасскаго род. ок. 70 г. по Р. Хр., писавшаго о римскихъ древностяхъ (Ῥωμαική ἀρχαιολογία— въ 20 книгахъ).

4) Іосифа Флавія (Ἰόσηπος), писавшаго объ «Іудейской войнѣ», и объ «Іудейскихъ древностяхъ».

5) Плутарха (Πλούταρχος) изъ Бэотіи, жившаго во 2-й половинѣ перваго вѣка по Р. Хр., автора превосходной книги «Сравнительныя жизнеописанія» [Βίοι παράλληλοι].

6) Арріана (Ἀρριανός) изъ Виѳиніи ок. 100 г. по Р. Хр., написавшаго «Ἀνάβασις Ἀλεξάνδρου»;—и нѣкоторыхъ другихъ.

В. РИМСКІЕ ИСТОРИКИ. *)

I. КОРНЕЛІЙ НЕПОТЪ.

§ 8. Корнелій Непотъ былъ младшій современникъ Цицерона. Объ обстоятельствахъ его жизни до насъ дошли только весьма немногія свѣдѣнія. Плиній говоритъ, что онъ былъ родомъ изъ Верхней Италіи.—Отъ его обширныхъ историческихъ трудовъ сохранились только скудные отрывки; а книга, извѣстная подъ его именемъ, «Жизнеописанія знаменитыхъ полководцевъ» (Vitae excellentium imperatorum)—есть или позднѣйшая поддѣлка, или не очень удачная переработка сочиненія, которое въ самомъ дѣлѣ принадлежало Непоту. Сочиненіе это есть родъ карманной книги, въ которой обрисовываются въ краткихъ чертахъ великіе характеры, достойные подражанія. Корнелій Непотъ набросалъ свои характеристики, которыя почти всѣ взяты изъ греческой исторіи, собственно съ цѣлью воспламенить энтузіазмъ народа и этимъ воскресить прежнюю доблесть его. Онѣ должны были служить образцами римскому юношеству, и выставляя одну блестящую сторону людей всѣхъ временъ, отвлечь ихъ вниманіе отъ жалкихъ цѣлей правительствующей аристократіи. Такимъ образомъ трудъ Корнелія Непота составляетъ совершенную противуположность сочиненіямъ Саллустія, который выставляетъ въ нихъ одну отталкивающую, эгоистическую сторону значительнѣйшихъ людей своего времени.

Изъ другихъ его сочиненій замѣчательны: «*Chronicorum lib.* V», «*Exemplorum libri*», *Libri illustrium virorum*». Отрывки, дошедшія до насъ отъ этихъ сочиненій, свидѣтельствуютъ о богатомъ запасѣ историческихъ знаній, которыми онъ обладалъ, и объ обширности его трудовъ, которыхъ главной задачей было воскрешеніе умершаго патріотизма въ сердцахъ римскаго народа.

---

*) По Динтеру и Милюкову.

2. КАЙ ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ.

§ 9. Кай Юлій Цезарь (Gaius Iulius Caesar) родился въ 100 году до Рожд. Христ. въ мѣсяцѣ *quinctilis*, который впослѣдствіи былъ переименованъ въ честь его и названъ Iulius; отецъ его былъ преторомъ, а мать происходила изъ семейства Марка Аврелія Котты.

Онъ, говорятъ, былъ высокаго роста, черты лица его были нѣсколько женственны, глаза черны и живы, притомъ онъ пользовался счастливымъ здоровьемъ, былъ кротокъ и ласковъ по природѣ, обладалъ большою разсудительностью, обширною памятью, былъ дѣятеленъ, выносчивъ въ трудахъ и весьма честолюбивъ.

Наставникомъ его былъ М. Антоній Гнифонъ, родомъ Галлъ, человѣкъ ученый, знавшій отлично Латинскій и Греческій языкъ. Въ 83 году Цезарь женился на Корнеліи, дочери Люція Корнелія Цинны, бывшаго 4 раза консуломъ и убитаго за годъ до женитьбы Цезаря взбунтовавшимся войскомъ. Когда Л. Корн. Сулла велѣлъ ему развестись съ своею женою, онъ отказался, за что былъ лишенъ всего имущества и голова его была оцѣнена. Бѣгствомъ только удалось ему спастись отъ клевретовъ Суллы. Переодѣтый скрывался онъ въ Сабинскихъ горахъ до тѣхъ поръ пока Весталки, Аврелій Котта и прочіе друзья его въ Римѣ не заставили Суллу помиловать его, хотя послѣднему не очень то хотѣлось прощать Цезаря.

Въ слѣдующемъ году (80) онъ впервые отличился на военномъ поприщѣ въ Азіи, въ войскѣ пропретора М. Минуція Терма, который увѣнчалъ его гражданскимъ вѣнкомъ (corona civica), за то, что онъ спасъ жизнь одному изъ товарищей во время завоеванія гор. Митилены. Здѣсь-же онъ успѣшно выполнялъ порученія Минуція, въ томъ числѣ и то, когда былъ отправленъ гонцомъ въ Виѳинію, чтобы потребовать флотъ у царя.

Три года спустя, когда Цезарь сражался противъ киликійскихъ морскихъ разбойниковъ, во флотѣ проконсула П. Сервилія Ватіи Исаврика (Vatia Isauricus), умеръ Сулла. Цезарь, получивъ извѣстіе о смерти его, тотчасъ отправился въ Римъ, гдѣ присталъ къ народной партіи. Въ слѣдующемъ году (77) онъ явился обвинителемъ въ лихоимствѣ Кнея Корнелія Долабеллы, (худо управлявшаго въ 80 году, въ качествѣ проконсула, Македоніею); а черезъ годъ въ томъ же онъ обвинялъ и Кнея Антонія, который угнеталъ поборами Ахайю. Хотя ни одного изъ этихъ сторонниковъ Суллы не осудили, но Цезарь все таки получилъ за это большую похвалу.

Въ концѣ того-же года, отправляясь въ Родосъ къ ретору Молону, чтобы подъ его руководствомъ упражняться въ ораторскомъ искусствѣ, онъ захваченъ былъ на пути вблизи Милета морскими разбойниками. Между ними онъ пробылъ 40 дней и держалъ себя съ такимъ достоинствомъ, что пираты относились къ нему съ уваженіемъ. Онъ обѣщалъ имъ, что какъ только будетъ выкупленъ, то немедленно постарается захватить ихъ и перевѣшать на крестахъ; и дѣйствительно, лишь только освободился, онъ погнался за ними на Милетскихъ корабляхъ, и захвативши, всѣхъ распялъ въ Пергамѣ на крестахъ.

Пробывши годъ на Родосѣ у Молона, онъ возвратился въ Римъ, гдѣ его заочно избрали въ жрецы (pontifex) на мѣсто дяди его по матери, Аврелія Котты. Занимая это мѣсто, онъ своею бдительностью и щедростію такъ расположилъ къ себѣ народъ, что онъ поддержалъ избраніе его въ должность военнаго трибуна (tribunus militum). Тогда онъ началъ хлопотать о возстановленіи прежняго значенія трибуновъ, ограниченнаго Суллой, и дѣйствовалъ съ такою энергіею, что черезъ 4 года, во время консульства Помпея и Красса, вполнѣ достигъ своей цѣли.

Въ 67 году, въ качествѣ квестора, онъ добросовѣстно творилъ судъ и расправу въ задней Испаніи (ulterior). Здѣсь-же, говорятъ, онъ посѣтилъ Кадиксъ, и остановившись предъ статуей Александра Великаго, со слезами горечи воскликнулъ: «Александръ въ мои лѣта завоевалъ уже вселенную, а я еще ничего не сдѣлалъ»!

Не дождавшись конца своего назначенія въ Испаніи, онъ возвратился въ Римъ, гдѣ оплакалъ смерть тетки Юліи и супруги своей Корнеліи. Онъ женился вторично на Помпеѣ, внучкѣ Суллы. Когда въ 65 году былъ открытъ заговоръ Катилины, то въ это дѣло замѣшанъ былъ и Цезарь; но за неимѣніемъ явныхъ уликъ его не посмѣли обвинить, тѣмъ болѣе, что видѣли, какъ благоволитъ къ нему народъ. Въ томъ же году онъ получилъ должность курульнаго эдила (aedilis curulis) вмѣстѣ съ М. Кальпурніемъ, снова поставилъ разрушенную Суллою статую Марія, украсилъ форумъ статуями, базилики и Капитолій картинами и устраивалъ на свой собственный счетъ блистательныя игры, чѣмъ все болѣе пріобрѣталъ любовь народа. Въ 62 году Цезарь вступилъ въ должность претора и отправился за Эбро въ Испанію (Hispania ulterior); на этомъ пути, говорятъ, онъ произнесъ знаменитыя слова, что предпочитаетъ быть въ горной деревнѣ первымъ, чѣмъ въ Римѣ вторымъ. Окончивъ съ большимъ успѣхомъ войну съ Лузитанами и Галлеками (Gallaeci) и завоевавъ Brigantium онъ возвратился въ Римъ, гдѣ выступилъ кандидатомъ на консульство и заключилъ (въ 60 году) союзъ съ Кн. Помпеемъ и Л. Лициніемъ Крассомъ, обыкновенно называемый первымъ тріумвиратомъ. Въ слѣдующемъ (59) году онъ сдѣлался консуломъ, имѣя отъ роду 41 годъ. Въ этомъ же самомъ году онъ развелся со второю женою своею Помпеею, женился на Кальпурніи, дочери Л. Кальпурнія Пизона (консула 58), и для укрѣпленія союза съ Помпеемъ, выдалъ за него свою дочь Юлію отъ перваго брака. Тогда же народъ назначилъ

ему на 5 лѣтъ въ управленіе провинціи: Цизальпинскую Галлію и Иллирію съ тремя легіонами, сенатъ же прибавилъ еще Транзальпинскую провинцію (Narbonensis) съ однимъ легіономъ.

DE BELLO GALLICO.

§ 10. Восьмилѣтнія войны (58—51) Цезаря въ Галліи (Британіи и Германіи) описаны имъ самимъ въ 7-ми книгахъ «*Commentarii* (ἐφημερίδες) *de bello gallico*» (Записки о войнѣ въ Галліи), обнародованныя весною 51 года. (Восьмая книга была позднѣе прибавлена его легатомъ А. Гиртіемъ).

Первый годъ войны, въ консульство Л. Кальпурнія Пизона и А. Габинія, описанъ Цезаремъ въ первой книгѣ de bello gallico. Въ теченіи этого года Ц. набираетъ къ назначеннымъ ему четыремъ легіонамъ еще два новыхъ легіона, такъ что во время двухъ кровопролитныхъ войнъ съ Гельветами (2—29) и съ Германцами (30—54) у него было всего 6 легіоновъ. Побѣдивъ какъ Гельветовъ, такъ и Германцевъ, переселившихся подъ предводительствомъ Аріовиста въ Галлію, Цезарь располагаетъ свои войска на зимнія квартиры въ землю Секвановъ, а самъ отправляется въ Верхнюю Италію (54). Commentarius I.

Событія *втораго года* (57) войны, въ консульство П. Корнелія Лентула Спинтера и Кв. Цецилія Метелла Непота, когда у Цезаря было 8 легіоновъ, содержатся во второй книгѣ и въ первыхъ шести главахъ третьей. Къ этому году относится война съ Бельгами, слѣдствіемъ которой было покореніе Ремовъ, Свессіоновъ, Белловаковъ, Амбіановъ и въ особенности могущественнаго племени Нервіевъ, и еще нѣкоторыхъ другихъ народовъ на берегу океана. По полученіи отъ Цезаря извѣстія о побѣдѣ, сенатомъ въ Римѣ (по предложенію Цицерона) совершается 15-ти дневное благодарственное торжество. Commentarius II.

Третій годъ (56) войны, въ консульство Кл. Корнелія Лентула Марцеллинна и Л. Марція Филиппа, когда у Цезаря было 8 легіоновъ, описанъ въ третьей книгѣ отъ главы 7—29. Commentarius III.

Въ апрѣлѣ этого года, прежде возвращенія своего въ Галлію, Цезарь имѣлъ свиданія, въ Равеннѣ съ Крассомъ, а потомъ въ Луккѣ съ Помпеемъ и Крассомъ; здѣсь они рѣшили, что Помпей и Крассъ будутъ консулами въ слѣдующемъ году; въ то же время, какъ проконсулы, они получаютъ на 5 лѣтъ— Помпей Испанію, Крассъ Сирію и Парѳянскую войну, Цезарь Галлію и Германію (на второе пятилѣтіе). Два закона объ этомъ (leges Trebоniae) прошли въ слѣдующемъ году, не смотря на сопротивленіе М. Домиція и М. Катона. Цезарю были даны 10 легатовъ въ чинѣ пропретора. И такъ Галлія была отдана ему на 58—49 гг.; (но уже въ 50 году вспыхнула гражданская война).

Весною 55 года Цезарь покорилъ Венетовъ, Венеловъ и Аввитанцевъ.

Commentarius IV. Въ *четвертомъ году* (четвертая книга), въ консульство Кн. Помпея и М. Лицинія Красса, Цезарь сражался съ разными племенами Германцевъ, которыхъ прогналъ за Рейнъ, и, наведши знаменитый мостъ на сваяхъ (между Боромъ и Кобленцомъ), далеко преслѣдовалъ. Въ этомъ же году онъ рѣшился переправиться въ Британію (20—26). По случаю извѣстія отъ Цезаря о новыхъ побѣдахъ, въ Римѣ назначается сенатомъ 20-ти дневное благодарственное торжество.

Commentarius V. Въ *пятомъ году* (пятая книга), въ консульство Д. Домиція Агенобарба и Аппія Клавдія Пульхера, Цезарь приказываетъ, для вторичнаго похода въ Британію, строить суда; затѣмъ отправляется сначала въ Иллирію, а вскорѣ послѣ того въ Галлію, гдѣ возстали Треверы и Эдуи. Усмиривши ихъ онъ переправился въ Британію, гдѣ покорилъ нѣсколько племенъ. По возвращеніи въ Галлію, онъ потерпѣлъ пораженіе отъ Эбуроновъ, но оправившись совершеннно разбилъ ихъ, равно какъ и Нервіевъ съ Адуатуками. Въ этомъ же году и началѣ 6-го онъ успокоилъ Свеноповъ и Треверовъ.

Въ *шестой годъ* (шестая книга), набравъ еще два легіона, (итого 10) Цезарь перешелъ за Рейнъ (изображеніе нравовъ Галловъ и Германцевъ 11—24); возвратившись (вторично) онъ опустошилъ область Эбуроновъ, и вернулся въ Италію. Commentarius VI.

Въ *седьмой годъ* (седьмая книга) въ консульство Кн. Помпея Магна, когда Галлы снова возстали, подъ предводительствомъ Верцингеторига, Цезарь двинулся противъ нихъ, и потерпѣвъ сначала пораженіе подъ Герговіей, онъ наконецъ разбилъ Галловъ подъ Алезіей, такъ что самъ Верцигенторигъ отдалъ себя въ его руки. Въ Римѣ 20-ти дневное благодарственное торжество (90). Commentarius VII.

Восьмой и девятый годъ войны (51—50), разсказаны не самимъ Цезаремъ. Оба эти года посвящены были Цезаремъ главнымъ образомъ на поддерживаніе спокойствія въ разныхъ странахъ Галліи. Commentarius VIII.

Между тѣмъ въ Римѣ Помпей и его приверженцы, не смотря на то, что Цезарю было дозволено баллотироваться на консула заочно, дѣлаютъ предложеніе, чтобы отсутствующаго не принимать въ расчетъ, и такъ какъ война окончена, то отнять у него 2 легіона и отдать Помпею подъ предлогомъ, что они нужны въ Парѳянской войнѣ. Это послужило послѣднимъ поводомъ къ *гражданской* или *междоусобной войнѣ*, продолжавшейся отъ 49 до 45 года, и отчасти описанной самимъ Цезаремъ въ трехъ книгахъ «*Commentarii de bello civili*» (Записки о гражданской войнѣ). Содержаніе этого сочиненія, заключающаго въ себѣ событія до Александрійской войны, слѣдующее:

DE BELLO CIVILI.

§ 16. Лишь только Цезарь узналъ о распоряженіяхъ сената на счетъ его войска, онъ тотчасъ написалъ въ Римъ письмо, въ которомъ просилъ сенатъ не отнимать у него солдатъ, которые, при постоянныхъ возстаніяхъ въ Галліи, ему были необходимы; но его письмо благодаря стараніямъ консула Commentarius I.

Лентула и Цицерона, не дошло въ сенатъ, который въ то время началъ оказывать явное расположеніе Помпею.

Такимъ образомъ въ одномъ изъ послѣдовавшихъ за тѣмъ засѣданій сената постановлено произвесть во всей Италіи наборъ войска для войны противъ Цезаря. Тогда Цезарь, напрасно попытавшись сохранить миръ, перешелъ Рубиконъ (при этомъ переходѣ, говорятъ, онъ произнесъ послѣ нѣкотораго раздумья рѣшительныя слова «жребій брошенъ») и завладѣлъ всѣмъ восточнымъ берегомъ Италіи, отъ Равенны до Брундузія, гдѣ осадилъ Помпея. Но Помпею удалось убѣжать въ Диррахій и городъ сдался Цезарю. (lib. I cap. 1—28). Въ то же самое время Валерій, легатъ Цезаря, вытѣснилъ изъ Сардиніи Котту, одного изъ сторонниковъ Помпея, другой легатъ Куріонъ, выгналъ Катона изъ Сициліи, въ Африкѣ же Туберону противоборствовалъ Варъ. (29—31). Цезарь напрасно хлопоталъ о мирѣ съ Помпеемъ, и покончивъ мирные переговоры въ Римскомъ Сенатѣ, отправился въ Трансальпинскую Галлію, гдѣ осадилъ Массилію (нынѣ Марсель) (32—36).

Оставивъ подъ стѣнами Массиліи Требонія и Брута, онъ самъ двинулся въ Испанію, предшествуемый Фабіемъ легатомъ. Тамъ въ это время правили легаты Помпея, Афраній и Петрей. Произошло нѣсколько сраженій между ихъ войсками и легіонами Цезаря (37—42); особенно упорна была битва подъ Илердою (43—52). Побѣда клонилась сначала на сторону Помпеянцевъ, но послѣ того какъ Брутъ разбилъ на морѣ Массилійцевъ, военное счастье опять перешло на сторону Цезаря, такъ что нѣсколько народовъ Испаніи отложились отъ Афранія. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ удачныхъ сраженій съ Афраніемъ и Петреемъ, Цезарь принудилъ ихъ къ сдачѣ (53—87).

Commentarius II.

Между тѣмъ Требоній легатъ, оставленный Цезаремъ подъ Массиліей, со всѣхъ сторонъ обложилъ городъ. Масси-

лійцы, разбитые кромѣ того еще на морѣ Брутомъ, начали хлопотать о перемиріи. Когда же, по заключеніи перемирія, они, сдѣлавъ внезапно вылазку, опять нарушили его, тогда Требоній удвоилъ усилія и взялъ городъ (1—16).—Въ это же время въ Задней Испаніи Теренцій Варронъ, легатъ Помпея, оставленный своими, сдался Цезарю, который такимъ образомъ уже окончательно покорилъ всю Испанію (17—22).

Между тѣмъ Куріонъ, легатъ Цезаря, успѣшно сражался съ Варомъ подъ Утикой; но вскорѣ, вступивъ въ безразсудный бой на берегу рѣки Баграды съ соединенными войсками нумидійскаго царя Юбы и того же Вара, былъ разбитъ и палъ въ битвѣ. Остатки его войска частью переправились въ Сицилію, а частью были взяты въ плѣнъ Варомъ или перебиты Юбой (23—44).

Устроивъ дѣла на западѣ и въ Римѣ, гдѣ избранъ былъ вторично консуломъ, Цезарь отправился въ 38 году въ Брундузій и оттуда переправился въ Грецію. Напрасно попытавшись заключить миръ съ Помпеемъ, онъ взялъ Орикъ и Аполлонію и расположился лагеремъ на берегу рѣки Апса, тогда какъ Помпей занялъ Диррахій. Мирныя предложенія, сдѣланныя уже въ третій разъ Помпею, не были приняты послѣднимъ, такъ какъ противъ мира сильно ратовалъ перешедшій на сторону Помпея Лабіенъ. Commentarius III.

Послѣ того какъ прибыли изъ Италіи съ новыми войсками на помощь Антоній и Каленъ, Цезарь отправилъ трехъ своихъ легатовъ, для занятія Этоліи, Ѳессаліи и Македоніи и въ то время, какъ сынъ Помпея тщетно старался овладѣть Орикомъ и Лиссомъ, онъ осадилъ Помпея въ Диррахіѣ. Разбивъ его въ нѣсколькихъ стычкахъ, онъ занялъ Этолію, Акарнанію, Бэотію и наконецъ Ахаію. Но между тѣмъ и Помпею удалось нанести Цезарю два пораженія, благодаря измѣнѣ его военачальниковъ.

Тогда Цезарь, оставивъ осаду Диррахія, соединился съ Домиціемъ и занялъ Θессалію, куда послѣдовалъ за нимъ Помпей, разсчитывавшій на вѣрную побѣду. Здѣсь, выбравъ удобный случай, Цезарь напалъ на Помпея при Фарсалѣ и разбилъ его на голову. Затѣмъ онъ преслѣдовалъ Помпея, бѣжавшаго въ Египетъ. Когда послѣдній, — выходя на берегъ, былъ убитъ Ахиллой, царскимъ префектомъ, и Л. Септиміемъ, военнымъ трибуномъ, Цезарь прибылъ въ Александрію. Въ то время какъ онъ тамъ старался прекратить споры изъ за престола между Клеопатрою и ея братомъ Птоломеемъ-Діонисомъ, на него напалъ Ахилла. Такъ какъ отрядъ, съ которымъ Цезарь высадился, былъ незначителенъ, то онъ принужденъ былъ отступить. Но когда подоспѣли на помощь другія войска, онъ побѣдилъ Ахилла и умертвилъ двухъ царскихъ пословъ, что и послужило поводомъ къ Александрійской войнѣ. (Здѣсь оканчиваются Commentarii de bello civili).

§ 12. Въ этомъ году (48) Цезарь, находясь въ Александріи, заочно былъ выбранъ диктаторомъ на годъ. Въ слѣдующемъ (47) году онъ пошелъ противъ Птоломея Діониса, побѣдилъ его, и когда тотъ утонулъ въ рѣкѣ Нилѣ, передалъ египетское царство его сестрѣ Клеопатрѣ и ея меньшему брату. Въ томъ же году онъ побѣдилъ Фарнака, сына Митридата, въ пять дней, о чемъ извѣстилъ сенатъ тремя словами: «veni, vidi, vici». Между тѣмъ приверженцы Помпея успѣли оправиться, соединились съ Нумидійскимъ царемъ Юбою и начали дѣйствовать противъ Цезаря. Война велась сначала нерѣшительно, но весною 46 года Цезарь нанесъ имъ въ Африкѣ страшное пораженіе подъ Θапсомъ. Затѣмъ Цезарь продолжалъ преслѣдовать сыновей Помпея, Кнея и Секста, которые бѣжали въ Испанію, пока наконецъ не разбилъ ихъ въ кровавомъ сраженіи подъ Мундой (45). Возвратясь уже въ пятый разъ тріумфаторомъ въ Римъ изъ Испаніи, Цезарь былъ сдѣланъ пожизненнымъ диктаторомъ и консуломъ, наз-

ванъ «imperator»», (т. е. постоянный главнокомандующій всею арміею), отцемъ отечества и пр.

Цезарь отпраздновалъ свои побѣды *) великолѣпнымъ тріумфомъ, и угостилъ народъ разнообразными зрѣлищами въ циркахъ и амфитеатрахъ; кромѣ того роздалъ солдатамъ и бѣднымъ гражданамъ большія суммы денегъ изъ своей добычи. На высотѣ счастья онъ показалъ замѣчательное великодушіе и не преслѣдовалъ бывшихъ своихъ враговъ, какъ то дѣлали Марій и Сулла. Напротивъ онъ усердно началъ водворять порядокъ и спокойствіе въ Римскомъ государствѣ, и издалъ нѣсколько полезныхъ законовъ. Между прочимъ многихъ жителей провинцій онъ уравнялъ въ правахъ съ римскими гражданами; а Римъ значительно облегчилъ отъ безпокойной толпы пролетаріевъ, получавшей даровой хлѣбъ отъ государства; до 80,000 пролетаріевъ Цезарь разослалъ въ отдаленныя провинціи, надѣливъ ихъ землею. Онъ принималъ разныя мѣры противъ упадка земледѣлія и запустѣнія деревень въ самой Италіи; такъ при надѣлѣ землею бѣдныхъ гражданъ оказывалъ предпочтеніе тѣмъ, у которыхъ было многочисленное семейство; а ветеранамъ своимъ позволилъ продавать розданные имъ участки только послѣ двадцатилѣтняго владѣнія. Чтобы приготовить переходъ къ монархическому правленію, Цезарь началъ систематически ослаблять значеніе республиканскихъ магистратовъ (т. е. властей) и тѣснѣе сближать провинціи съ Римомъ. Онъ увеличилъ число членовъ сената до 900, наполнивъ его людьми новыми (т. е. не принадлежавшими къ римской знати) и преимущественно галльскими провинціалами; такой сенатъ конечно оказался послушнымъ орудіемъ въ рукахъ диктатора и безпрекословно подтверждалъ его распоряженія. Кромѣ того онъ умножилъ число высшихъ сановниковъ, именно—преторовъ, жрецовъ, квесторовъ и эдиловъ. Онъ задумалъ

*) Послѣдующій разсказъ взятъ изъ исторіи Иловайскаго.

собрать всѣ законы и постановленія, извлечь изъ нихъ лучшее и издать сводъ для всеобщаго свѣдѣнія (эта мысль была исполнена только во времена позднѣйшихъ римскихъ императоровъ). Важную услугу оказалъ онъ преобразованіемъ римскаго календаря, который пришелъ въ большой безпорядокъ отъ неточнаго распредѣленія годоваго времени. Цезарь поручилъ это дѣло александрійскому ученому Созигену: прежній лунный годъ Римлянъ (имѣвшій 355 дней) былъ окончательно замѣненъ годомъ солнечнымъ (въ 365 дней и 6 часовъ). Этотъ преобразованный календарь извѣстенъ подъ именемъ Юліанскаго. Народъ былъ доволенъ правленіемъ Юлія Цезаря; но многіе аристократы только до удобнаго времени затаили свою вражду.

И вотъ между ними составился заговоръ съ цѣлью низвергнуть тиранна.—Исполненіе своего замысла заговорщики отложили на 15 марта; въ числѣ прочихъ былъ также и любимецъ Цезаря Юній Брутъ. Когда насталъ назначенный день, злоумышленники, опасаясь, чтобы замыселъ ихъ не былъ открытъ въ то самое время, когда они уже поджидали свою жертву, отправили къ Цезарю Децима Брута сказать, что сенаторы уже ждутъ его въ залѣ Помпеева театра.—Въ это самое время Цезарь только-что хотѣлъ послать объявить сенаторамъ, что онъ не явится въ засѣданіе и что они могутъ разойтись;—жена его, Кальпурнія, напуганная зловѣщими сновидѣніями, упросила его не идти въ этотъ день въ сенатъ. Децимъ Брутъ сталъ увѣрять Цезаря, что сенаторы обидятся, если онъ не пойдетъ на совѣщаніе, особенно, когда узнаютъ, что онъ испугался женскихъ сновидѣній, и Цезарь отмѣнилъ свое прежнее рѣшеніе. По дорогѣ онъ получилъ нѣсколько предостереженій отъ различныхъ личностей, но занятый разговоромъ не обратилъ на нихъ вниманія.—Когда онъ пришелъ въ залу засѣданія и занялъ свое мѣсто, заговорщики тотчасъ окружили его и одинъ изъ нихъ сталъ умолять о возвращеніи своего изгнаннаго брата. Цезарь отказалъ.—Тогда Каска, стоявшій

за кресломъ диктатора, ударилъ его кинжаломъ; но дрожащая рука не направила вѣрно удара и лезвіе скользнуло по плечу. «Проклятіе», вскрикнулъ Цезарь, вскочивъ со своего мѣста; но въ ту же минуту получилъ нѣсколько новыхъ ранъ. Онъ попытался было защищаться желѣзнымъ прутикомъ, который замѣнялъ тогда карандашъ, но когда увидѣлъ въ числѣ убійцъ своего любимца, Брута, занесшаго на него кинжалъ, то воскликнулъ: «И ты, дитя мое!», и завернувшись въ тогу, упалъ къ подножію статуи Помпея, проньженный 32 ударами кинжала.—Послѣ его смерти заговорщики, ожидавшіе восторга народнаго, обманулись въ своихъ ожиданіяхъ: вслѣдъ за рѣчью произнесенной Антоніемъ надъ тѣломъ Цезаря, они принуждены было спасаться бѣгствомъ отъ разъяреннаго народа, который съ горящими головнями бросился жечь дома ихъ.

Кай Юлій Цезарь былъ не только геніальнѣйшимъ изъ государственныхъ людей и храбрѣйшимъ полководцемъ, но однимъ изъ лучшихъ римскихъ прозаическихъ писателей. Говорятъ, что онъ уже въ дѣтствѣ написалъ нѣсколько сочиненій, послѣ же своей обвинительной рѣчи противъ Долабеллы, котораго защищали два величайшіе оратора того времени, Котта и Гортензій, онъ вдругъ сталъ на ряду съ первыми ораторами своего времени. Кромѣ своего ораторскаго таланта онъ обладалъ также отличнымъ знаніемъ роднаго языка. Во время походовъ онъ написалъ двѣ книги, «de Analogia», основная мысль котораго та, что выборъ словъ есть источникъ краснорѣчія.—*) Кромѣ того онъ писалъ также и объ Астрономіи, оставилъ двѣ книги противъ Катона и поэму «Iter».— Но главныя сочиненія обезсмертившія его имя, какъ писателя это: «Commentarii de bello Gallico» и «Commentarii de bello civili».

*) О граматич. занятіяхъ Цезаря свидѣтельствуетъ напр. и то, что онъ первый далъ названіе творительному падежу—„casus ablativus“.

3. КАЙ САЛЛУСТІЙ КРИСПЪ.

§ 13. Кай Саллустій Криспъ родился въ Сабинскомъ городѣ Амитернѣ въ 86 году до Р. Хр.—Онъ происходилъ изъ плебейской фамиліи, молодость провелъ самымъ недостойнымъ образомъ, впадая во всякаго рода крайности и излишества. Въ 59 году онъ былъ сдѣланъ квесторомъ, потомъ народнымъ трибуномъ и въ этой должности явился обвинителемъ Милона, котораго защищалъ Цицеронъ. Два года спустя Саллустія признали недостойнымъ участвовать въ сенатѣ за его безнравственность.—Послѣ этого обстоятельства Саллустій удалился въ Галлію (49 году), и по неволѣ отказавшись отъ политической дѣятельности, посвятилъ все свободное время исторіографіи.—Когда Цезарь возвратился въ Италію побѣдителемъ, Саллустій снова выступилъ на политическое поприще въ должности квестора и при содѣйствіи Цезаря опять принятъ былъ въ сенатъ. Военная экспедиція въ Иллирію, которую поручилъ ему Цезарь, окончилась неудачно. Счастливѣе былъ Саллустій въ Африкѣ, куда онъ провожалъ Цезаря въ качествѣ пропретора. По окончаніи этого похода Цезарь наградилъ Саллустія званіемъ проконсула Нумидіи и главнокомандующаго африканской арміей. На этомъ постѣ Саллустій позволялъ себѣ самые наглые грабежи и, по свидѣтельству современниковъ, управлялся съ ввѣренной ему провинціей хуже, чѣмъ съ непріятельской страной. Исторіографическая его дѣятельность сдѣлалась вмѣстѣ съ гастрономіей, главнымъ занятіемъ его послѣ смерти Цезаря. Онъ былъ окончательно отстраненъ отъ политической дѣятельности, и купивъ на награбленныя въ Африкѣ деньги обширное пространство земли на Квиринальскомъ холмѣ, построилъ себѣ великолѣпный дворецъ, храмъ, циркъ и бани, а кругомъ развелъ роскошные сады, впродолженіе нѣсколькихъ вѣковъ носившіе его имя, (Horti Sallustiani). Тутъ онъ провелъ 10 лѣтъ своей жизни и умеръ въ 35 году до Р. Хр.

§ 14. Стремленіе быть моралистомъ и умѣнье оцѣнивать нравственныя достоинства и уродства отдѣльныхъ личностей, а также и духъ партіи, которой служилъ Саллустій, руководили имъ даже и при выборѣ сюжета для двухъ, дошедшихъ до насъ вполнѣ, историческихъ трудовъ его.—На двухъ весьма яркихъ фактахъ показываетъ онъ развращенность той знати, изъ среды которой вышелъ Катилина и корыстолюбіе которой такъ долго позволяло Югуртѣ издѣваться надъ правами законныхъ царей Нумидіи, друзей и союзниковъ народа римскаго, пока Марій, человѣкъ изъ народа, не спасъ наконецъ честь имени римскаго. Сочиненія Саллустія.

Первое сочиненіе его, «de Catilinae conjuratione», представляетъ, какъ то показываетъ уже самое заглавіе, исторію заговора Катилины. Съ самаго начала онъ представляетъ характеристику своего героя. Въ самыхъ яркихъ чертахъ обрисовываются имъ дурныя стороны характера Катилины. — Съ юныхъ лѣтъ его любимою мечтою были междоусобія, убійства, грабежи, домашнія несогласія, и въ нихъ провелъ онъ первые годы. Тѣло онъ пріучилъ къ высшей степени выносливости, духъ имѣлъ неукротимый, смѣлый и хитрый, обладалъ искусствомъ притворяться; жадный до чужаго, моталъ свое, обширнымъ умомъ онъ всегда обнималъ обширные планы. Сулла служилъ ему примѣромъ того, какъ можетъ человѣкъ добиться верховной власти. Всѣ средства къ достиженію цѣли были у него хороши. На успѣхъ подавала ему надежду испорченность нравовъ того времени, повсюду онъ видѣлъ всевозможные пороки. Далѣе въ главахъ 13-й и 14-й Саллустій разсказываетъ о томъ, какимъ путемъ Римъ дошелъ, какъ онъ полагаетъ, до высшей степени нравственной порчи и развращенія. Liber de Catiline conjuratione.

Въ слѣдующихъ главахъ (отъ 15 до 62) онъ разсказываетъ всю исторію заговора Катилины. Сначала говоритъ о поводахъ къ нему, потомъ идетъ разсказъ о тѣхъ людяхъ, которыхъ Катилина успѣлъ завербовать въ ряды своихъ соучастниковъ,

далѣе, какъ былъ открытъ этотъ заговоръ Цицерономъ, и наконецъ, какъ боролся Катилина съ римскими войсками Антонія, какъ былъ разбитъ и палъ въ бою. Въ послѣдней главѣ (61-й) онъ говоритъ о томъ мужествѣ, которое выказали сторонники Катилины, и о томъ, что въ числѣ плѣнныхъ небыло ни одного гражданина римскаго.—Катилина былъ найденъ далеко отъ своихъ посреди враговъ, онъ еще дышалъ и на лицѣ его все еще отражался неукротимый и свирѣпый духъ его. Дорого стоила побѣда и войску Антонія, храбрѣйшія или пали въ бою, или были опасно ранены. И когда, по окончаніи боя, многіе вышли на мѣсто битвы или изъ простаго любопытства, или изъ желанія обирать павшихъ, то рѣдкій, всматриваясь въ лица павшихъ враговъ, не узнавалъ въ комъ нибудь изъ нихъ друга, пріятеля и даже родственника, а иной своего соперника. Поэтому и чувства, волновавшія войска наши, говоритъ Саллустій, были самыя разнообразныя: были тутъ и радость, и горе, и плачъ и ликованіе.

2. Liber de bello Iugurthino. Второе сочиненіе Саллюстія, «*debello Iugurthino*», представляетъ намъ описаніе войны, которую вели Римляне съ царемъ Нумидійскимъ Югуртой. Въ немъ Саллустій главнымъ образомъ обрисовываетъ личность Югурты, дерзкаго узурпатора, и нравы знатныхъ римлянъ того времени.

Въ первыхъ 4-хъ главахъ онъ говоритъ вообще о тѣхъ причинахъ, которая заставили его сдѣлаться писателемъ и о томъ высокомъ значеніи, которое имѣетъ исторія для нравственной жизни.

Въ пятой главѣ онъ объясняетъ, что именно заставило его приняться за описаніе Югуртинской войны.

«Я имѣю намѣреніе описать войну, которую велъ народъ римскій съ Югуртою, государемъ нумидовъ. Она заслуживаетъ вниманія по своей важности, опасности и по перемѣнному счастію, а также еще и потому, что въ это время впервые обнаружилось противодѣйствіе притязаніямъ высшаго сословія.

Въ слѣдующей главѣ идетъ коротенькое историческое введеніе и потомъ въ слѣдующихъ главахъ начинается изложеніе самаго событія. Говоритъ о томъ, какъ Югурта былъ усыновленъ умирающимъ Миципсой, какъ обманулъ довѣріе, которое послѣдній питалъ къ нему, какъ отнялъ у законныхъ царей нумидійскихъ тѣ части, которыя они получили отъ отца, какъ вступились за ихъ права Римляне, союзники нумидійцевъ, какъ Югуртѣ, при помощи подкуповъ, долго удавалось оставаться безнаказанныхъ и наконецъ, какъ Марій побѣдами своими успѣлъ снова возстановить честь римскаго народа и захватилъ въ плѣнъ Югурту.

Въ этомъ сочиненіи Саллустій представляетъ много весьма удачныхъ характеристикъ лицъ, принимавшихъ участіе въ этой войнѣ, такъ напримѣръ, о Суллѣ онъ говоритъ слѣдующее въ главѣ 95-ой: «Сулла происходитъ отъ одного благороднаго рода патриціевъ, совершенно впрочемъ упавшаго по бездѣйствію его предковъ. Онъ изучилъ основательно греческую и римскую литературу, умъ имѣлъ возвышенный, любилъ наслажденія, но славу предпочиталъ всему. Краснорѣчивый и хитрый онъ легко дружился и притворствомъ обладалъ въ высшей степени. Щедрый на все не зналъ цѣны деньгамъ. Все ему удавалось, счастье вѣрно ему служило и онъ былъ вполнѣ достоинъ его до торжества своего въ междоусобной войнѣ; трудно рѣшить приписать-ли его успѣхи счастію, или уму; но о послѣдующихъ его поступкахъ говорить и стыдно за него, и вмѣстѣ прискорбно». Это сочиненіе состоитъ изъ 114-ти главъ и оканчивается тѣмъ, что Марій, побѣдоносно воротившись въ Римъ, получилъ въ награду блестящій тріумфъ.

Самымъ большимъ и самымъ важнымъ сочиненіемъ Саллустія была его «Исторія народа римскаго»; но, къ сожа- 3. Historiarum libri V.

лѣнію она не дошла до насъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отрывковъ: 4-хъ рѣчей, двухъ писемъ и нѣкоторыхъ другихъ.

4. Титъ Ливій.

Титъ Ливій родился въ 59 году до Рождества Христова въ Патавіи *) (Падуѣ, откуда и его прозваніе «Patavinus»; но большую часть своей жизни онъ провелъ въ Римѣ, гдѣ покровительствовалъ ему императоръ Августъ, несмотря на то, что онъ оказывалъ явное предпочтеніе республиканской партіи. Но Ливій не воспользовался этимъ расположеніемъ и не выпросилъ у Августа никакой должности, какъ это дѣлали обыкновенно другіе, а всю жизнь оставался частнымъ лицомъ и посвятилъ себя историческимъ занятіямъ. Въ предисловіи къ своей исторіи онъ говоритъ, что намѣренъ написать исторію Рима отъ древнѣйшихъ временъ. Предметъ этотъ, по его словамъ, несмотря на свою древность, всегда является общедоступнымъ и интереснымъ. Исторія народа, который изъ ничтожества сдѣлался величайшимъ въ свое время, представляетъ матеріалъ неистощимый. Исторія Рима отъ древнѣйшихъ временъ до основанія его болѣе украшена поэтическими вымыслами, чѣмъ достовѣрна; но я, говоритъ Ливій, передалъ ее такъ, какъ она сохранилась до настоящаго времени, не стану ни опровергать, ни ручаться за достовѣрность ея.

Ливій, безъ сомнѣнія, также былъ членомъ того кружка ученыхъ, которымъ окружилъ себя Августъ.

Онъ умеръ у себя на родинѣ въ глубокой старости, три года спустя послѣ смерти Августа, въ 17 году по Р. Х. Исторія Ливія обнимаетъ времена отъ Энея до смерти Друза въ 10-мъ году до Р. Х. Разсказъ слѣдуетъ простому хронологическому порядку. Отъ 142 книгъ, которыя впослѣдствіи были раздѣлены

---

*) Patavium, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ, въ области Венетовъ (Славянъ?), основанный Антеноромъ.

на декады и еще сохранялись до *XVI* стол.;—до насъ дошли только: первая декада отъ I—X, въ которой описываются событія до 294 года до Р. Х., третья, четвертая и начало пятой декады, книги *XXI—XLV*, кое что изъ книги *XC*, и наконецъ отрывки о бѣгствѣ и смерти Цицерона изъ CXX книги.

«Сочиненіе Ливія предназначалось для цѣлой націи. Онъ первый началъ обработку исторіи въ томъ стилѣ, который, благодаря Цицерону, сдѣлался національнымъ, и такимъ образомъ онъ былъ первый реторическій историкъ римскій. Цѣль его—разсказать исторію своего народа не для ума, а для сердца, употребить ее какъ средство, которымъ въ народѣ было-бы распространено не поученіе, а воодушевленіе. И онъ достигъ своей цѣли, твореніе его сдѣлалось чисто національнымъ, оно всецѣло перешло въ жизнь Римлянъ, и римская нація совершенно такъ понимала свою исторію, какъ изобразилъ ее Ливій. Въ этомъ то, т. е. въ цѣли и въ образѣ изложенія, которымъ онъ такъ счастливо ее достигнулъ,—состоитъ единственное достоинство его книги, и при оцѣнкѣ ея отнюдь не должно брать масштабомъ ту задачу, которую имѣетъ исторія, какъ наука. Чтобы написать свою исторію, Ливій не могъ выбрать себѣ образцомъ Геродота, потому что римскій народъ уже далеко отошелъ отъ простоты и природы,-Эфоръ, Ѳеопомпъ и другіе историки, вышедшіе изъ исторической школы Исократа, были его образцами. Впрочемъ, какъ и эти писатели, мѣстами онъ сбивался съ собственно реторическаго стиля на простую декламацію, которая вскорѣ послѣ того ужъ и совсѣмъ испортила римскую литературу; этимъ онъ показалъ уже, куда необходимо должно было завести, а потомъ и дѣйствительно завело, вызванное Цицерономъ внесеніе историческаго элемента во всѣ отрасли знанія и мысли. Этотъ переходъ между прочимъ замѣтенъ еще въ томъ, что нѣкоторыя событія Ливій изображаетъ слишкомъ поэтически: часто лучшія свѣдѣнія умышленно оставляетъ безъ вниманія, при описаніи сраженій

слишкомъ легко даетъ мѣсто невѣроятностямъ, короче, пишетъ иногда на манеръ позднѣйшихъ Римлянъ или нынѣшнихъ итальянцевъ, которые, не задумавшись, истинный и серьезный элементъ приносятъ въ жертву изяществу формы». *).

Такимъ образомъ позднѣйшая критика строго обошлась съ его историческимъ изображеніемъ первобытныхъ временъ Рима и даетъ ему мѣсто и значеніе просто эпическаго сказанія.

Но изображеніе характеровъ и описанія битвъ у него превосходны. Ливій держался аристократической партіи, взглядъ его на событія спеціально Римскій. Это обстоятельство препятствовало его историческому безпристрастію.

5. ПУБЛІЙ КОРНЕЛІЙ ТАЦИТЪ.

§ 7. Публій Корнелій Тацитъ родился въ 53-мъ году, по Р. Хр. Въ 76-мъ году онъ женился на дочери Агриколы, біографію котораго впослѣдствіи написалъ. Онъ достигалъ высшихъ должностей, такъ въ 79-мъ году былъ квесторомъ и сенаторомъ, при Домиціанѣ квесторомъ, и потомъ на нѣсколько лѣтъ удалился изъ Рима: но куда, неизвѣстно. Вѣроятно путешествовалъ съ Агриколой по Британіи и Германіи. Дожилъ онъ до глубокой старости; но гдѣ и когда именно умеръ, тоже неизвѣстно. Изъ потомства его мы встрѣчаемъ впослѣдствіи М. Клавдія Тацита, императора римскаго въ 275 году; по-крайней мѣрѣ послѣдній хвасталъ своимъ происхожденіемъ отъ великаго историка.—Уже въ преклонномъ возрастѣ обратился онъ къ исторіографіи. Сдѣлаться историкомъ заставило его чувство самаго глубокаго недовольства настоящимъ.—Могучій характеръ и ясный безстрастный умъ предохранили его отъ заблужденій и крайностей. Когда настало время, что свободное слово могло быть произнесено безъ опасности поплатиться за него жизнью, тогда онъ показалъ римскому обще-

*) Шлоссеръ.

ству его недавнее прошедшее, безъ злобы, безъ пристрастія (sine ira, sine studio). «По моему, говоритъ онъ, главная цѣль лѣтописи—спасти отъ забвенія доблести и устрашать постыдныя слова и дѣла карою потомства и безславіемъ». Такимъ образомъ онъ видитъ въ историкѣ вѣстника нравственной силы, воздающей каждому по заслугамъ. Его убѣжденіе, вынесенное изъ событій, имъ самимъ пережитыхъ, состоитъ въ томъ, что если нѣтъ божества предусматривающаго, то есть карающее, что боги зорко наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы ни одинъ грѣхъ не оставался безъ наказанія. Слѣдовательно грѣхъ есть величайшее изъ бѣдствій, по его воззрѣнію. Онъ не стоикъ и не эпикуреецъ, но и не атеистъ; онъ фаталистъ въ смыслѣ древне-греческихъ трагиковъ,—противоставляющихъ фатализму нравственную силу, которую онъ одолѣваетъ. Эту нравственную силу Тацитъ называетъ «honestum, честное», выражающееся въ самостоятельности характера, въ независимости нашихъ мнѣній и дѣйствій отъ внѣшнихъ вліяній; тогда какъ безхарактерность выказывается въ раболѣпной и униженной лести. Въ великой трагедіи своего времени Тацитъ выбираетъ себѣ роль хора, который своими полновѣсными, многозначительными словами сопровождаетъ дѣйствіе,—то поучая, то предостерегая, или своими психологическими замѣчаніями, объясняя характеръ дѣйствующихъ лицъ и самаго дѣйствія.

Тацитъ—единственный писатель древности, съумѣвшій придать исторіи всю чарующую прелесть поэзіи, не нарушая ни фантастической истины событій, ни колорита цѣлой, описываемой имъ эпохи. Онъ явился историкомъ умирающей свободы; но причину паденія римскаго духа онъ видитъ не въ превращеніи республики въ монархію при Августѣ. Его мнѣніе было то, что свободѣ всегда угрожаетъ опасность только тамъ, гдѣ власть централизируется въ особѣ «деспотическаго» правителя; идеалъ Тацита—это конституціонное правительство, гдѣ

власть не сосредоточивается въ одномъ лицѣ, но раздѣляется поровну между государемъ, знатью и народомъ.

Сочиненія Тацита. Изъ сочиненій Тацита, дошедшихъ до насъ большею частью въ неполномъ видѣ, заслуживаютъ вниманія слѣдующія:

I. „Historiae“ Своей исторіи императоровъ онъ, не безъ намѣренія, предпосылаетъ двѣ монографіи. Онъ писатель вполнѣ оригинальный; ему были знакомы всѣ величайшіе историки Греціи и Рима, но онъ не подражалъ имъ. Сжатымъ, доблестнымъ, дышащимъ ироніею стилемъ Тацитъ описалъ въ своихъ исторіяхъ событія въ Римѣ отъ Гальбы до Домиціана (69—96). Тацитъ начинаетъ эту исторію разсказомъ о пережитыхъ имъ самимъ событіяхъ послѣ смерти Нерона. Отъ этого сочиненія уцѣлѣли только 4 первыя книги и начало пятой.

II. „Annalium libri sedecim“ Въ своихъ Анналахъ онъ излагаетъ событія съ 14-го по 69-й годъ, т. е. отъ Тиберія до Нерона. Изъ нихъ уцѣлѣли, a) I—VI съ большимъ пропускомъ въ V-й; b) XI—XVI, изъ которыхъ XI-я съ пропусками въ началѣ и концѣ. Недостаетъ время Калигулы, начало царствованія Клавдія и часть правленія Нерона. Въ обоихъ этихъ историческихъ трудахъ Тацитъ обнаружилъ духъ самостоятельный, сильный и вооруженный всѣми сокровищами образованія своего времени, а также великую римскую душу, которая пророчески видитъ приближающуюся гибель Рима и строго обнаруживаетъ причины и виновниковъ ея.

III. „De origine, situ, moribus ac populis Germaniae.“ На книгу Тацита о тогдашней Германіи слѣдуетъ смотрѣть, какъ на сочиненіе высокаго достоинства, написанное съ той цѣлью, чтобы испорченности римской противопоставить свѣжесть близкаго къ нимъ варварскаго народа. Въ немъ онъ рисуетъ картину грубой, но въ нравственной чистотѣ возросшей націи, которая съ силою своей естественной крѣпости преодолѣла всѣ, внутри и внѣ антагонирующія обстоятельства, и какъ онъ предчувствовалъ, рано или поздно должна была разрушить гнилое тѣло римской имперіи.

Жизнеописаніе Агриколы, его тестя, считается юношескимъ произведеніемъ Тацита. Въ этой, тѣмъ не менѣе образцовой, біографіи онъ рисуетъ образецъ государственнаго мужа и полководца въ монархическомъ духѣ. IV. Agricola.

Разсказъ во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ идетъ просто, въ хронологическомъ порядкѣ, при чемъ внѣшнія событія выдѣляются изъ внутреннихъ. Иногда разсказъ прерывается размышленіями и описаніями. Рѣже, чѣмъ другіе историки, онъ заставляетъ дѣйствующихъ лицъ своего разсказа произносить длинныя рѣчи, но и тогда онѣ не служатъ ему реторической прикрасой, а существенно помогаютъ характеристикѣ личностей и цѣлыхъ эпохъ. Словесная форма стоитъ у него въ полномъ созвучіи съ содержаніемъ. Если смотрѣть на языкъ безъ отношенія къ содержанію, то по формѣ и оборотамъ рѣчи онъ болѣе близокъ къ языку серебрянаго вѣка, чѣмъ къ изящному языку Цицерона.

ДОБАВЛЕНІЕ:

Изъ другихъ римскихъ историческихъ писателей временъ имперіи, сочиненія которыхъ только отчасти уцѣлѣли до нашихъ временъ, заслуживаютъ вниманія:

1) Веллей Патеркулъ (Velleius Paterculus), современникъ императора Тиверія, написавшій «Римскую исторію», ок. 50 г. по Р. Хр.

2) Квинтъ Курцій (Q. Curtius Rufus), авторъ сочиненія «de gestis Alexandri Magni».

3) Светоній (C. Svetonius Tranquillus), другъ Плинія Младшаго, ок. 75 года, отъ котораго имѣемъ:

«Жизнеописанія 12 римскихъ императоровъ (vitae XII Caesarum), кромѣ нѣкоторыхъ другихъ сочиненій по исторіи литературы: «de illustribus grammaticis», и «de claris rhetoribus».

4) Евтропій (Evtropius), ок. 370, написавшій римскую исторію подъ заглавіемъ «Breviarium Romanae historiae» (10 книгъ).

5) Амміанъ Марцеллинъ, родомъ Грекъ, жившій въ IV в., и написавшій исторію императоровъ отъ Нервы до смерти Валента (Rerum gestarum libri XXXI).

6) Павелъ Оросій, священникъ въ V в., составитель всеобщей исторіи отъ сотворенія міра до V стол. по Р. Хр. (417 года).

7) Кассіодоръ (Marcus Aurelius Cassiodorus), историкъ V вѣка, авторъ замѣчательнаго труда «Variarum libri XII».

IV.

РИМСКАЯ

ПОЭЗІЯ.

1. ПУБЛІЙ ВЕРГИЛІЙ МАРОНЪ.

§ 1. П. Вергилій Маронъ (P. Vergilius Maro) родился въ деревнѣ Андахъ, близь Мантуи, (въ 70 г. до Р. Х.), въ консульство М. Лицинія Красса и Кн. Помпея Великаго. Его родители были незнатные поселяне, жившіе доходомъ съ имѣнія, которымъ владѣли въ Андахъ. Отецъ его, называвшійся также Вергилій Маронъ, воспитывалъ своего сына въ Кремонѣ, прилично своему состоянію. Здѣсь Вергилій жилъ до 16 года своего возраста, въ которомъ надѣвши мужскую тогу, отправился сперва въ Медіоланъ, а потомъ въ Неаполь. Посвятивъ тамъ восемь лѣтъ преимущественно литературѣ, онъ отправился въ Римъ. Послѣ уроковъ Сирона, въ 45 г. до Р. Хр., по слабости здоровья, онъ не посвятилъ себя краснорѣчію или общественной службѣ, но удалился въ Анды и тамъ занимался земледѣліемъ и науками. Уже тогда, какъ говорятъ, еще въ юношескомъ возрастѣ онъ написалъ многія мелкія стихотворенія. Въ это время онъ съ особымъ усердіемъ занимался чтеніемъ греческихъ поэтовъ, особенно Өеокрита, александрійскаго поэта, котораго обыкновенно называютъ отцемъ буколической поэзіи. Между тѣмъ какъ Вергилій, среди этой покойной жизни, предавался занятіямъ науками, вспыхнула въ 43 г. до Р. Х. война, въ которой М. Антоній былъ побѣжденъ и бѣжалъ въ Галлію заальпійскую, гдѣ и соединился съ Эми-

ліемъ Лепидомъ. Октавіанъ снова потомъ примирился съ ними, заключивъ на пять лѣтъ извѣстный союзъ, по которому онъ получилъ въ управленіе Сицилію, Сардинію и прочіе острова Средиземнаго моря, Лепидъ-испанскія провинціи съ нарбонскою Галліей; а Антоній взялъ прочія галльскія провинціи. Надъ Галліею транспаданскою поставленъ былъ отъ Антонія правителемъ К. Азиній Полліонъ, человѣкъ съ отличными способностями основательный знатокъ греческой и латинской литературы, склонный болѣе къ мирнымъ занятіямъ, нежели къ войнѣ. Вскорѣ по принятіи управленія провинціею, онъ полюбилъ Вергилія, который наслаждался деревенскимъ покоемъ въ Андахъ, и побудилъ его къ написанію буколическихъ стихотвореній, предложивъ ему въ образецъ Ѳеокрита. Такимъ образомъ Вергилій составлялъ свои знаменитыя 10 буколическихъ пѣсней, частію въ Андахъ, частію въ Римѣ, среди смятеній войны, которую возбудили М. Антоній, К. Цезарь Октавіанъ и М. Лепидъ. Весною 41 г. Октавіанъ послалъ отрядъ ветерановъ въ транспаданскую Галлію съ тѣмъ, чтобы они овладѣли полями Кремоны. Они по своему произволу вторглись и въ сосѣднія земли Мантуи и Андъ, и овладѣли участкомъ Вергилія. По совѣту Азинія Полліона, поэтъ лѣтомъ того же года ѣздилъ въ Римъ просить Октавіана о возвращеніи ему земли. Октавіанъ исполнилъ его просьбу. Но вскорѣ за тѣмъ снова постигла поэта та же опасность. Фульвія, супруга Антонія, находившагося тогда въ Египтѣ, и извѣстный Маній, затѣяли войну съ Октавіаномъ, который остался побѣдителемъ и присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Италію и обѣ Галліи. Такъ какъ Азиній Полліонъ былъ на сторонѣ Антонія, то онъ былъ смѣненъ и мѣсто правителя занялъ Альфенъ Варъ. Ветераны снова завладѣли чужими землями. Вергилій, полагаясь на обѣщанія Октавіана, не хотѣлъ уступить своего имѣ-

нія, за что едва не былъ убитъ. Онъ бѣжалъ въ Римъ, гдѣ написалъ девятую эклогу (въ 40 г. до Р. Х.), въ которой жалуется, что у него захвачены земли, вопреки повѣленію Октавіана, и стараясь расположить послѣдняго въ свою пользу, осыпаетъ его похвалами. Дѣйствительно при посредствѣ Мецената, друга Октавіана, земли ему были возвращены тою же осенью. Въ это самое время, будучи уже 30 лѣтъ отъ роду, написалъ онъ четвертую эклогу, чтобы воспѣть спокойствіе и счастіе, возвращенное государству брундузинскимъ миромъ.

Тогда же Вергилій, какъ своею любезностью въ обращеніи, такъ особенно своими стихотвореніями, пріобрѣлъ не только вѣрныхъ друзей, но и сильныхъ покровителей. Большею частію жилъ онъ тогда въ Римѣ, рѣдко въ своемъ имѣніи, и пользовался преимущественно предъ всѣми благосклонностію Мецената. Въ слѣдующемъ году окончилъ онъ «правила о сельскомъ хозяйствѣ». Въ этомъ стихотвореніи онъ слѣдовалъ преимущественно примѣру Гезіода, а потому и называетъ его аскрейскимъ. Всего болѣе расположило поэта къ этому стихотворенію то обстоятельство, что, вслѣдствіе своего долговременнаго пребыванія въ деревнѣ, онъ полюбилъ деревенскую жизнь и земледѣліе. Оно нашло у современниковъ Вергилія такое одобреніе, что съ того времени онъ началъ гремѣть славою поэта, и новое произведеніе, которое онъ намѣренъ былъ издать, съ нетерпѣніемъ было ожидаемо всѣми образованными людьми. Онъ задумалъ въ обширнѣйшей поэмѣ воспѣть дѣянія народа римскаго и особенно Юліевъ родъ, изъ котораго происходилъ Октавіанъ. Такимъ образомъ, прежде нежели были окончены Георгики, онъ уже помышлялъ написать «Энеиду». Онъ употребилъ на этотъ трудъ 10 лѣтъ, которыя провелъ частію въ Кампаніи, частію въ Сициліи, не

кончивъ впрочемъ своего дѣла. Въ 19 г. предъ Р. Хр. онъ отправился въ Грецію и Азію съ тѣмъ, чтобы тамъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, окончательно отдѣлать свой трудъ. Но въ Аѳинахъ Октавіанъ уговорилъ его возвратиться съ нимъ въ Италію. Въ Мегарѣ Вергилій подвергся болѣзни, которая во время морскаго плаванія съ каждымъ днемъ такъ усиливалась, что, едва успѣвши пристать къ роднымъ берегамъ, онъ мирно скончался въ Брундузіи въ 19 г. до Р, Хр. на 61 г. отъ рожденія. Тѣло его перевезено было въ Неаполь и тамъ погребено. Его могила, которая, какъ свидѣтельствуетъ Плиній, уже вскорѣ послѣ смерти поэта, весьма многими была посѣщаема, показывается еще доселѣ, хотя всѣ почти ученые согласны въ томъ что это не настоящая могила поэта, а просто колумбарій, въ которомъ обыкновенно погребались рабы и отпущенники знатныхъ римлянъ.

Вергилій признанъ былъ Римлянами за своего величайшаго поэта, который слѣдуетъ за Гомеромъ, и притомъ на небольшомъ разстояніи. Въ какомъ уваженіи былъ онъ еще при жизни у народа, видно изъ разсказа Тацита въ его «Dialôgus de oratoribus». Когда народъ услышалъ въ театрѣ нѣсколько стиховъ Вергилія, то вдругъ весь всталъ и воздалъ ему тамъ присутствовавшему ту же честь, какъ и Августу.

СОЧИНЕНІЯ ВЕРГИЛІЯ.

Энеида (Aeneis).

§ 2. Величайшую славу Вергилій пріобрѣлъ себѣ Энеидою, которую какъ мы сказали выше, съ нетерпѣніемъ ожидали всѣ образованные люди.—Въ этомъ стихотвореніи повѣствуется, что Эней, по разрушеніи Трои, удалился изъ отечества и долгое время, по волѣ боговъ, странствовалъ по морямъ и землямъ, потомъ занесенъ былъ въ Карѳагенъ къ Дидонѣ; оттуда

нисходилъ въ адъ, затѣмъ присталъ къ Лаціуму, и наконецъ, послѣ трудной борьбы, побѣдилъ Турна и основалъ городъ Лавиній; потомъ сынъ его Асканій или Юлъ построилъ Альбу-Лонгу, колыбель Рима.—Энеида распадается на двѣ главныя части: въ первыхъ *шести книгахъ*, подражающихъ Одиссеѣ, поэтъ разсказываетъ о странствованіяхъ Энея послѣ разрушенія Трои, а въ послѣднихъ шести, подражающихъ Иліадѣ,—войны, веденныя Энеемъ въ Италіи. Вступительные стихи, первой книги вкратцѣ излагаютъ содержаніе всей поэмы:

«Подвиги мужа пою; онъ первый отъ берега Трои
Прибылъ въ Италію, въ страны лавинскія, рокомъ гонимый.
Долго метала его по землямъ и по бурному морю
Сила боговъ и воля злопамятной, гнѣвной Юноны.
Много и въ брани страдалъ онъ, пока не воздвигнулъ твердыни.
Въ Лаціумъ внесъ онъ пенатовъ: оттуда латинское племя,
Дѣды албанца, оттуда и стѣны великаго Рима.
Муза! воспой мнѣ причины, за что побужденная гнѣвомъ,
Матерь всесильныхъ боговъ благочестіемъ славнаго мужа
Столько трудовъ перенесть осудила и столько несчастій.
Такъ-ли враждою и гнѣвомъ пылаютъ небесныя души?»

Пѣснь I-я. *)

Эней, сынъ Венеры и Анхиза, на пути въ Италію изъ разрушенной Трои, брошенъ бурею, посланною Эоломъ, по желанію Юноны, на сѣверный берегъ Африки (ст. 1—158). Тамъ послѣ охоты на оленей, случайно встрѣченныхъ, онъ ободряетъ впадшихъ въ уныніе спутниковъ, представляя имъ надежды на лучшее въ будущемъ (159—222). Вслѣдъ за тѣмъ

*) Содержаніе Энеиды извлечено изъ комментаріевъ къ этому сочиненію В. Классовскаго.

Венера, преклонивъ Юпитера въ пользу скитающихся троянцевъ, слышитъ отъ него предсказаніе будущаго величія, опредѣленнаго для нихъ судьбою (223—304), и, принявъ на себя видъ охотницы, объявляетъ Энею, что онъ находится во владѣніяхъ Дидоны, недавно основавшей здѣсь Кароагенъ (305—417). Благодаря наставленіямъ и покровительству матери, Эней находитъ радушный пріемъ у кароагенской царицы, вмѣстѣ съ уцѣлѣвшими отъ бури, встрѣченными имъ здѣсь троянцами 317—642). Онъ посылаетъ Ахата за сыномъ Асканіемъ и за подарками для Дидоны, но Венера подмѣниваетъ Асканія сыномъ своимъ Эротомъ, который, ласкаясь къ Дидонѣ, поселяетъ и усиливаетъ въ ней страстную любовь къ Энею (643—722). Влюбленная царица проситъ Энея разсказать ей исторію бѣдствій Трои и его личныя приключенія (723—756).

Пѣснь II-я.

Греки (разсказываетъ Эней Дидонѣ), видя безуспѣшность десятилѣтней осады, рѣшаются взять городъ хитростію. Показывая видъ, что покидаютъ навсегда Трою, они отплываютъ за находящійся противъ нея островъ Тенедосъ, оставивъ на мѣстѣ бывшаго своего лагеря огромнаго деревяннаго коня, внутри котораго спряталось нѣсколько отборныхъ вооруженныхъ воиновъ (ст. 1—30). Троянцы, не понявъ затаенной мысли своихъ враговъ, безпечные и обрадованные ихъ мнимымъ отъѣздомъ на родину, толпами выходятъ любоваться деревяннымъ колосомъ, который кажется подозрительнымъ только немногимъ, дальновиднымъ, въ томъ числѣ Лаокоону (41—56). Найденный на морскомъ берегу грекъ Синонъ возбуждаетъ всеобщее состраданіе разсказомъ о своихъ небывалыхъ несчастіяхъ (57—199). Лаокоонъ и его сыновья погибаютъ задушенные чудовищными змѣями (200—226). Синонъ ночью способствуетъ вылазкѣ своихъ соотечественниковъ изъ коня, торжественно поставленнаго троянцами, какъ особеннаго рода свя-

тыня, посреди города (227—248). Высвобожденные греки, вмѣстѣ съ Синономъ, нападаютъ врасплохъ на сонныхъ жителей и овладѣваютъ городомъ (249—266). Знаменательное сновидѣніе Энея (267—296). Панѳей, жрецъ Аполлона, наскоро, разсказываетъ о случившемся Энею, и тотъ съ горстью храбрецовъ бросается въ самыя опасныя мѣста; но всѣ усилія ихъ безуспѣшны; дворецъ осажденъ, царь (Пріамъ) убитъ (297—558). Между тѣмъ Энею является его мать (Венера) и велитъ ему, взявъ съ собою отца (Анхиза), жену (Креузу) и сына (Асканія), искать другаго отечества вмѣсто завоеваннаго греками. Преслѣдуемый непріятелями. Эней съ престарѣлымъ отцомъ на плечахъ, въ сопровожденіи Креузы и Асканія, пробирается къ городскимъ воротамъ. На одномъ изъ поворотовъ, посреди смятенія и схватокъ между побѣдителями и побѣждаемыми, онъ теряетъ Креузу, которая, явившись вскорѣ, уже въ видѣ тѣни, извѣщаетъ его о своей смерти (559—788). Съ горстью соотечественниковъ, вызвавшихся ему сопутствовать, онъ окончательно покидаетъ Трою (789—804).

Пѣснь III-я

Эней, съ толпою преданныхъ ему троянцевъ, покидаетъ свое попранное греками отечество и, слѣдуя наставленіямъ свыше, прочемъ недостаточно яснымъ для него, посѣщаетъ Ѳракію (1—38), Делосъ и Критъ (78—120). Эпизодъ о Полидорѣ (39—69). Изъ Крита троянцы, изгнанные моровою язвою, рѣшаются плыть въ Италію (121—191). Пребываніе на Строфадахъ. Гарпіи и предсказанія одной изъ нихъ (192—258). Новое странствованіе приводитъ троянцевъ сперва въ Эпиръ, потомъ въ Сицилію. Эпизодъ объ Андромахѣ, о предсказаніяхъ Гелена, объ Ахаменидѣ, спасшемся изъ пещеры циклопа, о Сциллѣ и Харибдѣ. Смерть Анхиза. Эней, на пути въ Италію, застигнутъ бурею, бросившею его какъ извѣстно изъ первой пѣсни, въ Африку (269—718).

Пѣснь IV-я.

Повинуясь волѣ боговъ, Эней оставляетъ Дидону,—и царица Карѳагена, влюбленная въ троянскаго искателя приключеній, въ отчаяніи сжигаетъ себя на кострѣ.

Пѣснь V-я.

Трояне пристаютъ къ берегамъ Сициліи; здѣсь является Энею во снѣ образъ отца его Анхиза, велитъ ему плыть въ Италію и проситъ, чтобы онъ низошелъ къ нему въ Элизіумъ.

Пѣснь VI-я.

При помощи кумейской Сивиллы, Эней сходитъ въ адъ и тамъ Анхизъ предсказываетъ ему всю будущую славу троянскаго племени и исчисляетъ сначала царей отъ Гальбы до Нумитора, потомъ властителей и героевъ Рима. Наконецъ показываетъ ему Марцелла, побѣдителя Виридомара, и Аннибала. Эней замѣчаетъ подлѣ юношу въ свѣтлой бронѣ, но съ видомъ печали и грусти взоръ потупившаго въ землю. «На вопросъ Энея; «кто это»—Анхизъ отвѣчаетъ:

«Сынъ мой (сказалъ) не ищи ты глубокаго горя потомковъ
Рокъ лишь покажетъ міру его и сокроетъ обратно».

Потомъ Анхизъ, перечисливъ всѣ войны и битвы, грозящія его сыну, далъ ему наставленіе, «какъ убѣгать угрожающихъ бѣдствій».

Простившись съ отцемъ, Эней черезъ ворота изъ слоновой; кости выходитъ изъ ада и отправляется къ своему флоту, въ Касету.

—Шесть послѣднихъ книгъ содержатъ войны Энея.

Пѣснь VII-я.

Лаврентійскій царь Латинъ принимаетъ дружелюбно Энея и сватаетъ за него дочь свою Лавинію. Но Амата, супруга Латина, умоляетъ царя выдать дочь за князя рутуловъ, Турна,—а Энею отказать. Фурія Алекто, подосланная Юноной, возбуждаетъ Амату и Турна противъ троянъ и Латина; она же поселяетъ раздоръ между троянами и лаврентійскими пастухами. На помощь Турну идутъ съ дружинами вожди всѣхъ сосѣднихъ народовъ.

Пѣснь VIII-я.

Эней отправляется въ Палантеумъ къ Эвандру и проситъ у него вспомогательнаго войска. Въ Этруріи Венера приноситъ своему сыну оружіе, выкованное Вулканомъ.

Пѣснь IX-я.

Между тѣмъ Турнъ выступаетъ противъ троянскаго лагеря и хочетъ сжечь корабли Энея,—но они превратились въ нимфъ и улетѣли. Два друга, Нисъ и Эвріалъ, ночью хотятъ пробраться къ Энею, но погибаютъ. Турнъ врывается въ непріятельскій станъ, но оттѣсненный, бросается въ Тибръ и переплываетъ его.

Пѣснь X-я.

Эней съ воинственнымъ народомъ этрусковъ возвращается на зарѣ; на него нападаютъ рутулы. Юнона избавляетъ Турна отъ угрожающей опасности. Эней побѣждаетъ Мезенція и его сына, Лиза.

Пѣснь XI-я.

Враждующія стороны заключаютъ перемиріе для совершенія обрядовъ надъ павшими въ битвахъ. Латинъ изъявляетъ

желаніе заключить миръ съ Энеемъ, но Турнъ требуетъ единоборства. Бой возобновляется. Камилла, дочь витязя Мэтоба любимица Діаны, принимаетъ участіе въ битвѣ; Діана призываетъ нимфу Описъ, даетъ ей стрѣлу и велитъ поразить ею того, кто уязвитъ Камиллу. Войска сходятся; Аррунсъ убилъ Камиллу; его самого убиваетъ нимфа. Рутулы, приведенные въ смятеніе смертью Камиллы, бѣгутъ къ городу. Ночь прерываетъ сраженіе.

Пѣснь XII-я.

Турнъ соглашается на поединокъ и враждующія стороны заключаютъ условія договора. Юнона, видя близкую развязку дѣла, обращается къ Турновой сестрѣ, нимфѣ Ютурнѣ, и та возмущаетъ рутуловъ; Эней раненъ, но вылеченный Венерой, вооружается снова: онъ тщетно ищетъ Турна: Ютурна, принявъ образъ Метиска, возницы Турна, избѣгаетъ встрѣчи съ вождемъ троянскимъ. Эней нападаетъ на городъ; Амата въ отчаяніи сама себя лишаетъ жизни. Эней и Турнъ сходятся въ поединкѣ, который кончается смертью Турна.

Эклоги. Eclogon liber.

Въ буколическихъ произведеніяхъ или эклогахъ Вергилій преимущественно слѣдовалъ Ѳеокриту, но совершенно измѣнилъ характеръ и видъ Ѳеокритовыхъ стихотвореній. Тотъ изображаетъ въ своихъ идилліяхъ дѣйствительную пастушескую жизнь и приводитъ простодушныхъ пастуховъ, разговаривающихъ о пріятностяхъ сельской жизни и услаждающихъ читателя пріятнымъ изображеніемъ сельской жизни; Вергилій же приводитъ только въ маскѣ пастуховъ лица, которые прекрасно

и краснорѣчиво разсуждаютъ объ общественныхъ дѣлахъ или о частной жизни сочинителя, на сколько она ихъ касается.

Георгики. Георгики (Georgicon libri IV.), это дидактическое стихотвореніе, и не только самое совершенное твореніе Вергилія, но и вообще лучшая изъ всѣхъ дидактическихъ поэмъ классической древности. «Полнота эмпиризма, говоритъ Бернарди, и чистота нравственности дѣлаютъ эту поэму прекраснѣйшимъ памятникомъ самаго человѣчества и ни по благородству чувства, ни по благозвучію ритма и выраженій вся художественная поэзія древности не можетъ представить ничего подобнаго Георгикамъ». Цѣлое сочиненіе сообразно съ главными отраслями итальянскаго хозяйства Вергилій раздѣляетъ на четыре отдѣла: 1) о земледѣліи, 2) о разведеніи деревьевъ, 3) о скотоводствѣ и 4) о пчеловодствѣ. Въ этомъ твореніи поэтъ преимущественно слѣдовалъ Гезіоду. Онъ часто прерываетъ дидактическое изложеніе эпизодами и такимъ образомъ предлагаетъ читателю какъ бы пріятныя мѣста для отдохновенія. Сверхъ того онъ украсилъ это стихотвореніе многими истинно-поэтическими мыслями и достойнымъ удивленія изяществомъ и красотою рѣчи.

2. ПУБЛІЙ ОВИДІЙ НАЗОНЪ.

3. Публій Овидій Назонъ (P. Ovidius Naso) описалъ самъ главныя обстоятельства своей жизни въ десятой элегіи четвертой книги своихъ «Tristia». Онъ родился 20 марта 43 года до Р. Х. въ Сульмонѣ (въ Абруццахъ). Отецъ Овидія, довольно богатый римскій всадникъ, отвезъ его еще мальчикомъ въ Римъ. Тамъ Овидій получилъ хорошее образованіе и для усовершенствованія его ѣздилъ въ Аѳины и Азію. Возвратившись въ Римъ, онъ попробовалъ было выступить на государственное поприще; но не долго оставался на почетныхъ мѣстахъ, имъ занимаемыхъ: тріумвира, центумвира, де-

цемвира. Двадцати лѣтъ онъ уже совсѣмъ отказался отъ политической карьеры и жилъ только для поэзіи и для удовольствій, которыя ему въ изобиліи предлагало его богатство и столичная жизнь. Въ 8 году по Р. Х. онъ внезапно былъ удаленъ Августомъ въ городъ Томи на берегу Чернаго моря. Причина этого изгнанія не извѣстна до-сихъ поръ; думаютъ, что Овидій нечаянно засталъ внучку императора, Юлію, въ объятіяхъ раба. Самъ онъ не говоритъ объ этомъ ни слова. Восемь лѣтъ прожилъ Овидій между полудикихъ готовъ, въ суровомъ климатѣ, вдали отъ родственниковъ и друзей,—но постоянно вѣрный музамъ. Послѣ безплодныхъ попытокъ получить позволеніе возвратиться въ Италію, онъ умеръ въ Томи отъ лишеній и печали, оплаканный даже варварами Понта. На одномъ изъ многочисленныхъ мѣстъ, имѣющихъ претензію быть могилой поэта, императрица Екатерина II основала городъ Овидіополь.

СОЧИНЕНІЯ ОВИДІЯ.

Метаморфозы. (превращенія).

Метаморфозы (Metamorphoseon libri XV) самое значительное изъ произведеній Овидія, которое даетъ ему мѣсто между первыми поэтами древности. Это рядъ 246 миѳологическихъ разсказовъ, начинающихся хаосомъ и доходящихъ до смерти Цезаря. Всѣ они, насколько это оказывалось возможнымъ, расположены въ хронологическомъ порядкѣ и составляютъ непрерывный разсказъ. Драматическая форма придаетъ имъ много жизни и разнообразія. Правда, что всѣ разсказы кончаются превращеніемъ, что какъ будто придаетъ цѣлому видъ нѣсколько однообразный; но едва-ли это можно поставить въ упрекъ поэту. Каждый разсказъ образуетъ у него отдѣльную картину страстей, обуревающихъ море житейское. Фантазія, умъ, юморъ поэта блестятъ во всемъ его произве-

деніи. Вообще сочиненіе это замѣчательно и въ литературномъ отношеніи, и весьма важно для исторіи римской миѳологіи. Какъ образецъ приводимъ одну изъ его метаморфозъ:

ФИЛЕМОНЪ и БАВКИДА *).

На холмахъ Фригіи стоитъ старый дубъ, и возлѣ него липа. Деревья обведены изгородью, и на вѣтвяхъ ихъ красуются вѣнки, навѣшенные благочестивыми руками. Недалеко отъ нихъ озеро: мѣсто, на которомъ оно находится, было прежде жилымъ мѣстомъ, а теперь залито водою, и живутъ на немъ только гагары да утки. Нѣкогда прибыли на это мѣсто отецъ боговъ Зевсъ и сынъ его Гермесъ. Они приняли человѣческій образъ, чтобы попытать гостепріимство жителей. Напрасно стучали они въ двери, прося пріюта, ихъ вездѣ прогоняли. Въ одномъ только домѣ не затворили предъ пришельцами дверь. Это была небольшая хижина, кровля которой была крыта тростникомъ. Но въ этомъ убогомъ жилищѣ обитала благочестивая, убогая чета: сѣдой Филемонъ и однолѣтняя ему Бавкида. Они чрезвычайно радушно принимаютъ странниковъ, угощаютъ ихъ всѣмъ, что у нихъ есть лучшаго и сами прислуживаютъ имъ. Гости ѣдятъ и пьютъ, а явства и питья на столѣ не убываютъ. Изумились старики такому чуду, и, смущенные и испуганные, простерли къ божественнымъ гостямъ руки, моля простить ихъ за дурной пріемъ: нѣчемъ имъ подчивать великихъ гостей. Боги, обратясь къ хозяевамъ дома, сказали: «Мы—боги; готовимъ мы кару всѣмъ безбожнымъ сосѣдямъ вашимъ, васъ же не коснется уготованная имъ гибель; только оставьте это жилище и ступайте на вершину горы. Филемонъ и Бавкида повиновались. Дойдя до вершины горы, они оглянулись и видятъ: все селеніе ихъ превратилось въ

*) По Штолю.

озеро, уцѣлѣла одна только ихъ хижина. Смотрятъ они и тужатъ объ участи сосѣдей, вдругъ, видятъ новое чудо: хижина ихъ превращается въ великолѣпный храмъ. Слышатъ Филемонъ и Бавкида голосъ Зевса: «скажи мнѣ, праведный старецъ, и ты, достойная супруга,—чего хотите вы отъ боговъ». Посовѣтовавшись съ женою, Филемонъ сказалъ: «Хотимъ мы быть жрецами и хранителями вашего храма; еще просимъ мы: дайте намъ обоимъ умереть въ одинъ часъ, чтобъ ни я не видалъ смерти жены моей, ни она моей». Желанія ихъ были исполнены: они сдѣлались жрецами того храма. Много лѣтъ спустя, стояли они передъ входомъ въ храмъ и вспоминали о томъ, какъ чудесно возникъ онъ по волѣ Зевса; взглянувши другъ на друга оба вдругъ замѣтили, что покрываются зеленой листвой и превращаются въ деревья. «Прощай»! сказали они другъ другу въ одно и то же время, и кора навсегда затянула уста ихъ. Филемонъ превратился въ дубъ, Бавкида стала липой.

Къ области драматической поэзіи принадлежатъ:

«*Искусство любить* (въ трехъ книгахъ). (Ars amandi).

Поэтъ предлагаетъ средства для надежнаго пріобрѣтенія женской благосклонности. Въ этой поэмѣ Овидій обнаруживаетъ большое знаніе сердца человѣческаго, умъ безконечно сатирическій и счастливый талантъ охарашивать предметы, сами по себѣ незначительные.

«*Лекарство отъ любви*» (въ двухъ книгахъ). (De remedio amoris). Здѣсь онъ говоритъ о средствахъ излечиться отъ этой страсти. Поэма эта, написанная въ 1 году по Р. Х., гораздо ниже предъидущей.

« *О средствахъ для поддержанія красоты* » (de medicamine faciei). Отрывокъ, въ которомъ поэтъ старается доказать, что опрятность есть необходимое условіе для сохраненія красоты.

«О рыбной ловлѣ». (Halieutica).

небольшой отрывокъ.

«Фасты». (Fasti, религіозный календарь, въ 10 пѣсняхъ).

Сочиненіе это отличается чрезвычайною простотою изложенія и важно только для пониманія древне-италійской религіи и культа.

«Ибисъ» (сатирическое сочиненіе Овидія). (Ibis).

небольшая поэма въ 644 стиха, написанная въ Томи и направленная противъ одного изъ враговъ поэта, настоящее имя котораго Овидій скрылъ подъ названіемъ ибиса, египетской птицы. Это родъ проклятій, большею частію заимствованныхъ изъ миѳологіи.

Эпистолярныя сочиненія Овидія:

«Посланія изъ Понта» (Epistolae ex Ponto).

46 элегическихъ эпистолъ, написанныхъ въ изгнаніи, 11—15 по Р. X. Въ этихъ посланіяхъ, съ безутѣшнымъ малодушіемъ и безпрестанными жалобами, поэтъ разсказываетъ о непріятностяхъ и лишеніяхъ своей ссылки.

Особенный отдѣлъ эпистолъ составляютъ «Героиды», т. е. воображаемая любовная переписка героинь и героевъ миѳическаго и героическаго періодовъ. Говорятъ, что изобрѣтателемъ этого жанра былъ Овидій. Этотъ поэтъ написалъ рядъ любовныхъ посланій:

«Heroides» (XII),

которыя по содержанію, изложенію и стиху принадлежатъ къ самымъ законченнымъ его произведеніямъ. Лучшей изъ героидъ считается посланіе Сафо къ Фаону.

Къ элегическимъ стихотвореніямъ принадлежатъ:

«Любовь» (Amores, 48 элегій въ 3 книгахъ).

Овидій самъ герой этихъ стихотвореній; онъ воспѣлъ въ нихъ

свою любовь, со всѣми ея радостями и страданіями. Второй сборникъ:

«Печальныя элегіи» Tristium libri V. (50 элегій).

по тону и содержанію совершенно сходный съ посланіями изъ Понта.

3. КВИНТЪ ГОРАЦІЙ ФЛАККЪ.

Квинтъ Горацій Флаккъ (Q. Horatius Flaccus) родился въ 65-мъ году до Р. Х. въ Венузіи, на границѣ Апуліи и Луканіи. Отецъ его, зажиточный «libertinus» (вольноотпущенникъ), былъ сборщикомъ податей (exauctionum coactor); чтобы дать образованіе сыну, онъ продалъ имѣніе и переселился въ Римъ. Въ Римѣ главнымъ предметомъ занятій Горація были греческіе и латинскіе поэты. Ливія Андроника «вдалбливалъ ему въ голову» грамматикъ Орбилій Пупилла, по прозванію «plagosus» (драчунъ). Достаточно успѣвши, онъ сталъ заниматься философіей и, чтобы усовершенствоваться, отправился на 20-мъ году жизни въ Аѳины, университетъ того времени. Между тѣмъ въ Римѣ начался страшный государственный переворотъ 44-го года, вслѣдствіе котораго, лѣтомъ того-же года, Брутъ и Кассій прибыли въ Аѳины, призывая учившихся тамъ римскихъ юношей къ оружію, противъ Октавіана Августа. По приглашенію Брута, Горацій сталъ подъ его знамена, въ качествѣ военнаго трибуна, и слѣдовалъ за нимъ въ Азію и въ Македонію. Въ сраженіи при Филиппахъ въ 43-мъ году онъ безславно бѣжалъ съ поля сраженія, покинувъ щитъ на полѣ битвы (relicta non bene parmula). Объ этомъ событіи онъ самъ разсказываетъ въ одѣ къ своему другу и товарищу по оружію Помпею Варру. Послѣ этой битвы, воспользовавшись амнистіей которую обнародовалъ сенатъ, онъ возвратился въ Римъ. Тамъ онъ посвятилъ себя поэзіи, и благодаря своимъ поэтическимъ произведеніямъ, сатирамъ и эподамъ, онъ былъ замѣченъ дру-

гими поэтами того времени. Подружившись съ Вергиліемъ и Варіемъ, онъ вмѣстѣ съ ними сталъ посѣщать Мецената, покровителя ученыхъ и поэтовъ. Послѣдній, послѣ девятимѣсячнаго испытанія, принялъ его въ тѣсный кружокъ своихъ друзей. Впослѣдствіи онъ подарилъ ему небольшое помѣстье въ Сабиніи (villa sabina), гдѣ поэтъ провелъ большую часть остальной жизни, предпочитая тихое уединеніе деревни блестящей жизни цезарскаго двора. Тамъ онъ считалъ себя совершенно счастливымъ и наслаждался той «золотой посредственностью», которая вмѣстѣ съ правиломъ, «nil admirari» была девизомъ его жизни. Четыре года спустя послѣ несчастной битвы при Филиппахъ, онъ былъ представленъ Октавіану, который предложилъ ему должность секретаря (officium epistolarum). Но Горацій былъ только номинально въ этой должности, а на самомъ дѣлѣ проводилъ большую часть времени на своей виллѣ, занимаясь изученіемъ греческихъ поэтовъ («Vos, exempla Graeca, nocturna versate manu versate diurna»), и написалъ большую часть своихъ одъ и посланій. Умеръ онъ скоропостижно въ 9-мъ году до Рожд. Христова, вскорѣ послѣ смерти своего друга и покровителя, Мецената. Онъ былъ похороненъ на Эсквилинскомъ холмѣ, подлѣ могилы Мецената. Его пророчество: «non omnia moriar», исполнилось.

Горацій былъ невысокаго роста и весьма полонъ, надъ чѣмъ онъ самъ добродушно подсмѣивается въ (Epist. I 4) посланіи къ другу своему, поэту Албію Тибуллу:

«Хочешь-ли ты посмѣяться свиньѣ эпикурова стада,
«Пріѣзжай посмотрѣть, какъ я толстъ, какъ гладка моя кожа».

СОЧИНЕНІЯ ГОРАЦІЯ.

§ 6. Горацій и въ древнія, и въ новыя времена, съ одной стороны былъ предметомъ слѣпаго удивленія, съ другой же въ

немъ порицали низкую лесть—но для справедливой оцѣнки его должно принять въ соображеніе два обстоятельства: во первыхъ, время междоусобныхъ, гражданскихъ войнъ, во вторыхъ время царствованія Августа. Въ первой эпохѣ мы видимъ страшное кровопролитіе, какъ въ Римѣ, такъ и въ провинціяхъ, деморализацію двухъ великихъ партій, раззоренія аристократовъ, при Августѣ-же тишину, прекращеніе раздоровъ партій;—глубокія язвы республики закрылись. Удивительно-ли послѣ этого, что при такой перемѣнѣ мягкосердный поэтъ, бывшій другъ Брута, сталъ пѣвцомъ и почитателемъ Августа? Но несмотря на то, что Августъ пріобрѣлъ въ немъ друга, отношенія Горація къ нему были чрезвычайно тонкія. «Онъ сдѣлался приверженцемъ императора, не измѣняя своимъ принципамъ онъ постоянно сохранялъ самый строгій нейтралитетъ между угасшей республикой и рождающейся имперіей, символомъ его политическихъ убѣжденій было:—любовь къ мирному настоящему и неизмѣнное уваженіе къ славному прошедшему. Если Августъ иногда и является въ стихотвореніяхъ Горація великимъ до апоѳеозы,—то во всякомъ случаѣ это только поэтическій образъ, а не политическая догма. Горацій боготворилъ Августа, а не верховную власть. Онъ является вовсе не панегиристомъ власти: тѣмъ-же голосомъ, которымъ поетъ похвалы Августу, онъ превозноситъ непоколебимую доблесть Катона» (Милюковъ). Сочиненія Горація раздѣляются на четыре рода: оды, эподы, сатиры и посланія.

Въ своихъ одахъ (carmina) Горацій хотѣлъ возраститы1) на римской почвѣ поэзію Алкею и другихъ эолійскихъ лириковъ. (Carminum l bri 4).

Содержаніе ихъ самое разнообразное, но въ общемъ каждая книга имѣла свое назначеніе и была писана съ тою либо другою цѣлью.

1-я Книга содержитъ въ себѣ 38 одъ, въ которыхъ Горацій большей частью обращается къ друзьямъ, съ цѣлью

подѣлиться съ нимм своими впечатлѣніями, радостіями и горемъ а также, чтобы похвалить прекрасныя стороны одного и упрекнуть другаго за его дурныя наклонности. Кромѣ того въ этой книгѣ онъ часто обращается къ Меценату и Августу, восхваляя доблесть обоихъ.

2-я Книга содержитъ въ себѣ 20 одъ и почти вся наполнена нравоучительными сентенціями: такъ здѣсь онъ проводитъ мысль о суетности всего земнаго, говоря, что нѣтъ надобности копить богатства, потому-что удѣлъ всѣхъ одинъ безпощадная смерть; здѣсь-же даетъ правила: «nil admirari» «carpe diem», а также хвалитъ золотую посредственность (mediocritas aurea). Заключается эта книга одой къ Меценату въ которой поэтъ чрезвычайно живо рисуетъ свое превращеніе въ лебедя.

3-я Книга, *) содержащая въ себѣ 30 одъ, есть произведеніе опытной возмужалости. Первыя 6 одъ отличаются этическимъ характеромъ: Горацій написалъ ихъ, по желанію Августа, для поученія юношества. Первая строфа 1-ой оды представляетъ прекрасное вступленіе къ этимъ шести одамъ:

„Темную чернь отвергаю съ презрѣніемъ,
„Тайнымъ доселѣ внемлите напѣвамъ!
„Жрецъ, вдохновенный Каменъ повелѣніемъ,
„Юношамъ нынѣ пою я и дѣвамъ.

Въ слѣдующихъ одахъ, въ формѣ различныхъ вымышленныхъ происшествій, поэтъ воспѣваетъ любовь съ ея радостями и огорченіями и говоритъ, что отъ огорченій должно искать утѣхи: «Въ любви отрадной и влагѣ виноградной». Въ заклю-

*) Всѣ три первыя книги одъ посвящены Меценату.

ченіе онъ въ воззваніи къ Мельноменѣ говоритъ о памятникѣ который оставляетъ по себѣ въ своихъ произведеніяхъ. (А).

4-я Книга содержитъ въ себѣ 15 одъ и написана Гораціемъ по просьбѣ Августа, который просилъ его воспѣть побѣды пасынковъ своихъ, Тиверія и Друза. Заключеніе ея составляетъ стихотвореніе, въ которомъ Горацій указываетъ на благотворное вліяніе единодержавія Августа на Римъ.

А.) *Ad Melpomenen.*

«Воздвигъ я памятникъ вѣчнѣе мѣди прочной
И зданій царственныхъ превыше—пирамидъ.
Его ни ѣдкій дождь, ни Аквилонъ полночный,
Ни рядъ безчисленныхъ годовъ не истребитъ.
Нѣтъ, я не весь умру, и жизни лучшей долей
Избѣгну похоронъ, и славный мой вѣнецъ
Все будетъ зеленѣть, доколѣ въ Капитолій
Съ безмолвной дѣвою старѣйшій ходитъ жрецъ *).
Слухъ обо мнѣ пройдетъ на берегъ говорливый
Ауфица **) быстраго и до безводныхъ странъ,
Гдѣ съ трона судитъ Давнъ †) народъ трудолюбивый,
Что изъ ничтожества былъ славой я избранъ,
За то, что первый я на голосъ эолійскій ††)

---

*) Доколь будутъ приноситься жертвы Вестѣ и Юпитеру Капитолійскому слѣдовательно, по понятію Римлянъ, вѣчно.

** Берега Ауфида (нынѣ Офанто, въ Апуліи)—родина Горація.

†) Давнъ—первый царь Апуліи.

††) Горацій гордился тѣмъ, что первый началъ подражать эолійскимъ пѣвцамъ.

Прим. Этой одѣ Горація подражалъ Державинъ въ своемъ „Памятникѣ". Вообще въ XVII вѣкѣ Горацій считался образцомъ во всѣхъ литературахъ и имѣлъ большое число почитателей и подражателей. Позднѣе Пушкинъ въ своемъ „Памятникѣ" тоже подражаетъ одѣ Горація, но не изъ первыхъ рукъ, а уже стихотворенію Державина.

Свелъ пѣснь Италіи. О, Мельпомена, свей
Въ награду мнѣ за трудъ сама вѣнецъ дельфійскій
И лавромъ увѣнчай руно моихъ кудрей.

2) Эподы (epodon liber).

Эподы сходны съ одами; они состоятъ изъ ямбическихъ двустишій, подобныхъ Архилоховымъ сатирическимъ ямбамъ.

3) Satirarum libri II (sermones).

Сатиры Горація по своему содержанію весьма разнообразны; но главная мысль ихъ, которую онъ вполнѣ осуществилъ, была та, чтобы выставить на показъ недостатки современнаго общества и исправить ихъ. Въ нихъ онъ шуточно или строго осмѣиваетъ глупости и пороки, какъ отдѣльныхъ лицъ такъ и цѣлаго общества. Онѣ чрезвычайно нравились Меценату и другимъ знатнымъ его покровителямъ, такъ даже самъ Августъ упрекалъ его за то, что онъ не обратился къ нему ни въ одной изъ своихъ сатиръ: «Знай, писалъ онъ къ поэту, что я сердитъ на тебя за то, что въ произведеніяхъ этого рода ты рѣдко обращаешься прямо ко мнѣ. Не боишься-ли ты обезславить себя въ глазахъ потомства, открывши ему, что и ты принадлежалъ къ числу нашихъ друзей»? (Suet. vita Horatii). Но въ тоже время онѣ вызвали сильное озлобленіе противъ него той части общества, которой не по сердцу пришлось обличительное слово противъ ея испорченности и порочности. Въ одной изъ своихъ сатиръ (I, 4-ой) Горацій, отвѣчая на нападки этихъ людей, высказываетъ свой взглядъ на сатиру и въ же время говоритъ о томъ, что его заставило сдѣлаться сатирикомъ, и какъ онъ относится къ современникамъ. Онъ полагаетъ, что сатира имѣетъ то же направленіе, какъ и древнеаттическая комедія, что древніе комики, которые такъ свободно карали недостатки и пороки, даже личные, своихъ современниковъ, могутъ быть совершенно правильно сравниваемы съ сатириками. Цѣль у тѣхъ и другихъ была одна, отличіе

состояло только во внѣшней формѣ стихотвореній. Луцилій, его предшественникъ, совершенно съ тою-же цѣлью писалъ свои сатиры, какъ Аристофанъ-комедіи; но хотя наблюдательность и остроуміе его безспорно были велики, все таки сатиры, имъ написанные, по мнѣнію Горація, имѣютъ весьма важный недостатокъ: онѣ написаны слишкомъ поспѣшно и притомъ растянуты.—Сатира по самому существу своему не можетъ быть пріятна большинству, потому-что почти всѣ считаютъ себя такъ либо иначе ею затронутыми. Такимъ образомъ та сатира, которою поэтъ желаетъ подѣйствовать на общество, должна быть плодомъ долгаго практическаго изученія человѣчества, а не написана на скорую руку. Говоря о себѣ, онъ утверждаетъ, что можетъ удовлетворить этому требованію что наблюдательности уже съ дѣтства училъ его отецъ и онъ привыкъ на досугѣ набрасывать свои замѣчанія на бумагу.—По этому замѣчанію самого Горація, можно составить довольно ясное понятіе о цѣли его сатиръ и ихъ характерическихъ особенностяхъ.

4) *Посланія* (Epistolarum libri duo) (XXIII посл.).

Въ посланіяхъ своихъ Горацій обращается къ отдѣльнымъ личностямъ, которыя имѣютъ вліяніе на ходъ этихъ поэмъ не только своимъ характеромъ, но даже частными положеніями своими. Содержаніе ихъ самое разнообразное, порой и сатирическаго характера; но главнымъ образомъ Горацій является здѣсь моралистомъ и философомъ. Часто въ нихъ онъ заглядываетъ и въ свое собственное сердце и говоритъ съ самимъ собою или съ тѣмъ, кто ему болѣе близокъ. Такимъ образомъ посланія эти являются сердечной исповѣдью поэта; но въ немъ мы не видимъ ни сокрушенія сердечнаго, ни наглости, ни лицемѣрія; а только сознаніе своихъ недостатковъ и сожалѣніе

о томъ, что по слабости своей не можетъ исправиться. Самая замѣчательная изъ его эпистолъ, посланіе къ Пизонамъ или «Ars poëtica» (II, 3), имѣла цѣлью показать, въ чемъ состоитъ истинное значеніе поэзіи, и выставить ея истинно прекрасныя стороны. Болѣе всего онъ говоритъ о драмѣ, именно потому, что драма въ его время была совершенно заброшена римлянами.

V.

ФИЛОСОФІЯ

и

КРАСНОРѢЧІЕ.

ПЛАТОНЪ.

§ 1. Платонъ (Πλάτων) родился въ третьемъ году 87 ол. (429 до Р. Х.). 7-го Таргеліона, соотвѣтствующаго нашему Маю. Мѣстомъ рожденія Платона Діогенъ Лаерцій почитаетъ островъ Эгину, и подтверждаетъ свое показаніе тѣмъ, что Аѳиняне, изгнавъ Эгинянъ, населили островъ новыми жителями, между которыми былъ и Аристонъ, отецъ Платона. Чтоже касается до происхожденія нашего философа, то древніе, можетъ быть принося дань удивленія генію своего вѣка, говорятъ объ этомъ много баснословнаго. Вѣрно только то, что Платонъ по матери своей, Периктіонѣ, происходилъ отъ Солона, а по отцу, Аристону, отъ знаменитаго Аѳинскаго государя Кодра. Воспитаніе Платону было дано соотвѣтственное высокому его происхожденію. Образованіемъ его занимались отличнѣйшіе наставники того времени. Между прочимъ гимнастикѣ онъ учился у Аристона Аргивянина, который за прекрасную наружность, открытое чело и счастливое тѣлосложеніе своего ученика, далъ ему имя «Платона», вмѣсто прежняго имени «Аристокла». Въ гимнастикѣ Платонъ оказалъ такіе успѣхи, что на Истмійскихъ и Пиѳійскихъ играхъ явился въ качествѣ публичнаго атлета. Но съ особенною ревностію Платонъ упражнялся въ поэзіи и написалъ нѣсколько лиричес-

кихъ, трагическихъ и героическихъ сочиненій, которыя однакожъ впослѣдствіи сжегъ и сдѣлался врагомъ стихотворства. Онъ еще съ раннихъ лѣтъ занимался философіею Пиѳагора и Анаксагора: это видно изъ тѣхъ разговоровъ, которые написаны имъ при жизни Сократа. Имѣя около двадцати лѣтъ отъ роду, Платонъ вступилъ въ число слушателей Сократа и былъ ученикомъ его въ продолженіе десяти лѣтъ. Говорятъ что онъ приходилъ въ судъ, какъ защитникъ обвиняемаго Сократа, что судьи приказали ему сойти съ каѳедры, что онъ вмѣстѣ съ Критономъ и другими совѣтовалъ Сократу присудить себя къ денежному штрафу (въ 30 минъ) и вызывался внесть оный.

По смерти Сократа, Платонъ, вмѣстѣ съ другими его учениками, переѣхалъ въ Мегару къ Эвклиду. Потомъ онъ ѣздилъ въ Киринею къ математику Ѳеодору, и въ Италію—къ Пиѳагорейцамъ. Изъ Тарента и Великой Греціи Платонъ отправился въ Сицилію, по мнѣнію однихъ, для того, чтобы видѣть изверженіе Этны; другіе же говорятъ, что Діонъ, благородный юноша, побуждаемый громкою славою Платона, упросилъ своего государя и родственника пригласить его въ Сиракузы. Платоновы наставленія, продолжаютъ они, сдѣлали на Діона столь сильное впечатлѣніе, что, возненавидѣвъ развратную жизнь изнѣженныхъ Сиракузянъ, онъ вознамѣрился со временемъ освободить своихъ сограждан отъ ига деспотической власти и осчастливить ихъ постановленіемъ новыхъ мудрыхъ законовъ. Но Діонисію бесѣды Платоновы не были такъ пріятны, какъ Діону; напротивъ онѣ возбудили въ немъ мысль посягнуть даже на жизнь Аѳинскаго мудреца; и только покровительство Аристомена и Діона могло спасти его отъ смерти. Впрочемъ Діонисій успѣлъ уговорить спартанскаго посланника, Полиса, взять Платона на свой корабль и продать

его на островѣ Эгинѣ, который въ то время велъ войну съ Аѳинянами. Такимъ образомъ Платонъ былъ продапъ; но Киринеянинъ Анихерисъ, выкупивъ его за 20 или за 30 минъ, препроводилъ въ Аѳины. О цѣли его путешествій древніе писатели говорятъ различно. Впрочемъ, странно представлять какую-нибудь опредѣленную цѣль ихъ люди мыслящіе, во всѣ времена любили обогащаться познаніями различныхъ странъ свѣта. Возвратившись въ отечество, Платопъ открылъ философскую каѳедру въ Академіи, находящейся въ предмѣстіи Аѳинъ, гдѣ былъ и собственный его садъ. О методѣ его ученія и правилахъ школы до насъ дошло мало достовѣрныхъ свѣдѣній. Олимпіодоръ говоритъ, что почитая математику наукою, необходимою для философа, Платонъ сдѣлалъ слѣдующую надпись надъ своими дверьми: «οὐδεὶς ἀγεωμήτρητος εἰσίζω».

Ученіе Платона было такъ увлекательно, что его слушали соотечественники и иностранцы, юноши и старики, полководцы и политики. Чрезъ 20 лѣтъ отъ основанія Академіи, (103. 1. ол.), Діонисій старшій умеръ, и на престолъ Сициліи вступилъ сынъ его Діонисій Младшій. Говорятъ, что Діонъ, не теряя изъ виду политическаго своего плана, просилъ юнаго государя пригласить къ себѣ Платона и вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ къ самому философу, чтобы онъ не отказывался отъ приглашенія.

Діонисій исполнилъ желаніе своего родственника, и Платонъ отправился въ Сиракузы. Государь принялъ его очень милостиво, однакожъ надежда Діона не исполнилась, потому что въ его дѣло вмѣшалась другая политическая партія. Она навела на Діона подозрѣніе въ томъ, что онъ, подъ предлогомъ попеченія объ образованіи Діонисія, скрывалъ намѣреніе овладѣть его престоломъ. Поэтому Діонъ былъ изгнанъ изъ Сициліи, а Платонъ съ трудомъ получилъ позволеніе возвратить-

ся въ Грецію. Впрочемъ Діонисій вскорѣ снова и неоднократно звалъ его въ Сиракузы, прислалъ за нимъ корабль и обѣщалъ исполнить всѣ его желанія касательно Діона. Убѣжденный этими просьбами, Платонъ предпринялъ третье путешествіе въ Сицилію; но по пріѣздѣ, туда скоро замѣтилъ, что его надежды несбыточны. Поэтому началъ опять приготавляться къ отъѣзду; но Діонисій старался удержатьего. Между тѣмъ въ отношеніи къ Діону приняты были мѣры еще строжайшія. Разговоръ Платона съ Ѳеодотомъ другомъ Діоновымъ, раздражилъ Діонисія такъ, что Аѳинскій философъ отданъ былъ подъ стражу и со дня на день ожидалъ смерти. Узнавъ о сто.ъ бѣдственномъ положеніи своего друга, Архитъ, подъ видомъ посольства, отправилъ къ Діонисію Ламиска, который наконецъ упросилъ его отпустить Платона и выдать ему путевыя деньги. Платонъ умеръ въ 348 г. до Рож. Хрис. Онъ прожилъ 81 годъ и, кажется, до послѣдней минуты своей жизни, то писалъ, то исправлялъ написанное. По смерти этого великаго мужа, на восковой доскѣ нашли его «Республику», со множествомъ перемарокъ и поправокъ. Аѳиняне воздвигли ему памятникъ съ надписью, не въ дальнемъ разстояніи отъ академіи, въ которой онъ былъ погребенъ; а Митридатъ, по свидѣтельству Фаворина, приказалъ Силаніану сдѣлать статую Платона и поставилъ ее въ академіи.

СОДЕРЖАНІЕ АПОЛОГІИ И КРИТОНА.

§ 2. Апологія Сократа *) не есть рѣчь, произнесенная Сократомъ, но, подъ видомъ защиты, Платонъ заставляетъ Со- *Апологія.*

*) Изложеніе содержанія Апологіи и Критона извлечено изъ введенія къ этимъ сочиненіямъ въ изданіи Кремера.

крата самого стать въ оппозицію съ нравственнымъ и научнымъ состояніемъ его времени. Это не есть простая защитительная рѣчь, простое опроверженіе обвиненія, но глубокая характеристика этого мудреца, въ которой судебная форма рѣчи есть только наружная оболочка. Содержаніе Апологіи слѣдующее:

Послѣ короткаго вступленія (17 A—18 A) начинается собственно защита. Сократъ раздѣляетъ обвинителей на два разряда (18 B—19 A). Онъ опровергаетъ обвиненіе первыхъ, которые уже давно порицали его втайнѣ (будто бы онъ доискивается изслѣдовать небесныя и подземныя явленія), взывая къ слушателямъ (19 B—20 C) и, какъ на источникъ обвиненія указываетъ на ненависть толпы, которую онъ невольно навлекъ на себя тѣмъ, что Дельфійскій оракулъ назвалъ его мудрѣйшимъ изъ Грековъ. Не сознавая въ себѣ знанія, онъ разбиралъ знанія другихъ, и такъ какъ эти знанія другихъ не казались ему истинными, онъ призналъ, что его мудрость заключалась только въ сознаніи того, что онъ ничего не знаетъ. Юноши, посѣщавшіе его, подражали ему въ этомъ занятіи и усилили такимъ образомъ, ненависть, которую онъ уже навлекъ на себя (20 C—24 A). Ко второму разряду обвинителей онъ относитъ тѣхъ, которые теперь обвиняютъ его открыто. Потомъ онъ опровергаетъ первый пунктъ обвиненія (что онъ портитъ юношество) тѣмъ, что вопросами доводитъ противниковъ до невозможнаго заключенія, будтобы всѣ Аѳиняне, кромѣ него направляютъ юношество къ добру, и тѣмъ еще, что доказываетъ какъ безсмысленно подвергать себя опасностямъ порчею юношества (24 B—26 A). Второй пунктъ обвиненія заключается въ томъ, что Сократъ не вѣритъ въ боговъ государства и вводитъ новыя божества. Сократъ опровергаетъ этотъ пунктъ, доказывая, что вѣра въ боговъ необходимо связана съ вѣрою въ «δαίμονες», которые или сами боги, или потомки боговъ (26 B—27 E). Этимъ оканчивается опроверженіе. Далѣе Сократъ объявляетъ о своемъ твердомъ рѣшеніи,

остаться вѣрнымъ своимъ прежнимъ занятіямъ: предназначенный къ этому богомъ, онъ предпочитаетъ повиноваться болѣе ему, чѣмъ людямъ. Доказательствомъ своего божественнаго назначенія онъ представляетъ свое пренебреженіе къ личнымъ выгодамъ и свою вѣчную работу для счастія согражданъ (28 А—31 С). Если онъ не участвуетъ въ управленіи, то виновата въ этомъ толпа, которая угрожаетъ смертью за сопротивленіе праваго; его жизнь служитъ тому доказателствомъ (31 С—33 А). Онъ даже отстранялъ отъ себя преподаваніе, потому что каждый имѣлъ право посѣщать его безплатно. Что онъ не портитъ юношество, доказывается уже тѣмъ, что обвинитель не можетъ указать ни на однаго испорченнаго и что никто не жалуется на испорченность своего сына или родственника (33 А—34 В). Наконецъ онъ объявляетъ, что не хотѣлъ возбуждать сожалѣніе судей обыкновенными средствами, потому что это недостойно его и противно присягѣ судей (34 В—35 Д).

Послѣ первой подачи голосовъ, когда Сократъ признается виновнымъ, начинается вторая часть его рѣчи. Онъ предлагаетъ въ наказаніе себѣ свое содержаніе въ пританеѣ, потому что, оказывая только услуги своимъ согражданамъ, заслуживаетъ награду, а не наказаніе (36 А—37 А). По своей бѣдности онъ не можетъ предложить денежную пеню, которая впрочемъ не составляла бы для него потери; въ крайнемъ случаѣ онъ можетъ предложить одну мину. Но друзья его ручаются за него въ тридцати минахъ, вслѣдствіе чего онъ предлагаетъ эту сумму (37 А—38 В). Осужденный на смерть второю подачею голосовъ, Сократъ обращается еще разъ съ краткой рѣчью къ судьямъ. Не трудно избѣжать смерти, говоритъ онъ, но трудно избѣжать стыда; поэтому онъ предпочитаетъ умереть послѣ такой защиты скорѣе, чѣмъ безстыдно освободиться (38 С—39 В). Онъ говоритъ судьямъ, осудившимъ его, что они не достигли своей цѣли (39 В—39 Д). Тѣмъ же, которые подавали голосъ въ его пользу, онъ сообщаетъ свою на-

дежду, что процессъ будетъ для него имѣть счастливый исходъ. Смерть, которая есть или полное разрушеніе, или переходъ въ счастливѣйшую жизнь, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть несчастіемъ для него. Боги не оставляютъ безъ помощи честнаго человѣка. Наконецъ онъ поручаетъ имъ своихъ сыновей съ просьбою поступать съ ними такъ, какъ онъ поступалъ съ своими согражданами (39 Д—42 А).

Критонъ. За Апологіею слѣдуетъ «Критонъ», діалогъ соединенный съ нею историческимъ фактомъ. По произнесеніи приговора, смертная казнь надъ Сократомъ должна совершиться. Но такъ какъ въ это время было отправлено торжественное шествіе корабля въ Делосъ, (корабля, на которомъ Тезей отправлялся въ Критъ, чтобы убить Минотавра), то исполненіе приговора отложилось до возвращенія его; въ отсутствіе этого корабля никакая смертная казнь не могла быть приведена въ исполненіе. На этотъ разъ отсутствіе его продолжалось тридцать дней, которые Сократъ провелъ въ темницѣ, бесѣдуя съ своими друзьями. Къ этому времени, именно за три дня до смерти Сократа, относится діалогъ «Критонъ».

Критонъ, другъ Сократа, извѣщаетъ его рано утромъ, что священный корабль достигъ мыса Сунія, что онъ прибудетъ въ тотъ же день въ Аѳины и что Сократъ долженъ будетъ умереть на другой день. (43 А—44 Д). Онъ уговариваетъ Сократа бѣжать, убѣждая его согласиться на это во имя ихъ дружбы и дурной славы, которая ляжетъ на него, если онъ покинетъ своего друга. Онъ старается устранить опасенія Сократа въ отношеніи его друзей, доказывая, какъ легко можно отдѣлаться отъ сикофантовъ, и какъ мало нужно денегъ для его спасенія. Что же касается до него самаго, онъ долженъ быть покоенъ, куда бы ни пришелъ; онъ вездѣ пріобрѣтетъ всеобщую любовь (44 Е—45 С). Критонъ идетъ еще далѣе;

онъ старается уяснить Сократу тотъ вредъ, который онъ дѣлаетъ, отказываясь отъ побѣга, что онъ измѣняетъ своимъ дѣтямъ, оставляя имъ сиротами, ставитъ своихъ друзей въ ложное положеніе: наконецъ время не терпитъ, надо принять какую нибудь рѣшимость (45 С—46 А). Не убѣжденный этими доводами, Сократъ объявляетъ, что онъ вмѣстѣ съ Критономъ желаетъ доискаться, справедливо ли избѣгать смерти посредствомъ бѣгства. Онъ легко доказываетъ, что какъ и во всемъ, такъ и въ вопросѣ о правомъ и неправомъ, дожно обращать вниманіе на сужденіе человѣка свѣдущаго: кто пренебрегаетъ наставленіями учителя гимнастики, тотъ вредитъ своему тѣлу, а кто преступаетъ правила справедливости, вредитъ своей душѣ. Если мало цѣнится жизнь въ больномъ тѣлѣ, тѣмъ менѣе цѣнится она въ тѣлѣ съ развращенною душею. Потомъ Сократъ напоминаетъ Критону, что за зло не платятъ зломъ (46 В—50 А). Рожденный, вскормленный и воспитанный подъ покровительствомъ законовъ, онъ обязанъ имъ повиноваться. А все таки они даютъ право оставить городъ не согласующемуся съ ними. Но тотъ, кто остается, «ipso facto» соглашается съ ними и вдвойнѣ погрѣшаетъ противъ нихъ, если не повинуется. Не законы, а люди повредили Сократу; если онъ согла̀тится на побѣгъ, то онъ мститъ законамъ за зло, которое сдѣлали ему люди (50 А—53 А). Да и выгоды мало въ побѣгѣ. Этимъ онъ ставитъ своихъ друзей въ опасность, а на него самаго будутъ смотрѣть, какъ на разрушителя законовъ, и такимъ образомъ онъ подтвердитъ, что произнесенный судьями приговоръ справедливъ; и наконецъ онъ оставитъ своихъ дѣтей безъ покровительства. Вотъ почему Сократъ не соглашается съ Критономъ (53 В—54 Е). Въ этомъ Діалогѣ Сократъ является истинно добрымъ и честнымъ гражданиномъ: онъ не одобряетъ принциповъ аѳинской демократіи, но безъ ропота совершенно подчиняется законамъ и внушаетъ другимъ, что первый долгъ всякаго гражданина есть покорность законамъ. Платонъ этимъ

сочиненіемъ доказываетъ свой патріотизмъ, показывая примѣромъ Сократа, несправедливо осужденнаго, и устами самаго закона, своимъ согражданамъ, какъ и чѣмъ должно обнаруживать истинно гражданскія доблести.

КРАСНОРѢЧІЕ.

§ 4. Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ краснорѣчіе, какъ искусство посредствомъ рѣчи достичь наилучшимъ образомъ извѣстной цѣли, проявлялось въ большей или меньшей степени. Но ни одинъ народъ не достигъ въ немъ такого совершенства, какъ Греки: у нихъ оно является не только какъ искусство, но какъ врожденный даръ. Представителями греческаго краснорѣчія считаются обыкновенно такъ называемые «десять аттическихъ ораторовъ»; но ни одинъ изъ нихъ не пріобрѣлъ такой громкой славы, какъ Демосѳенъ, котораго всѣ знаменитые мужи древности осыпаютъ похвалами. Дѣйствительно, ни одинъ ораторъ не потрясалъ такъ всѣ изгибы души, не возбуждалъ такъ сильно чувства горечи, любви, ненависти, гнѣва, гордости и грусти, какъ Демосѳенъ. Въ немъ соединились всѣ достоинства рѣчи, которыя у другихъ ораторовъ встрѣчаются только по частямъ.

2. ДЕМОСѲЕНЪ. *) (385—322 г. до Р. Х.).

§ 5. Демосѳенъ (Δημοσθένης) родился въ одномъ незначительномъ мѣстечкѣ Аттики (Παιονία). Отецъ его былъ человѣкъ, хотя не очень богатый, но довольно зажиточный: онъ занимался приготовленіемъ оружія. Такимъ образомъ, когда онъ умеръ, малолѣтнимъ его дѣтямъ досталось довольно значительное состояніе (14 талантовъ **); но опекуны 8-милѣтняго

*) Объ остальныхъ девяти аттическихъ ораторахъ см. въ прибавленіяхъ

**) Около 20000 р.

Демосѳена и его пятилѣтней сестры управляли имуществомъ ихъ весьма недобросовѣстно, такъ что, когда совершенно-лѣтній Демосѳенъ потребовалъ свои деньги, то получилъ только двѣнадцатую часть ихъ. Онъ затѣялъ съ ними процессъ, и хотя выигралъ его, но денегъ не получилъ, такъ какъ опекуны запутали его въ какія то другія дѣла: ему вся эта процедура надоѣла и онъ отказался отъ своего иска. Хотя выигрышъ дѣла былъ просто слѣдствіемъ правосудія судей, но Демосѳенъ возмечталъ, что этимъ онъ обязанъ своему краснорѣчію, которое съ самаго ранняго возраста тщательно изучалъ *). Чтобы пріобрѣсть средства для дальнѣйшаго изученія аттическаго права, онъ занимался составленіемъ судебныхъ рѣчей, т. е. былъ «λογογράφος»; занятіе это было и выгодно, и вмѣстѣ съ тѣмъ почетно. Кромѣ тѣхъ выгодъ, которыя онъ получалъ, благодаря этому занятію, онъ еще имѣлъ въ виду приготовить себя имъ къ ораторской каѳедрѣ. Но первые его опыты говорить къ народу были неудачны. Его тяжелая рѣчь, тонкій голосъ, косноязычество, разсмѣшило всю его аудиторію и онъ принужденъ былъ сойти съ каѳедры, осыпаемый градомъ остротъ и насмѣшекъ. Тогда онъ понялъ, что ему недоставало физическихъ преимуществъ для того, чтобы достичь цѣли, и принялся трудиться неустанно надъ ихъ пріобрѣтеніемъ. О томъ, какъ онъ это дѣлалъ ходитъ много баснословныхъ разсказовъ: говорятъ, что силу голоса онъ пріобрѣлъ, стараясь перекричать шумъ волнъ, чистоту въ произношеніи, говоря съ камешками во рту и т. п. Для обработки слога и тѣлодвиженій, онъ трудился въ погребѣ при свѣтѣ лампы: тамъ просиживалъ онъ цѣлые мѣсяцы и для того, чтобы ли-

*) Говорятъ, что онъ 8 разъ переписалъ собственноручно исторію Ѳукидида, чтобы усвоить себѣ слогъ его рѣчей.

шиться возможности выходить, брилъ голову. Болѣе всего старался онъ усвоить сценическое искусство, и говорятъ, что когда его спросили, что нужнѣе всего оратору, онъ отвѣчалъ: «мимика, мимика, мимика *)». Старанія его увѣнчались полнѣйшимъ успѣхомъ; но насмѣшливые греки говорили, что его рѣчи пахнутъ ламповымъ масломъ, что все таки не мѣшало имъ осыпать его величайшими похвалами и слушаться его указаній и совѣтовъ въ затруднительныхъ положеніяхъ. Какъ адвокатъ онъ говорилъ рѣчи и «pro» и «contra», и даже былъ подкупенъ; но въ дѣлахъ, касавшихся интересовъ его страны, онъ былъ величайшимъ патріотомъ. Своими рѣчами «(филиппиками)» противъ македонскаго царя Филиппа, замышлявшаго подчинить себѣ всю Грецію и умѣвшаго усыплять грековъ своею политикою до того, что они долго считали его поборникомъ ихъ-же интересовъ, Демосѳенъ старался всѣми силами поддержать падавшую свободу и независимость своего отечества. Задача эта всегда была цѣлью его стремленій и трудовъ, и если онъ не достигъ ея, если борьба этого человѣка, достойнаго удивленія и уваженія потомства, не увѣнчалась успѣхомъ, то въ этомъ не онъ виноватъ. Его дѣятельность была дѣятельностью геніальнаго государственнаго человѣка; но она была парализована хитростью и подкупами: онъ силою своего слова пробуждалъ согражданъ отъ апатіи, раскрывалъ имъ глаза и заставлялъ дѣйствовать противъ Филиппа; но послѣдній пускалъ въ ходъ золото и оно оказывалось сильнѣе рѣчей Демосѳена. Въ такой постоянной борьбѣ прошло болѣе 15 лѣтъ: сначала онъ боролся съ Филиппомъ, потомъ съ Александромъ Великимъ, послѣ смерти его—съ Антипат-

---

*) См. Шлоссера томъ 2-й стр. 275.

ромъ, нѣсколько разъ падалъ, опять поднимался;—но все было напрасно: судьба Греціи рѣшилась безвозвратно.

Послѣ несчастной Ламійской битвы (322 г.) Демосѳенъ бѣжалъ на островъ Калаврію. Но и тамъ настигли его шпіоны Антипатра. Тогда, не желая отдаться живымъ въ руки враговъ, Демосѳенъ на ступеняхъ храма Посейдона принялъ ядъ, который всегда носилъ съ собою. Аѳиняне воздвигли ему мѣдный памятникъ съ надписью:

«Если-бы разуму равную мощь, Демосѳенъ, ты имѣлъ—лишь,
«То македонскій Марсъ Грекомъ-бы править не сталъ.

Εἴπερ ἴσην ῥώμην γνώμῃ, Δημόσθενες, εἶχες,
Οὔποτ'ἂν Ἑλλήνων ἦρξεν Ἄρης Μακεδών.

РѢЧИ ДЕМОСѲЕНА.

§ 6. Изъ рѣчей Демосѳена до нашего времени сохранилась шестьдесятъ одна: 12 изъ нихъ относятся къ дѣламъ Аѳинянъ съ Филиппомъ 3 къ Олинѳійскимъ дѣламъ, остальныя рѣчи относятся къ различнымъ другимъ политическимъ сношеніямъ Аѳинянъ и судебнымъ дѣламъ. «Филиппиками» обыкновенно называются первыя четыре рѣчи изъ 12 рѣчей, относящихся къ сношеніямъ Аѳинянъ съ Македоніей. Одной изъ самыхъ прекрасныхъ рѣчей Демосѳена считается рѣчь—«περὶ στεφάνου» (о вѣнкѣ), въ которой онъ говоритъ противъ другаго знаменитаго оратора того времени, Эсхина, возстававшаго противъ рѣшенія сената, дать Демосѳену золотой вѣнокъ, въ награду за услуги имъ оказанныя. Эсхинъ потерпѣлъ окончательное «fiasco», и не получивъ пятой части голосовъ въ собраніи, принужденъ былъ удалиться въ изгнаніе, такъ какъ небылъ въ состояніи уплатить присужденный штрафъ.

Вторая знаменитая рѣчь Демосѳена — это его третья «Филиппика». Эту рѣчь называютъ лебединой пѣснью умирающей Греціи и она представляетъ величественный памятникъ искренности и политической проницательности Демосѳена.

Третья замѣчательная рѣчь Демосѳена, составленная имъ по порученію народа,—это надгробная рѣчь павшимъ при «Херонеѣ» (338 г.). Она замѣчательна потому, что служила оправданіемъ Демосѳена отъ взводимыхъ не него обвиненій, что будто онъ главный виновникъ общественнаго бѣдствія. Такимъ блестящимъ образомъ народъ показалъ врагамъ Демосѳена какъ мало обращаетъ вниманія на клеветы ихъ. Рѣчь эта была произнесена въ домѣ Демосѳена и тамъ-же родственники павшихъ въ сраженіи устроили похоронный обѣдъ.

---

3. МАРКЪ ТУЛЛІЙ ЦИЦЕРОНЪ.

(106—44 г. до Р. Хр.).

М. Туллій Цицеронъ (M. Tullius Cicero) родился въ 106 году до Р. Х. въ помѣстье своего отца, около муниципальнаго города Арпинума (въ Лаціумѣ), въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Фибренъ впадаетъ въ Лирисъ. Цицеронъ принадлежалъ по происхожденію къ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій сословія всадниковъ, и если онъ и названъ былъ при вступленіи въ высшія государственныя должности «homo novus», то потому только, что ни одинъ изъ предковъ его не занималъ курульной должности *. Отецъ его, тоже Маркъ Туллій, былъ человѣкъ богатый и ничего не жалѣлъ для воспитанія сыновей **). Учителя Цицерона были греки; а также и воспитатель его,

*) (О курульн. долж. см. Илов. древ. исторія стр. 276).

**) У него былъ еще одинъ сынъ—Квинтъ.

Луцій Лициній Крассъ *), обращалъ все вниманіе Цицерона на грековъ и ихъ литературу. Въ числѣ учителей Цицерона находился и поэтъ Архій; кромѣ того Цицеронъ посѣщалъ также форумъ **), гдѣ лучшіе ораторы того времени говорили рѣчи.

На 16 году своей жизни онъ надѣлъ «мужскую тогу» (toga virilis) и продолжалъ изучать правовѣденіе у авгура Муція Сцеволы, а потомъ подъ руководствомъ понтифекса, Квинта Сцеволы. Вмѣстѣ съ изученіемъ гражданскаго права онъ занимался также философіей, которую изучалъ вообще, не придерживаясь никакой школы въ особенности †). Такъ онъ знакомился съ ученіемъ Эпикурейцевъ, подъ руководствомъ Федра, съ Академиками его познакомилъ Филонъ, и наконецъ со Стоической школой—Діатонъ, который жилъ и умеръ въ его домѣ.

Особенно тщательно Цицеронъ изучалъ краснорѣчіе, теорію ораторскаго искусства и декламацію, подъ руководствомъ Родосца Молона, который два раза былъ въ Римѣ, сначала какъ частный человѣкъ, а потомъ какъ посланникъ Родосцевъ. Послѣ столь тщательнаго приготовленія, имѣя уже 25 лѣтъ отъ роду, онъ рѣшился наконецъ выступить въ качествѣ оратора и взялъ на себя защиту П. Квинція въ гражданскомъ процессѣ, а въ уголовномъ Секста Росція Америнскаго, и въ обоихъ процессахъ дѣло рѣшено было въ пользу его кліентовъ, не смотря на то, что въ первомъ ему пришлось соперничать съ Гортензіемъ ††), а во второмъ съ клевре-

---

*) *Луцій Лициній Крассъ* (140—91 г.) былъ сторонникомъ оптиматовъ. Съ 21 года своей жизни онъ сдѣлался знаменитымъ ораторомъ.—Во время своего квесторства въ Азіи, а потомъ въ бытность въ Аѳинахъ—онъ усовершенствовался въ краснорѣчіи; въ 95 году онъ былъ консуломъ.

**) Форумъ въ Римѣ служилъ совершенно учебнымъ заведеніемъ, гдѣ всѣ научались изъ живой рѣчи гораздо большему, чѣмъ могли-бы это сдѣлать изъ книгъ.

†) О философскихъ школахъ см. приложенія.

††) Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ ораторовъ того времени.

тами Суллы. Хотя этимъ уже положеніе его было упрочено, однако онъ не рѣшился имъ воспользоватся, считая себя еще не достаточно приготовленнымъ. Для большаго усовершенствованія въ наукахъ и краснорѣчіи онъ отправился путешествовать въ страны, гдѣ находился самый источникъ греческаго образованія. Прежде всего онъ посѣтилъ Грецію, гдѣ пополнялъ свѣдѣнія въ философіи у Академика Антіоха; тамъ-же онъ весьма ревностно занимался краснорѣчіемъ у знаменитаго Димитрія Сирійскаго. Изъ Аѳинъ онъ отправился въ Малію Азію, гдѣ слушалъ многихъ ораторовъ, но не довольствуясь этимъ онъ посѣтилъ также Родосъ и тамъ сблизился съ тѣмъ самымъ Молономъ, котораго слушалъ въ Римѣ, и стоикомъ Посидоніемъ. Чрезъ два года онъ возвратился въ Римъ и тамъ сталъ заниматься адвокатурой, не упуская изъ виду государственной службы. Въ 76 году до Р. Х. (30 лѣтъ отъ роду) онъ единодушно былъ выбранъ квесторомъ *) и въ этой должности сопровождалъ претора въ Сицилію, гдѣ занялся службой и продолжалъ научное образованіе. На этомъ островѣ онъ, какъ говорятъ, открылъ въ кустѣ терновника могильную плиту, подъ которой былъ схороненъ Архимедъ. По окончаніи срока своей службы, онъ посѣтилъ всѣ замѣчательнѣйшія мѣста въ Сициліи и возвратился въ Римъ. Въ 68 г. до Р. Х. онъ успѣлъ такъ расположить къ себѣ народъ, что былъ избранъ курульнымъ эдиломъ **. Въ слѣдующемъ году его сдѣлали городскимъ преторомъ †, а въ 64 онъ рѣшился выступить кандидатомъ на консульство, и благодаря своей прекрасной репутаціи, безъ труда побѣдилъ своихъ противниковъ. Во время своего консульства онъ открылъ и уничтожилъ знаменитый заговоръ Катилины, который замышлялъ государственный пе-

---

*) Казначеемъ.

**) Полицмейстеръ или градоначальникъ.

†) Городской судья.

реворотъ, надѣясь поправить свои финансовыя дѣла и захватить верховную власть въ свои руки. За эту услугу Цицеронъ удостоился титула «pater patriae». Но эта услуга, послужила также поводомъ къ его паденію. Когда онъ уличилъ нѣкоторыхъ заговорщиковъ, то велѣлъ ихъ казнить, основываясь на одномъ сенатскомъ опредѣленіи, безъ судебнаго разбирательства. Этимъ воспользовался врагъ Цицерона, народный трибунъ Клодій, и предалъ его суду въ 58 г. Цицеронъ, видя, что всѣ настроены противъ него, рѣшился удалиться въ добровольную ссылку. Едва онъ выѣхалъ изъ города, какъ, по предложенію Клодія, былъ объявленъ въ опалѣ *, и все его имущество было конфисковано, домъ срытъ до основанія, загородныя виллы разграблены и сожжены: такъ благодарные Римляне наградили своего «отца отечества» за оказанную имъ услугу. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ однако, благодаря ходатайству и просьбамъ своихъ друзей, онъ былъ возвращенъ изъ ссылки. Возвращеніе его имѣло видъ настоящаго тріумфа; огромныя толпы народа встрѣтили далеко за городомъ своего краснорѣчиваго оратора. Въ 51 году Цицеронъ управлялъ провинціей Киликіей, доставшейся ему по жребію, и старался всячески залечить раны на вѣки раззоренной провинціи. Тамъ-же онъ съ двумя легіонами успѣшно боролся противъ разбойничьихъ племенъ, кочевавшихъ на границахъ: но не смотря даже на то, что армія киликійская провозгласила его своимъ императоромъ, въ Римѣ ему отказали въ тріумфѣ. Въ послѣдовавшую затѣмъ войну между Цезаремъ и Помпеемъ онъ присталъ къ партіи Помпея и отправился въ Грецію; но по случаю болѣзни не принималъ участія въ Фарсальской битвѣ (38 г. до Р. Х.) и отказался отъ начальства надъ войскомъ, которое ему было предложено послѣ бѣгства Помпея. Этимъ поступкомъ онъ примирился съ пар-

*) Объявляли обыкновенно лишеннымъ „огня и воды“.

тіей Цезаря и получилъ возможность возвратиться въ Италію; но по возвращеніи онъ совершенно оставилъ свое политическое поприще и, живя большей частью въ тускуланской виллѣ, занимался реторическими и философскими своими сочиненіями. Только послѣ того, какъ Цезарь былъ убитъ, онъ возвратился къ политической дѣятельности, видя, что со смертью тиранна тираннія не прекратилась, а только перешла въ руки Антонія. Интриги послѣдняго и его приверженцевъ заставили Цицерона удалиться изъ Рима; но когда онъ узналъ о попыткахъ Антонія, то не выдержалъ и возвратился опять въ Римъ. Тамъ онъ произнесъ въ сенатѣ противъ него первую свою «филиппику» *, въ которой началъ обличать преступные замыслы Антонія. Затѣмъ онъ удалился въ деревню и оттуда послалъ въ Римъ свою вторую рѣчь противъ Антонія, которая произвела такой эффектъ, что всѣ отхлынули отъ Антонія и присоединились къ партіи пріемнаго сына Цезаря—Октавіана. Послѣ того Цицеронъ продолжалъ неустанно дѣйствовать противъ Антонія и побуждалъ сенатъ объявить ему войну, какъ врагу отечества. Наконецъ 9 его рѣчь окончательно отклонила сенатъ отъ мирныхъ переговоровъ съ Антоніемъ и война началась; въ то-же время Цицеронъ продолжалъ громить Антонія своими остальными «филиппиками» (9—14). Но сенатъ оскорбилъ Октавіана и онъ сблизился съ Антоніемъ и Лепидомъ, заключивъ съ ними второй тріумвиратъ. Супруга Антонія, Фульвія, которой за дурное поведеніе порядкомъ досталось отъ Цицерона, побудила мужа поставить однимъ изъ условій мирнаго договора съ Октавіаномъ—смерть Цицерона. Друзья Цицерона убѣдили его бѣжать въ Грецію; но корабль, на которомъ они отправились, снова былъ пригнанъ противнымъ вѣтромъ къ берегамъ Италіи. На слѣдующее

*) Рѣчи противъ Антонія были названы такъ, потому что сходны съ рѣчами Демосѳена противъ Филиппа.

утро они опять собрались отправиться и уже прибыли на берегъ моря; Цицерона, страдавшаго ногами, несли рабы въ носилкахъ. Тамъ ихъ настигли убійцы, посланные Антоніемъ. Цицеронъ велѣлъ поставить носилки на землю и высунулъ голову, чтобы взглянуть далеко-ли солдаты. Тогда одинъ центуріонъ, которому онъ однажды спасъ жизнь своимъ краснорѣчіемъ, подбѣжалъ и отрубилъ ему голову. Голова была послана Фульвіи: она вырвала изъ нея мертвый языкъ и проткнула его булавкой за тѣ злобныя рѣчи, которыми онъ преслѣдовалъ ее при жизни; голову же и руки по приказанію Антонія прибили къ ораторской каѳедрѣ 7 декабря 43 года до Р. Хр.

Сочиненія его.

§ 8. Сочиненія Цицерона, хотя и касаются самыхъ разнообразныхъ предметовъ, но всѣ представляютъ трудъ законченный и образцовый. Онѣ распадаются на 4 рода: 1) Рѣчи, 2) Реторическія сочиненія, 3) Философскія и 4) Письма.

Говоря о рѣчахъ Цицерона, необходимо сказать нѣсколько словъ о тѣхъ родахъ, на которые подраздѣлялось краснорѣчіе у Римлянъ. *A] Рѣчи.*

А) ПО СОДЕРЖАНІЮ:

1) *Genus dicendi demonstrativum* (γένος ἐπιδεικτικόν). Этотъ родъ рѣчи употреблялся, когда ораторъ что нибудь хвалилъ или порицалъ, напр.: *orationes in Catilinam.*

2) *Genus dicendi deliberativum* (συμβουλευτικόν). Имъ говорились тѣ рѣчи, гдѣ ораторъ совѣтуетъ что либо напр. *de imperio Cn. Pompeii.*

3) *Genus dicendi judiciale* (δικανικόν). Рѣчи этого рода говорились при судебныхъ разбирательствахъ, когда ораторъ

обвинялъ или защищалъ кого нибудь предъ судомъ, напр.: *α)* Pro Roscio Amerino, β) In Verrem.

B) ПО СЛОГУ*)

1) *Genus dicendi tenue*—этотъ простой слогъ употребляется Цицерономъ въ реторическихъ и философскихъ его сочиненіяхъ.
2) *Genus dicendi mediocre*—Этимъ слогомъ написана большая часть рѣчей Цицерона.
3) *Genus dicendi sublime*.—Высшимъ слогомъ написаны только нѣкоторыя части рѣчей Цицерона.

ЧАСТИ РѢЧИ:

1) *Введеніе* (exordium), съ которымъ соединяется «раздѣленіе» или «предложеніе» (propositio).
2) *Изложеніе* (argumentatio), которое раздѣлялось на слѣдующія двѣ части: *α)* доказательства (confirmatio или probatio, β) возраженіе (refutatio).
3) *Заключеніе* (conclusio или peroratio).

Цицеронъ оставилъ 100 рѣчей, изъ которыхъ до нашего времени сохранилось только 56. Замѣчательнѣйшія изъ этихъ рѣчей были:

1) Рѣчь Pro Publio Quinctio.

Это была его первая рѣчь, какъ мы уже сказали выше. Въ ней онъ защищаетъ интересы П. Квинція противъ С. Невія, который незаконно присвоилъ его имущество.

2) Pro Sexto Roscio Amerino.

О ней мы тоже уже упомянули. Когда многіе гибли отъ проскрипцій Суллы, одинъ богатый помѣщикъ, Секстъ Росцій, былъ убитъ, а имѣніе его купилъ Хризогонъ, подѣлившійся съ убійцами своимъ пріобрѣтеніемъ. Новые владѣльцы обвинили сына убитаго ими прежняго владѣльца въ убійствѣ отца. — Цицеронъ взялся защищать это

*) Это дѣленіе на слоги: низкій, средній, высокій, встрѣчаемъ мы даже у писателей XVIII вѣка, между прочимъ и у Ломоносова.

дѣло и повелъ его такъ, что кліентъ его былъ оправданъ, а истинные убійцы изобличены.

Обвинительныя рѣчи противъ Верреса, который управлялъ Сициліей; самымъ безчеловѣчнымъ образомъ притѣсняя жителей, онъ довелъ ихъ до того, что они обратились въ Римъ прося защиты.—Цицеронъ взялся за дѣло ихъ и такъ явно раскрылъ всѣ преступленія Верреса, что, не смотря на всѣхъ своихъ сторонниковъ въ сенатѣ, онъ былъ осужденъ. 3) Actio prima et secunda in Verrem.

Въ этой своей первой политической рѣчи онъ говорилъ о назначеніи Помпея полководцемъ въ войнѣ противъ Митридата. Въ ней онъ такъ ясно обрисовалъ всѣ достоинства и высокія качества Помпея и указалъ на то, что онъ обладаетъ всѣми знаніями хорошаго полководца, что предложеніе Манилія было принято. 4) Pro lege Manilia или de imperio Cn. Pompeii.

Луцій Сергій Катилина *) родился въ 108 г. до Р. Хр., занималъ должности квестора, легата и претора и 3 раза являлся кандидатомъ на консула; но безуспѣшно. Тогда онъ рѣшился на заговоръ, чтобы избивши консуловъ самому захватить правленіе. Уже вся шайка мошенниковъ, подъ начальствомъ Гая Манлія, находилась въ Везулахъ и ждала сигнала изъ города. Въ то-же время Катилина подсылалъ убійцъ противъ Цицерона; но извѣщенный объ этомъ, Цицеронъ не принялъ ихъ, когда они явились къ нему утромъ, и въ тотъ же день созвалъ сенатъ, для обсужденія мѣръ противъ заговора. — Катилина, какъ ни въ чемъ не бывало, явился въ засѣданіе, тогда Цицеронъ загремѣлъ противъ него въ своей первой рѣчи. 5) Orationes in Catilinam quatuor.

Въ ней онъ, доказавши свое обвиненіе и уличивши Катилину во всѣхъ его преступныхъ замыслахъ, предложилъ ему убраться изъ города и не осквернять его своимъ при- 1) *Рѣчь.* (въ сенатѣ)

---

*) О характерѣ его см. біографію Саллустія.

сутствіемъ.—Катилина удалился въ ту-же ночь къ своей шайкѣ съ 300-ми приверженцами.

2) *Рѣчь.* (въ народномъ собраніи.)

Съ цѣлью объяснить народу это явленіе, Цицеронъ произнесъ вторую рѣчь противъ Катилины.—Между тѣмъ заговорщики, оставшіеся въ городѣ, рѣшились зажечь его въ 12 мѣстахъ, убить Цицерона и многихъ изъ сенатоторовъ, а затѣмъ присоединиться къ Катилинѣ. Лентулъ Сура и одинъ изъ сенаторовъ, Цетегъ, стояли во главѣ этого заговора; но планъ ихъ не удался: они вступили въ переговоры съ послами Аллоброговъ, желая привлечь ихъ на свою сторону. Послы сообщили объ этомъ Цицерону и представили улики.

3) *Рѣчь.* (въ народномъ собраніи).

Поэтому поводу Цицеронъ произнесъ третью рѣчь, въ которой расъяснилъ всѣ планы заговора.

4) *Рѣчь.* (въ сенатѣ).

Наконецъ, когда эти заговорщики были арестованы и разнесся слухъ, что чернь желаетъ освободить ихъ, онъ произнесъ свою четвертую рѣчь, которою побудилъ сенатъ приговорить ихъ безъ дальнѣйшихъ проволочекъ къ смерти; и Цетегъ вмѣстѣ съ Лентуломъ были казнены безъ судебнаго разслѣдованія. Кромѣ этихъ рѣчей замѣчательны также его «филиппики», содержаніе которыхъ намъ уже извѣстно.

B. Реторическія сочиненія.

1) De oratore (3 книги).
2) Brutus или de claris oratoribus.
3) Orator или de optimo genere dicendi.
4) Partitiones oratoriae.
5) De optimo genere oratorum.

Какъ учитель краснорѣчія Цицеронъ оказалъ почти тѣже услуги, какъ и ораторъ. Въ своихъ реторическихъ сочиненіяхъ, онъ изложилъ всю науку краснорѣчія грековъ и кромѣ того сопоставилъ ее весьма удачно съ правилами римскаго краснорѣчія, обогативъ новымъ элементомъ—историческимъ.

C. Философскія сочиненія.

Цицеронъ не былъ собственно философомъ, онъ просто выбиралъ что было лучшаго въ различныхъ школахъ и писалъ о томъ. Такимъ образомъ его философскія сочиненія представляли, да и въ настоящее время представляютъ, много интереса для тѣхъ, кто интересуется этой наукой и ея изслѣдованіями. Способъ изложенія, которому онъ слѣдовалъ въ своихъ сочиненіяхъ, составляетъ безъ сомнѣнія его главную заслугу, потому что, благодаря ему, онъ сдѣлалъ то, что чистый разумъ и высшая духовная жизнь сдѣлались досягаемы для его согражданъ, которые до той поры не имѣли никакихъ другихъ стремленій кромѣ воинственныхъ, или-же внѣшнихъ мелочныхъ интересовъ.

1) De republica (ad Atticum) 6 книгъ.
2) De legibus—3 книги.
3) De finibus bonorum et malorum 5 кн
4) Tusculanarum disputationum—5 кн
5) De natura deorum. 3 кн.
6) De divinatione 2 кн.
7) De fato—1 кн.
8) Cato major.
9) Laelius, de amicitia.
10) Paradoxa.
11) De officiis.

D. Письма.

16 писемъ его къ друзьямъ и вообще къ различнымъ лицамъ большею частью дипломатическаго содержанія. Изъ этихъ писемъ мы знакомимся съ благородствомъ его души, съ его образованіемъ и наконецъ можемъ видѣть, какъ уважали его современники. Но самымъ драгоцѣннымъ сочиненіемъ являются его письма въ Аттику. Эти офиціальные акты имѣютъ, по словамъ Шлоссера, не только весьма важное историческое значеніе, или-же, какъ образцы по слогу, но въ нихъ живыми чертами обрисовывается вся жизнь того времени и по нимъ мы можемъ судить о степени образованія интеллегентнаго общества того времени.

1) Ad familiares. (16 кн.).
2) Ad Atticum.
3) Ad Quintum fratrem.
4) Ad Brutum.

ПРИЛОЖЕНІЯ

Приложеніе 1-е.

О греческомъ языкѣ и его діалектахъ.

Греческій языкъ принадлежитъ къ семейству индо-европейскихъ языковъ и находится въ сродствѣ съ языками: *Индѣйскимъ*, *Иранскимъ*, *Италійскимъ*, *Кельтскимъ*, *Славяно-Литовскимъ* и *Германскимъ*.

Онъ дѣлится на три нарѣчія: *Эолическое*, *Дорическое* и *Іоническое.*

1) *Эолическое нарѣчіе* (ἡ Αἰολίς или ἡ Αἰολική) употреблялось эолянами (потомками Эола, сына Эллина), которые населяли Сѣв.-Западной берегъ Малой Азіи, островъ Лесбосъ, Бэотію и Ѳессалію.—Характеристической его особенностью является дигамма (u, F) (digamma acolicum). На этомъ нарѣчіи писали Лесбоскіе поэты *Алкей* (610 г. до Р. Хр.), и Сапфо 611 г. до Р. Х.) а отчасти и *Ѳеокритъ.* (288 г. до Р. Хр.).

2) *Дорическое нарѣчіе* (ἡ Δωρίς, ἡ Δωρική) отличается отъ прочихъ нарѣчій своею твердостью и тяжелостью, что происходитъ главнымъ образомъ отъ того, что въ немъ звукъ α преобладаетъ надъ другими гласными.—На этомъ нарѣчіи говорило Дорическое племя (потомки другаго сына Эллина-Дора), которое вслѣдствіе переселенія и завоеваній распространило его почти на всемъ Пелопоннезѣ, на ю.-западѣ Малой Азіи, на нѣкоторыхъ островахъ Эгейскаго моря, въ Нижней-Италіи

и въ Сициліи.—На этомъ нарѣчіи писали многіе лирическіе поэты: Алкманъ (670 г. до Р. Хр.), Стезихоръ (ок. 600), Симонидъ (ок. 500), а особенно Пиндаръ (517—445), и Өеокритъ. Также хоры трагиковъ содержатъ въ себѣ нѣкоторыя дорическія формы.

3) *Іоническое нарѣчіе* (ἡ Ἰάς или ἡ Ἰωνική) отличается особенною легкостью и мягкостью, благодаря преобладающему количеству гласныхъ буквъ, особенно мягкой-η. На немъ говорило племя, населявшее Іонійскія колоніи въ Малой Азіи и Аттику (потомки Эллиноваго внука Іона, сына Ксута).—Это нарѣчіе подраздѣляется въ свою очередь на 3 діалекта: Древне-іонический, Ново-іонический и Аттическій:

α) *Древне-іоническій* или *эпическій* (ἡ ἀρχαία Ἰάς), сохранившійся въ твореніяхъ Гомера (900 л. до Р. Хр.), Гезіода (850 л. до Р. Хр.); а изъ лириковъ-у Архилоха (660 г. до Р. Хр.)

β) *Ново-іоническій* (ἡ νέα Ἰάς) встрѣчается въ исторіи Геродота (484—424) и его предшественниковъ логографовъ.

γ) *Аттическій* (ἡ Ἀτθίς или ἡ Ἀττική), достигшій высшей степени совершенства въ развитіи синтаксической и стилистической стороны, сдѣлался языкомъ всѣхъ образованныхъ Грековъ и долго сохранялся въ чистотѣ, даже послѣ паденія могущества Аөинъ.—Важнѣйшіе изъ писателей на этомъ діалектѣ: трагики Эсхилъ, Софоклъ и Эврипидъ, комикъ Аристофанъ, историки Өукидидъ и Ксенофонтъ, философъ Платонъ и ораторы: Лисій, Исократъ, Эсхинъ и особенно Демосөенъ.

4) Во время «Александрійской эпохи» греческой образованности аттическій діалектъ сталъ терять свое первоначальное совершенство и уступилъ мѣсто «общему діалекту» ἡ κοινή διάλεκτος), на которомъ между прочимъ писали: философъ Аристотель, историки Полибій, Плутархъ (въ 1-мъ ст. до Р. Хр.), Арріанъ (во 2-мъ ст. по Р. Хр.) и Діонъ Кассій (во 2-мъ ст. до Р. Хр.); географъ Страбонъ (незадолго до Р. Хр.)

и риторы: Діонисій Галикарнасскій (незад. до Р. Хр.) и Лукіанъ (во 2 ст. по Р. Хр.).

2. Приложеніе о греческой драмѣ вообще *).

Драма (δρᾶμα=дѣйствіе) впервые проявилась у Грековъ; тамъ-же она развилась и достигла совершенства. Начало свое этотъ родъ поэзіи получилъ отъ тѣхъ гимновъ и танцевъ, которыми Греки прославляли своихъ боговъ въ опредѣленные дни, или такъ называемые праздники.

§ 1. Изъ этихъ праздниковъ наибольшее значеніе имѣли два праздника въ честь бога вина и веселья, Вакха. Одинъ изъ нихъ совершался въ концѣ года, предъ вступленіемъ солнца въ знакъ овна, и отличался весьма торжественнымъ и мрачнымъ характеромъ: пѣснопѣнія этого праздника назывались *диѳирамбомъ* и сопровождались торжественными тѣлодвиженіями поющихъ и поэтическими разсказами о подвигахъ и благодѣяніяхъ Вакха, который былъ любимцемъ Грековъ. Прежде чѣмъ сдѣлаться богомъ, онъ страдалъ, какъ простой смертный и по человѣчески сопротивлялся силѣ враждебныхъ боговъ: кроткій, ласковый и веселый Вакхъ, (онъ-же Діонисій), былъ душою всякаго веселья и восторженнаго состоянія. Повѣствованія о подвигахъ и страданіяхъ Вакха, разсказываемыя посреди двухъ хоровъ, были приведены въ болѣе строгій порядокъ Ѳесписомъ, современникомъ Солона. Онъ былъ родомъ изъ Аттики и первый поставилъ на сцену актера рядомъ съ хоромъ, и такимъ образомъ ввелъ въ представленія разговорную рѣчь. Усовершенствованныя гимны въ честь Вакха были имъ-же перенесены отъ жертвенника собственно Вакха на подмостки сцены—шалаша, палатки. Потомъ онъ сталъ *Диѳирамбъ.*

*) См. Шлосс. томъ I стр. 312 (Поэзія).

обработывать для этихъ представленій новые сюжеты, кромѣ обыкновеннаго сказанія о Вакхѣ, и такимъ образомъ положилъ начало серьезной драмѣ или *трагедіи*. Поэтому его называютъ отцомъ драмы.

Трагедія *. (τραγῳδία). § 2. О происхожденіи слова трагедія, которымъ была названа часть драмы, выработавшаяся изъ диѳирамба, какъ мы это только-что сказали, существуютъ самыя разнообразныя толкованія, въ которыхъ достовѣрно только то, что козелъ (τράγος) игралъ какую-то роль на осеннихъ праздникахъ въ честь Вакха. Полагаютъ, что эта часть драмы названа «пѣснью козла» (τράγου ᾠδή), потому-что на этомъ праздникѣ приносили въ жертву Вакху опустошителя виноградниковъ—козла, вокругъ котораго хоръ плясалъ и пѣлъ свои гимны; другіе-же говорятъ, что козла получалъ въ награду тотъ изъ поэтовъ, состязавшихся на этомъ праздникѣ, который одерживалъ верхъ, и наконецъ, по мнѣнію третьихъ, трагедія получила свое названіе отъ того, что во время пѣнія диѳирамба, участвовавшіе въ хорѣ, плясавшемъ вокругъ жертвенника Вакха, одѣты были сатирами съ козлиными ногами **).

Хоръ. § 3. Въ первое время существованія трагедіи хоръ игралъ первую роль; но потомъ значеніе его все болѣе и болѣе уменьшалось, съ увеличеніемъ числа собственно актеровъ, пока наконецъ онъ не сталъ представителемъ общества и выраженіемъ нравственной жизни народа. Хоръ представлялъ собою людей опытныхъ, разумныхъ, безпристрастныхъ судей

---

*) Въ древней трагедіи, какъ въ жизни грековъ, главною дѣйствующею силою была мрачная, неумолимая судьба. Посредниками между нею и человѣкомъ являлись боги, не заслуженное страданіе, посылаемое на человѣка капризнымъ часто рокомъ, и возбужденіе въ зрителѣ чувства состраданія къ несчастному составляли главную задачу трагедіи а борьба страстей съ требованіями нравственнаго долга, предписываемаго и богами, и обществомъ и совѣстью были сущностью ея (Марковъ).

**) См Hruppe—Ariadne oder die tr. Kunst (1834).

которые только сопровождаютъ дѣйствіе актеровъ, то утѣшая ихъ и подавая имъ совѣты, то возбуждая, или предупреждая ихъ; но самъ онъ не принималъ живаго участія въ дѣйствіи на сценѣ, а помѣщался на полукругѣ между сценой и зрителями, возлѣ жертвенника Вакха. Впрочемъ иногда онъ покидалъ свое мѣсто, смотря по ходу пьесы и пѣнія. Часто раздѣлялся онъ на двое и исполнялъ пляску (ἐμμέλειαν); пѣніе его также носило особыя названія. Первое появленіе хора называлось «Πάροδος=прибытіе, выходъ на сцену. Во время его онъ исполнялъ вступительную пѣснь и помѣщался на своемъ мѣстѣ. Пѣніе въ промежуткахъ между дѣйствіемъ, соотвѣтствовавшихъ нашимъ антрактамъ, называлось «στάσιμον». Въ случаѣ если во время дѣйствія актеры вели съ хоромъ родъ жалобнаго разговора, то это пѣніе хора называлось «κόμμοι»; если же хористы вели разговоръ между собою, то это называлось «κομματικά».

§ 4. Когда трагедія выработалась изъ диѳирамба, *Актеры.* благодаря Ѳеспису, въ ней дѣйствовалъ одинъ только актёръ (ὑποκρίτης). Сначала это былъ самъ Ѳеспись, а потомъ по его примѣру и другіе писатели, сочинявшіе трагедіи.—Полотняныя маски служили для того, чтобы этотъ актеръ могъ исполнять различныя роли; но такъ это было весьма затруднительно, то Эсхилъ прибавилъ втораго актера, а Софоклъ еще одного. Рѣдко случалось, чтобы четыре актера дѣйствовали вмѣстѣ, поэтому четвертаго актера мы почти не встрѣчаемъ въ греческихъ трагедіяхъ. Всѣ роли, какъ мужскія, такъ и женскія, исполнялись мужчинами. По важности ролей актёры назывались: «πρωταγωνιστής» (actor primarum partium) «δευτεραγωνιστής» (actor secundarum partium), «τριταγωνιστής» (actor tertiarum partium). Первокласный актёръ (протагонистъ) исполнялъ роли самыя трудныя и рѣдко сходилъ со сцены, а потому не могъ исполнять многихъ ролей; за то остальные актёры, исполняя роли, менѣе замысловатыя, могли представ-

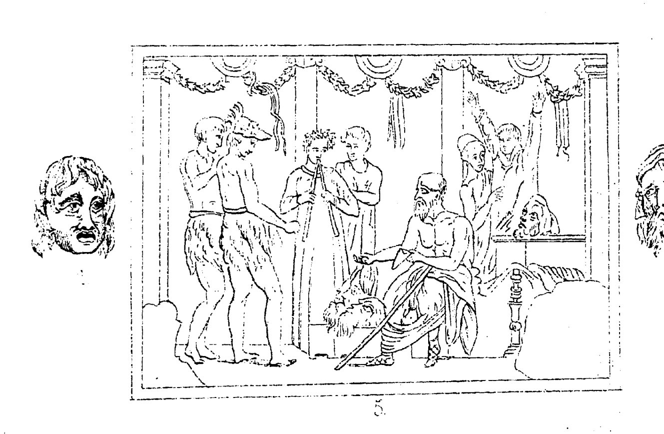
лять многихъ лицъ. Впрочемъ въ Антигонѣ и протагонистъ исполняетъ кромѣ роли роли Антигоны еще роль служителя и Тэйрезія. Кромѣ актеровъ появлялись еще на сценѣ безгласныя лица (κωφὰ πρόσωπα).

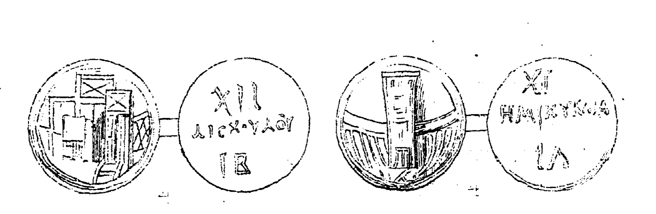
Костюмъ и прочія атрибуты игры.

§ 5. Костюмъ мужчинъ состоялъ изъ хитона (χιτών) съ длинными рукавами, поверхъ котораго надѣвалась зеленая мантія; сверхъ того и другаго накидывался не длинный плащъ шитый золотомъ, большею частью красный; поясъ, которымъ стягивалась мантія, былъ очень широкъ и назывался «μασχαλιστήρ». Описанный только что костюмъ надѣвали простые смертные, предсказатели-же, герои и цари надѣвали еще нѣкоторые добавительныя принадлежности, сообразно съ званіемъ и отличительными качествами каждаго, такъ царская одежда отличалась отъ обыкновенной тѣмъ, что вмѣсто зеленой мантіи царь надѣвалъ длинный плащъ; тѣ-же цари, которые отличались воинственностью, какъ напр: Агамемнонъ, надѣвали на себя еще латы и широкія перчатки (χειρίδες) Предсказатели сверхъ хитона надѣвали шерстяное платье, похожее на сѣтку, несчастные носили сѣроватую одежду, страдальцы темносѣрую и т. п. Царица являлась обыкновенно въ пурпуровомъ платьѣ, съ длиннымъ шлейфомъ, и покрывалась бѣлымъ платкомъ, а въ траурѣ надѣвала желтую или синюю накидку и черное платье. Маска, кромѣ того, что были въ увеличенномъ видѣ, была снабжена еще особымъ резонаторомъ для усилія звуковъ и имѣла двѣ фигуры печальную и веселую, такъ что если нужно было измѣнить выраженіе лица, то актеръ поворачивалъ ее другой стороной.—Чтобы казаться величественнѣе актеры обыкновенно двигались на котурнахъ (κόθορνος) а грудь и руки обкладывали чѣмъ нибудь.

Такими средствами достигали того, что не смотря на весьма большую обширность театра, всѣ зрители могли слѣдить за ходомъ дѣйствія.

1.
1
1.
2.
3.

1
5.
2

XII
ΑΙΣΧΥΛΟΥ
ΙΒ
XI
ΗΜΙΚΥΚΛΙΑ
ΙΛ
4

§ 6. Другой праздникъ въ честь Вакха совершался тогда, когда солнце уже вступало въ знакъ овна и начиналась весна— новый годъ въ жизни природы. На этомъ праздникѣ пѣлись уже пѣсни веселаго характера, называвшіеся феллическими; онѣ сопровождались маскарадомъ и танцами. Въ нихъ кромѣ религіознаго содержанія, были уже намеки на различныя отношенія современной жизни, изображенія характеровъ и картинъ, соотвѣтствовавшихъ маскамъ и смѣшному наряду пѣвшихъ хоровъ. Таково было первоначальное состояніе комедіи, впервые получившей свое начало въ Мегарѣ. Тамъ Сузаріонъ вакхическіе фарсы и маскарады обработалъ въ представленія и, подобно Ѳеспису, творцу трагедіи, онъ можетъ быть названъ творцемъ комедіи. *Феллическія гимны.*

Но процвѣтанія своего комедія, подобно трагедіи, достигла въ Аѳинахъ. Тамъ она выработалась въ своемъ истинномъ значеніи, какъ вѣрное изображеніе дѣйствительной жизни народа. По степенямъ своего развитія она дѣлится на древнюю среднюю и новую. Въ первый періодъ комедіи на сценѣ представлялась современная жизнь въ самыхъ важныхъ ея проявленіяхъ. Ничто не избѣгало сатиры, ни государственное правленіе, ни философія вмѣстѣ съ поэзіей, если только, хотя въ чемъ нибудь, у нихъ замѣчалось противорѣчіе идеалу благороднаго. *Въ средній* ея періодъ писатели большею частью нападали на порочность отдѣльныхъ личностей; но при этомъ не называли ихъ прямо, какъ это дѣлали ихъ предшественники, а прибѣгали къ вымышленнымъ именамъ. Комедія этого періода, нападая главнымъ образомъ на пошлыя стороны своего времени, въ тоже время касалась и общественныхъ дѣлъ, *новая* же комедія уже имѣетъ уже совершенно характера общественнаго дѣла, а просто выводитъ на сцену вымышленныя факты изъ обыденной-мелочной жизни. Сюжеты ея большею частью *Комедія.*

безнравственны, и эта дурная сторона ничуть не скрашивается тѣми правоучительными сентенціями, которыя въ ней попадаются на каждомъ шагу. Запутанность интриги играла тутъ главную рѣчь.

Такимъ образомъ мы видимъ, что древній періодъ развитія комедіи былъ въ то-же и временемъ ея высшаго процвѣтанія. Представителемъ этого періода можетъ служить Аристофанъ, превосходившій всѣхъ остальныхъ. Самымъ замѣчательнымъ его произведеніемъ была комедія *«Облака»*. Чтобы составить себѣ болѣе ясное понятіе о комедіи древнихъ мы приводимъ ея содержаніе.

„Облака“ *. § 7. Прежде всего поэтъ вводитъ насъ въ спальню старика Стрепсіада, грубаго, неразвитаго земледѣльца. Онъ сидитъ понуривъ голову, и горюетъ о томъ безвыходномъ положеніи, въ которое попалъ по милости сына, надѣлавшаго пропасть долговъ. Между тѣмъ Фейдиппидъ, сынъ его, спитъ себѣ преспокойно и ему снятся конскія скачки. Желая еще разъ убѣдиться въ своемъ злополучіи Стрепсіадъ зажигаетъ свѣчу и начинаетъ просматривать долговую книгу. Убѣдившись еще болѣе въ своемъ затруднительномъ положеніи, онъ захлопываетъ книгу и разражается проклятіями противъ свахи, которая уговорила его жениться на горожанкѣ, потому что женись онъ на поселянкѣ, сынъ его пасъ бы теперь преспокойно козъ, а не проматывалъ бы его достояніе въ разгульной городской жизни. Но видя, что этимъ горю не пособить, онъ начинаетъ придумывать, что бы ему сдѣлать; и вотъ, перебирая въ своей головѣ всевозможные проэкты, онъ вспоминаетъ о софистахъ. Не успѣла еще эта мысль опредѣлиться, какъ онъ уже разбудилъ сына и началъ умолять его, чтобы онъ хотя разъ въ жизни послушалъ его совѣта и пошелъ бы поучиться въ до-

---

*) „Облака“—Перев. Карновича (Репертуаръ и Пантеонъ) и перев. Муравьева Апостола (1821).

микъ софистовъ. Но сынъ, не смотря на всѣ просьбы отца, на отрѣзъ отказывается идти. «Какъ, говоритъ онъ, ты хочешь, чтобы я пошелъ къ этимъ худощавымъ и босымъ мудрецамъ, у которыхъ начальникомъ Сократъ? Да, какже, чтобы мнѣ стыдно было потомъ показаться передъ всадниками со своей вытянутой рожей. Нѣтъ, не пойду». Сказавши это, онъ уходитъ и Стрепсіадъ рѣшается самъ отправиться въ лавочку премудрости. Сцена мѣняется. Стрепсіадъ стучится въ дверь Сократа. Является одинъ изъ учениковъ философа и бранитъ его, зачѣмъ онъ мѣшаетъ занятіямъ ихъ учителя, который въ это самое время занимался приготовленіемъ восковаго башмачка для лапки блохи, чтобы имъ произвесть нѣкоторыя измѣренія. Но вотъ дверь отворяется и глазамъ изумленнаго Стрепсіада представилось странное зрѣлище: ученики, скорчившись смотрятъ въ землю, чтобы своими взорами проникнуть въ мрачный тартаръ, въ то-же время спины ихъ сами по себѣ наблюдаютъ теченіе свѣтилъ небесныхъ. Не успѣлъ онъ еще сообразить это странное обстоятельство, какъ увидѣлъ новое явленіе: самого Сократа, сидящаго въ корзинѣ и созерцающаго надземные предметы. На вопросъ изумленнаго старика, зачѣмъ онъ забрался въ эту плетушку, Сократъ объясняетъ, что это сдѣлано потому, что земля втягиваетъ въ себя философскія идеи и на ней немыслимо занятіе такимъ дѣломъ, какъ мудрое мышленіе. Тутъ Стрепсіадъ объясняетъ Сократу свое горе, проситъ научить его уму разуму и клянется богами, что хорошо ему заплатитъ. Тогда философъ начинаетъ ему доказывать, что боговъ нѣтъ, а существуетъ одно только божество—«Облака», которое по его зову появляется въ видѣ прозрачныхъ женскихъ фигуръ. Затѣмъ онъ начинаетъ перечислять всѣ достоинства этого новаго божества, и когда Стрепсіадъ началъ доказывать, что облака вовсе не имѣютъ женскаго образа, а похожи скорѣе на клочья шерсти, то философъ побѣдилъ его скептицизмъ, увѣривъ, что онѣ могутъ

являться въ какихъ угодно образахъ. Затѣмъ слѣдуетъ опровержение существованія Зевса Олимпійскаго, а вмѣсто него выводится Сократомъ новое божество Вихрь эѳирный—Диносъ. Наконецъ Стрепсіадъ соглашается не признавать никакихъ другихъ боговъ, кромѣ тѣхъ, которые указаны ему Сократомъ, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы его избавили отъ необходимости платить долги. Хоръ хвалитъ его рѣшимость и лекціи начинаются. Послѣ нѣсколькихъ первоначальныхъ пріемовъ, Сократъ говоритъ своему ученику прилечь и пофилософствовать самому, а чтобы не заснуть, то перескакивать тотчасъ-же къ другой мысли, если встрѣтится какое нибудь затрудненіе. Но несчастному Стрепсіаду нечего прибѣгать къ этому средству, на него сдѣлали страшное нападеніе клопы. На вопросъ Сократа, о чемъ онъ размышляетъ въ настоящую минуту, онъ отвѣчаетъ, что думаетъ о томъ, чтó отъ него клопы оставятъ.—Но послѣ первой лекціи Сократъ признаетъ его совершенно неспособнымъ и несчастный Стрепсіадъ въ отчаяніи. Хоръ совѣтуетъ ему прислать своего сына поучиться. Обрадовавшись этому предложенію, онъ отправляется домой и послѣ долгихъ споровъ успѣваетъ наконецъ уговорить сына отправиться къ Сократу и поучиться правдѣ и неправдѣ. Сократъ принялъ его весьма ласково и предоставилъ ему поучиться у двухъ ораторовъ: «Правда» и «Ложь». Затѣмъ слѣдуетъ преніе между «Правдой» и «Ложью», и каждая изъ нихъ старается доказать свое превосходство *). Наконецъ «Ложь» одерживаетъ верхъ и Фейдиппидъ начинаетъ свое ученіе. Черезъ нѣсколько времени Стрепсіадъ приходитъ освѣдомиться о томъ, каково идутъ занятія сына. Сократъ не нахвалится его успѣхами; восхищенный отецъ проситъ сына помочь ему совѣтомъ, какъ отдѣлаться отъ платежа процен-

*] Въ этомъ спорѣ Аристофанъ сопоставилъ добрые старые нравы и современную развращенность.

товъ. Наученный имъ, онъ учиняетъ самую энергическую расправу со своими заимодавцами: одного прогоняетъ, основываясь на томъ, что онъ не знаетъ грамматики, другаго совсѣмъ ставитъ въ тупикъ своимъ вопросомъ о томъ, прибываетъ ли вода въ морѣ? Когда тотъ отвѣчалъ, что нѣтъ, то Стрепсіадъ прогналъ его, основываясь на томъ, что если вода въ морѣ не прибываетъ, то какже можно, чтобы какіе-нибудь ничтожные проценты наростали!

Но вотъ новому софисту и самому пришлось испытать все неудобство философскаго образованія сына; онъ попросилъ его за обѣдомъ продекламировать что нибудь изъ Эсхила; но сынъ его началъ пѣть непристойную пѣснь изъ Эврипида: за протестомъ отца противъ этого безобразія послѣдовала ссора, и наконецъ сынъ бросился на него и началъ бить палкой, доказывая, что имѣетъ на то полное право, потому что пѣтухи бьютъ-же своихъ родителей, а разница между ними и людьми лишь та, что у нихъ нѣтъ писаныхъ законовъ. Въ утѣшеніе отцу, онъ предлагаетъ пойти приколотить свою мать и говоритъ, что можетъ доказать, что и на это имѣетъ право. Но разсвирѣпѣвшій Стрепсіадъ проклинаетъ Сократа и «Облака», зоветъ своихъ слугъ и приказываетъ зажечь «лавочку мудрости». Мудрецы съ криками ужаса выскакиваютъ изъ пламени, а Стрепсіадъ кричитъ: «руби, бей ихъ! Имъ нужно очиститься отъ грѣховъ, особенно за шутки надъ богами».

Архитектоническое устройство греческаго театра *.

Древніе театры грековъ были громадныя, каменныя зданія; въ сравненіи съ нашими ничтожными театриками, размѣры ихъ были колоссальны. Строились они въ такихъ размѣрахъ для того, чтобы при представленіи могло присутствовать нетолько все свободное и взрослое народонаселеніе греческой республики, какъ напримѣръ 16 тысячъ аѳинскихъ гражданъ

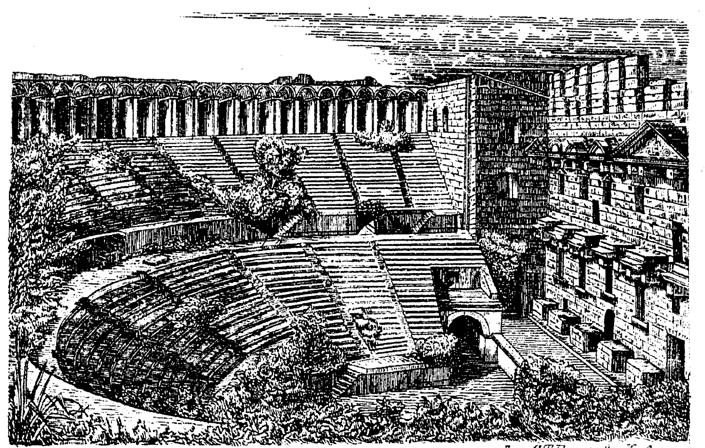
*) Извлеченіе изъ знаменитыхъ лекцій *А. В. Шлегеля* о драматическомъ искусствѣ и литературѣ.

съ ихъ женами, но и огромныя массы чужеземцевъ, стекавшихся на праздники. Эти театры предназначались однако неисключительно для драматической поэзіи, но въ нихъ происходили еще хоральные танцы, торжественныя процессіи, праздничныя забавы, народные сеймы и пр. Трагедіи и вообще драмы давались тамъ преимущественно во время праздниковъ Діонисія; новыя трагедіи давались въ Аѳинахъ во время ленэевъ и съ особеннымъ великолѣпіемъ во время большихъ діонисій; старыя трагедіи, съ меньшимъ сценическимъ блескомъ давались во время малыхъ діонисій. Аѳиняне построили за 500 лѣтъ до Р. Хр. каменный театръ, посвященный Вакху, на южной сторонѣ Акрополиса; постройка и убранство театра было государственной повинностью, которую богатые граждане несли поочередно. Театръ аѳинскій былъ совершенно открытъ сверху. Если вдругъ разыгривалась непогода, набѣгала туча и шелъ дождь—представленіе прерывалось, и зрители искали убѣжища въ колоннадахъ, которыми сзади окруженъ былъ весь театръ. Впрочемъ, они охотно подвергались случайному неудобству, лишь-бы только запираньемъ въ душный домъ не разрушить радость религіознаго народнаго праздника, къ числу которыхъ принадлежали и сценическія представленія. Еще неестественнѣе показалось-бы грекамъ накрывать самую сцену и какъ-будто сажать въ тюрьму своихъ боговъ и героевъ, заставляя ихъ дѣйствовать въ темныхъ, трудно-освѣщаемыхъ комнатахъ. Актъ, который такъ торжественно скрѣплялъ родство съ небомъ, долженъ былъ и севершаться подъ открытымъ небомъ, какъ бы предъ глазами самихъ боговъ, для которыхъ, какъ говоритъ Сенека, человѣкъ, мужественно борющійся съ страданіями, представляетъ самое достойное зрѣлище. Но что всего важнѣе, по республиканскимъ понятіямъ грековъ, публичность составляла неотъемлемую принадлежность всякаго серьезнаго и важнаго акта. Эта мысль объ участіи всего народа въ даваемомъ представленіи выражалась присутствіемъ

хора: хоръ—идеальная публика, которая выражала чувства настоящей публики, при различныхъ происшествіяхъ піесы. Мѣста зрителей находились на ступеняхъ, которыми обнесено было полукружіе орхестры (то что мы называемъ теперь партеромъ), такъ что почти всѣ зрители могли одинаково удобно смотрѣть на сцену. Неудобство, происходившее отъ слишкомъ далекаго разстоянія, устранялось искусственнымъ усиленіемъ всего, что должно было дѣйствовать на слухъ и на зрѣніе публики; для этого служили маски съ придѣланнымъ къ нимъ аппаратомъ, усилившимъ голосъ, и небольшія ходули (котурны), увеличивающія ростъ дѣйствующихъ лицъ. Нижняя ступень амфитеатра, предназначеннаго для зрителей, отдѣлялась отъ орхестры балюстрадомъ и значительно возвышалась надъ нею. На такой-же высотѣ лежала сцена. Въ углубленномъ полукружіи орхестры зрители не помѣщались, а оно имѣло другое назначеніе. Сцена располагалась параллельно съ поперечникомъ орхестры и занимала пространство отъ одного конца ея до другаго. Она образовала довольно узкую полосу, сравнительно съ отведенною. Это мѣсто называлось логеономъ, и середина его обыкновенно назначалась для говорящихъ лицъ. Позади этой середины сцена углублялась четырехъ-угольникомъ, который былъ опять таки гораздо длиннѣе въ ширину, чѣмъ въ глубину. Занимаемое имъ пространство называлось проскеніономъ; наружный край логеона, спускавшійся къ орхестрѣ, былъ украшенъ статуэтками въ нишахъ и небольшими пиластрами. Вся сцена расположена была на помостѣ изъ бревенъ и досокъ, настланныхъ поверхъ каменнаго фундамента. Декораціи располагались такъ, что самый близкій и главный предметъ занималъ задній планъ, виды вдаль устанавливались по обѣимъ сторонамъ, между тѣмъ какъ у насъ дѣлается совершенно наоборотъ. Для этого тоже были извѣстныя правила: налѣво изображался городъ, середина принадлежала дворцу, храму и т. п.; направо сель-

скіе виды, горы, взморье и т. п. Боковыя декораціи устроивались на стоящихъ прямо трехъ-угольникахъ, обращавшихся на утвержденной внизу оси; такимъ образомъ можно было дѣлать перемѣну декорацій. По всѣмъ вѣроятіямъ около задней декораціи разставлялись такіе предметы, которые у насъ обыкновенно рисуютъ. Если декорація представляла храмъ, то на проскеніонъ ставили алтарь, который служилъ для разнаго употребленія во время хода піесъ. Въ задней стѣнѣ сцены былъ большой главный ходъ и по бокамъ два меньшихъ; смотря по тому, въ какую дверь войдетъ актеръ, можно было видѣть, какую роль онъ исполняетъ, главную или второстепенную. Кромѣ этихъ трехъ входовъ, находившихся прямо передъ зрителями и по своему архитектоническому устройству имѣвшихъ значеніе настоящихъ дверей, было еще четыре входа, которыхъ впрочемъ дверьми назвать нельзя: два изъ нихъ находились на сценѣ, именно справа и слѣва внутренняго угла проскеніона, а другіе два располагались такимъ-же образомъ въ орхестрѣ, только немножко подальше, и назначались собственно для хоровъ, но нерѣдко пользовались ими и актеры, которые въ такомъ случаѣ входили на сцену по одной сторонѣ двойной лѣстницы, опускавшейся въ самую середину орхестры. Гдѣ нибудь, подъ сидѣньями зрителей, была продѣлана глубокая узенькая лѣстница, называемая хароновой (стигійской), по ней, незамѣтно отъ зрителей, входили въ орхестру тѣни умершихъ и потомъ ужъ по большой лѣстницѣ приходили на сцену. Иногда передній край логеона представлялъ берегъ моря; машины для полета боговъ и поднятія отъ земли людей, устроивались позади стѣнъ, по обѣ стороны сцены, и такимъ образомъ не были видимы для зрителей. На сценѣ бывали также провалы, аппараты для грома и молніи, пожара, для разрушенія домовъ и т. п. Когда нужно было представить подзорную башню, или что нибудь въ этомъ родѣ, то для возвышенія задней стѣны сцены можно было пристроить верхній

9.

10.

Лит. С.Т. Еремѣева Кіевъ

этажъ. Позади главнаго средняго входа могла быть придвинута экзостра (или ἐκκύκλημα), машина, которая составляла внутри себя полукружіе и была прикрыта сверху такъ, что представляла зрителямъ содержавшіеся въ ней предметы—предметами, находящимися въ какомъ нибудь домѣ. Эта машина употреблялась только для великихъ сценическихъ казусовъ. Занавѣсъ *) не спускался сверху, какъ у насъ, но поднимался снизу и при началѣ піесы исчезалъ сквозь продѣланную въ полу щель между логеономъ и проскеніономъ, и внизу навивался на валъ (оттого при концѣ піесы говорилось обыкновенно: «занавѣсъ поднимается»). Входы для хора были устроены по бокамъ оркестры, въ которой онъ обыкновенно и оставался; тамъже онъ двигался взадъ и впередъ во время хоральнаго пѣнія и исполнялъ свою торжественную пляску. Впереди, въ оркестрѣ, какъразъ противъ середины самой сцены, стояло похожее на алтарь возвышеніе со ступенями, одинаковой вышины со сценой. Амвонъ этотъ назывался тимеле и служилъ сборнымъ мѣстомъ для хора, когда онъ не пѣлъ, а только съ участіемъ смотрѣлъ на дѣйствіе. Предводитель хора, хороводъ (корифей), становился тогда на площадку тимеле, чтобъ видѣть все, что происходитъ на сценѣ и разговаривать съ находившимися тамъ дѣйствующими лицами, потому что въ пѣніи участвовалъ весь хоръ, но когда дѣло доходило до діалога, то одинъ хорагъ держалъ рѣчь за всѣхъ; оттого и въ репликахъ встрѣчается то вы, то ты. Тимеле находилась въ самомъ центрѣ зданія, всѣ размѣры его соотвѣтствовали ей; полукружіе сидѣній для зрителей было описано изъ этой точки. Поэтому весьма замѣчательно то обстоятельство, что хоръ, служившій, какъ мы уже сказали, идеальнымъ представителемъ публики, занималъ то самое мѣсто,

---

*) Таково было устройство занавѣса въ римскихъ театрахъ, а былъ-ли занавѣсъ и въ греческихъ, это достовѣрно неизвѣстно.

гдѣ сосредоточивались радіусы отъ всѣхъ мѣстъ для зрителей. Кромѣ того, тимеле напоминала жертвенникъ Вакха.

Приложеніе 3.

I. *Римская драма* *). (Краткая замѣтка). Римская драма, какъ и всѣ отрасли поэтической литературы, (исключая сатиру), была заимствована Римлянами у Грековъ, и даже первый драматическій римскій писатель, Ливій Андроникъ (235 г. до Р. X.), былъ Грекъ.

Ливій Андроникъ. (Livius Andronicus). Пьесы, которыя онъ поставлялъ на сцену, были ничто иное, какъ греческіе миѳы, облеченные въ драматическую форму. При этомъ нужно замѣтить, что онъ возможно близко придерживался своихъ греческихъ образцовъ, а потому произведенія его оригинальнаго ничего не представляютъ, какъ трагедіи, 14 заглавій которыхъ дошли до насъ, такъ особенно комедіи; но форма драмы, данная имъ оставалась существенною формою драмы римской до временъ Августа.

Нэвій. (Naevius). Послѣ Ливія Андроника на драматическое поприще выступилъ Нэвій, который оказалъ много услугъ римской литературѣ и въ другихъ ея отрасляхъ.—Онъ хотѣлъ привить у Римлянъ политическую комедію Аристофана и началъ выводить на сцену людей, стоящихъ во главѣ правленія. Попытка не удалась и все кончилось тѣмъ, что его сослали въ Утику, гдѣ онъ и умеръ (въ 205 до Р. Хр.).

Плавтъ **). (Titus Maccius Plautus.) Далѣе Энній, «auctor satirae», попытался было перевесть трагедію Эврипида, но попытка его окончилась неудачей; современникъ же его, Плавтъ, чрезвычайно успѣшно занимался обработкой комедіи не для высшаго только класса, но для народа. Онъ бралъ для своихъ комедій сюжеты общедоступные,

---

*) Ж. Мин. Н. Пр. 1846. VI кн. „о судьбахъ римской трагедіи“.

**) Пропилеи, кн. 3. Шестаковъ.

изъ обыденной жизни народной.—Главная заслуга Плавта заключается въ томъ, что, заимствуя у греческихъ писателей сюжетъ и форму, онъ оставался всегда вѣренъ римскому духу и умѣлъ обрисовать характеры такъ, что греческая жизнь со всей обстановкой являлась чисто римской.— Моммзенъ о комедіяхъ Плавта говоритъ, что своимъ не глубокимъ, но драматическимъ изображеніемъ характеровъ, забавной запутанностью и быстрымъ, естественнымъ разговоромъ, съ вѣчно бьющимъ ключемъ веселыхъ оборотовъ и превосходныхъ шутокъ, онѣ составляютъ одну изъ лучшихъ частей римской литературы. Плавтъ, говорятъ, написалъ 130 комедій.

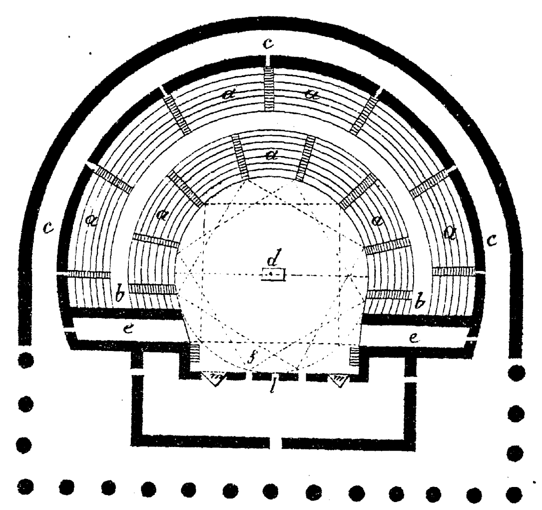
Комедіямъ его подражали въ нѣкоторыхъ своихъ произведеніяхъ Мольеръ и Лессингъ; такъ «L'Avare» Мольера есть подражаніе комедіи Плавта «Aulularia» (Горшокъ съ золотомъ).—Совершенную противоположность Плавту представляетъ Теренцій.

Онъ былъ родомъ изъ Африки, родился за восемь лѣтъ до смерти Плавта и умеръ 35 лѣтъ въ Греціи (157 до Р. Х.) *Теренцій.* (P. Terentius Afer.)

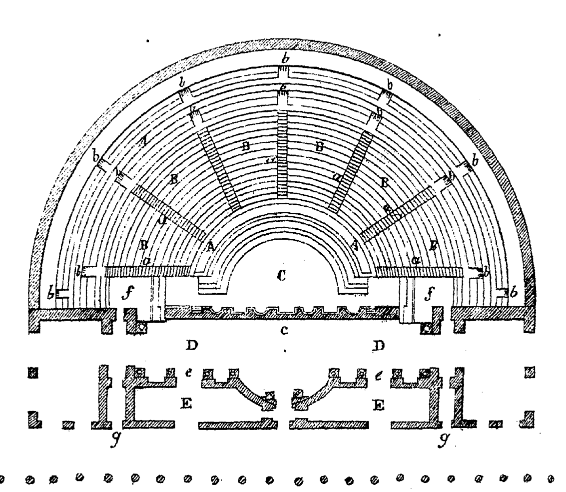
Комедіи его были писаны для высшаго общества, а потому отличались изящнымъ тономъ, который не нравился вовсе простому народу, и онъ предпочиталъ смотрѣть на кровавые бои гладіаторовъ или ристанія въ циркѣ.—Комедіи Теренція представляютъ первое произведенія, подчиненное правиламъ искусства. Сюжеты, заимствованные изъ греческихъ образцовъ, онъ по своему усмотрѣнію растягивалъ, усложнялъ и вообще разнообразилъ греческій матеріалъ; но, несмотря на всѣ прекрасныя свои стороны, комедіи его не производятъ такого живаго впечатлѣнія, какъ комедіи Плавта.—Что особенно хорошо у Теренція, это характеристики, которыя были оцѣнены по достоинству уже древними.—Изъ всѣхъ его комедій болѣе всего нравился публикѣ «Евнухъ», такъ что его давали иногда по два раза въ день.

Во время императоровъ драма римская пришла въ совершенный упадокъ и если и отличалась чѣмъ, такъ это массой кровавыхъ сценъ. Особенно этимъ характеромъ отличаются сцены въ трагедіяхъ Сенеки. «Въ этихъ ужасающихъ своею наглостью пьесахъ кровавая фантазія мясника соединяется съ уморительнымъ паѳосомъ рыночнаго шарлатана, реторическая гладкость стиха нисколько не маскируетъ ничтожества характеристики, недостатка драматизма и дѣйствія и изысканной напыщенности страсти» (Милюковъ).

II. Римскій театръ. Римскіе театры были во всѣхъ частяхъ своихъ похожи на греческіе и отличались отъ нихъ только нѣкоторыми особенностями. Они обыкновенно не прилегали своими сидѣніями къ естественнымъ склонамъ горъ, а строились на равнинѣ, въ видѣ огромныхъ, каменныхъ или мраморныхъ зданій, съ подымающимися вверхъ рядами сидѣній. Основу цѣлаго зданія составляли крѣпкія стѣны, направляющіяся въ видѣ радіусовъ къ центру оркестры; между ними н ходились входы, ведущіе со всѣхъ сторонъ въ отдѣльные ярусы, ко входамъ же вели лѣстницы изъ внѣшнихъ портиковъ театра. 1) «Cavea» часто увѣнчана была не одною лишь простою стѣною, а колоннадою, крыша которой была одной высоты со стѣною сцены. Кромѣ того надъ зрительскими мѣстами растягивали большіе навѣсы (velum), для чего надъ верхнимъ рядомъ сидѣній укрѣплены были въ стѣнѣ бревна, гдѣ особые служители (иногда матросы) привязывали и отвязывали ихъ. Число клинообразныхъ отдѣленій (cunei) бывало обыкновенно четное, тогда какъ число лѣстницъ, образующихъ эти отдѣленія, бывало нечетное (въ греческихъ театрахъ наоборотъ). Ярусы отдѣлены были одинъ отъ другаго высокими поясами, по причинѣ строгаго дѣленія публики на классы.

Планъ греческаго театра.

Разрѣзъ Геркуланскаго театра.

Лит. С. Т. Еремѣева.

(Планъ греческаго театра). На прилагаемомъ чертежѣ a, a, a, a... обозначаютъ амфитеатръ и сидѣнья зрителей; p, p, p... приходы и входы; c, c..... крытые портики и стѣны, которые, окружая театръ, способствовали распространенію звука, p ѳимеле, т. е. жертвенникъ Діониса среди оркестра; e, e,—проходы между боковыми отдѣленіями собственно театра и сидѣньями зрителей; f «просценій или «логеонъ», т. е. мѣсто, гдѣ играли дѣйствующія лица (второстепенные персонажи держались позади ихъ, въ глубинѣ сцены), l—царскій входъ въ задней стѣнѣ; m, m—машины, установленныя по обѣимъ сторонамъ сцены: ими производилась перемѣна декорацій. k—дорога въ городъ o—дорога въ поле.

2) Оркестръ былъ меньше, потому что никакихъ плясокъ въ немъ не происходило; по этой же самой причинѣ помѣщались въ немъ (какъ въ нашемъ партерѣ) кресла для сенаторовъ. Ѳимелы конечно не было.

3) Сцена была глубже, примыкая къ рядамъ сидѣній, которыя не превышали полукругъ о 180^0, и гораздо ниже чтобы все могли видѣть и тѣ, которые сидѣли въ оркестрѣ; сверху же она была покрыта крышею. Задняя часть ея была устроена почти такъ же, какъ и у Грековъ, съ тою лишь разницею, что Римляне богато украшали ее колоннами и статуями. Для объясненія плана, мы прибавляемъ еще слѣдующее: cavea раздѣлена двумя поясами A A на три отдѣленія или яруса (imma, media, summa); f f суть особыя помѣщенія, у греческихъ театровъ никогда не встрѣчающіяся, которыя справедливо принимаются за *ложи*, назначавшіяся для высокопоставленныхъ лицъ; къ каждой изъ нихъ ведетъ изъ портика особый корридоръ g, g. Такія ложи видны также въ аспендскомъ театрѣ возлѣ авансцены. Низкая стѣна c называется pulpitum (proscenii), D есть авансцена, proscenium, E мѣсто за сценою, postscenium.—Занавѣсъ былъ двоякаго рода: а) главный (aulacum), который при началѣ представленія опускался въ глубокую прорѣзь, «aulaca premuntur».—«Soluntur» означало конецъ представленія. в) Другой занавѣсъ (называвшійся «siporium») употреблялся, кажется, при перемѣнахъ и растягивался съ обѣихъ сторонъ на подобіе нашихъ занавѣсовъ. Наконецъ, какъ и въ Греціи, къ театрамъ пристраивались вблизи портики, гдѣ зрители могли найти убѣжище отъ дождя какъ напр: у театра Помпеева. Это былъ первый настоящій театръ, построенный въ Римѣ Помпеемъ въ 55-мъ году до Р. Хр.; до того времени, а именно съ 191 года до Р. Хр., дозволено было строить для сценическихъ игръ только временные деревянные театры, въ числѣ которыхъ были нѣкоторые весьма роскошные. Отъ Помпеева театра уцѣли только

немногіе остатки; но по чертежу его, находящемуся въ Капитолійскомъ планѣ *) мы можемъ составить себѣ довольно точное представленіе. Онъ былъ раздѣленъ поясомъ на два яруса и на верху снабженъ галлереей (а также небольшими храмами Венеры и Викторіи); сцена была украшена множествомъ колоннъ, за сценою же были портики съ большимъ числомъ статуй, служившіе мѣстомъ для забавы, а иногда также для защиты публики отъ дождя, какъ мы уже выше упомянули. Другой театръ, построенный въ 13-мъ году, до Р. Хр. Августомъ (и называемый по его племяннику *Марцелловымъ*), сохранился отчасти до сихъ поръ въ новѣйшихъ постройкахъ на площади Montaro, принадлежащихъ Орсинамъ; о наружности его можно сказать только то, что она представляла три яруса пышныхъ колоннъ, изъ которыхъ нижнія принадлежатъ дорійскому стилю, среднія (наиболѣе уцѣлевшія) іонійскому, верхнія же (теперь уже совершенно изчезнувшія)—коринѳскому. Въ этомъ же году былъ построенъ также третій театръ, *Бальбы*.

Что касается до вмѣстительности, то театръ Помпеевъ занимаетъ первое мѣсто (для 40 тысячъ), Бальбы второе (для 30 тысячъ) и Марцелловъ третье (для 20 тысячъ).

Приложеніе 4-е.

Нѣсколько словъ о метрикѣ вообще.

(ἡ μετρικὴ τέχνη).

Метрикой называется искусство разсматривать стихъ во внѣшнемъ его видѣ.

---

*) Капитолійскій планъ былъ найденъ при Піѣ IV-мъ (въ 16-мъ столѣтіи), за храмомъ Козьмы и Даміана, близь древняго форума; это образъ Рима изъ временъ Септимія Севера, состоящій изъ множества мраморныхъ плитокъ, на которыхъ представлены красными и черными чернилами планы римскихъ зданій. Много плитокъ изъ этого плана потеряно; но число ихъ дополнено опять по снимку, который сдѣланъ былъ тотчасъ послѣ открытія плана. Со временъ Бенедикта XIV-го всѣ плитки вдѣланы въ стѣны корридоровъ Капитолійскаго музея. Для римской топографіи этотъ планъ, даже въ теперешнемъ видѣ обломковъ, во многихъ отношеніяхъ весьма важенъ.

§ 1) *Стопа* (pes, ποῦς, tactum). Какъ составная часть стиха это есть соединеніе 2-хъ или нѣсколькихъ слоговъ въ въ одно цѣлое. За единицу мѣры слоговъ принимается *короткій слогъ*, (υ) (mora, χρόνος πρῶτος, συλλαβὴ βραχεῖα, μονόσημος).

Долгій слогъ, (—) (συλλαβὴ μακρὰ или δύσημος), равняется 2-мъ «μονόσημοι» (— = υυ).

§ 2) *Виды такта.* У древнихъ различались 4 основныхъ формы такта:

I-я. «Πρῶτον γένος». Къ ней принадлежатъ всѣ «τρίσημοι = υυυ = $^3/_4$ или $^3/_8$.

таковы: 1) *trochaeus* или *choraeus* / трохей — хорей = — υ
2) iambus—ямбъ . . . = υ —

II-я. »Δεύτερον γένος». Къ ней принадлежатъ всѣ «τετράσημοι» = 4-мъ «χρόνοι πρῶτοι» (υυ υ υ).

таковы 1) δάκτυλος = — υυ
2) *) ἀναπέστους = υυ —
3) σπονδεύς = — —

III-я. «Τρίτον γένος». Она бываетъ обыкновенно «ἑξάσημον» = 6 «χρόνοις πρῶτοις».

Таковы—*ionici:*

α) ionicus a minore (ἀπὸ μείονος) υ υ — —
β) ionicus a majore (ἀπὸ μείζονος) — — υυ
γ) choriambus . . . . — υυ —

IV-я. «Τέταρτον γένος». Сюда относятся всѣ стопы «πεντάσημοι» Таковъ paeonius (παιών). **).

Схема: υ υ υ —
— υ υ υ
υ — υ υ
υ υ — υ

*) Анапесты встрѣчаются чаще всего въ хорахъ трагиковъ.

**) Παιών или παιάν—это была хвалебная пѣснь въ честь Аполлона.

Каждая пѣснь можетъ быть составлена: или только по одному «γένος»: 1) (μέτρον καθαρόν), напр.: гекзаметръ, или первая ея часть по одному, а другая по другому 2) (μέτρον ἐπισύνθετον), напр. двустишія, наконецъ отдѣльныя части смѣшиваются 3) (μέτρον μικτόν), напр.: почти всѣ оды Горація.

§ 3. *Неравномѣрные стихи* † { —◡◡|—◡|—◡ / ◡◡—|◡—|◡— }. Кажущаяся неравномѣрность тактовъ устраняется тѣмъ, что 4-хъ темповые такты (—◡◡, ◡◡—) вслѣдствіе болѣе быстраго чтенія обращаются въ 3-хъ темповые, и такимъ образомъ смѣшанные такты составляютъ все таки стройное цѣлое.

Киклическіе дактили и анапесты.

Дактили и *анапесты*, т. е. 4-хъ темповые, обратившіеся въ 3-хъ темповые, называются въ этомъ случаѣ киклическими (κύκλιοι). Ихъ долгій слогъ не равняется уже 2-мъ «χρόνοι πρῶτοι, а $1^{1}/_{3}$,—короткій же $^{2}/_{3}$ одного «χρόνος»; въ анапестѣ наоборотъ. Изображается киклическій дактиль—◡◡, а анапестъ ◡◡—.

§ 4. *Ритмъ.* Сущность стиха болѣе всего основывается на ритмѣ, который состоитъ въ правильномъ чередованіи «Ἄρσις»'а и «Θέσις»'а.

Арсисомъ называется та часть стопы, которая произносится съ большей силой голоса, остальная часть составляетъ *тезисъ.* *)

§ 5. *Удареніе* (ictus) (ʹ). Усиленіе голоса въ произношеніи называется удареніемъ; оно бываетъ двоякое:

1) *Словесное* удареніе состоитъ въ повышеніи голоса въ какихъ либо частяхъ слога, а 2) *ритмическое* непремѣнно

---

†) Въ хорахъ трагиковъ смѣшиваются τρίσημοι и „τετράσημοι т. е. хорей и дактиль, ямбъ и анапестъ.

*) Слово „Ἄρσις"—значитъ собств. *поднятіе*, а Θέσις"—*положеніе*, а потому понимаютъ эти слова въ обратномъ значеніи, т. е. *арсисъ* (тотъ моментъ, когда поднималась нога, чтобы отбить тактъ) считается слабой частью стопы, а тезисъ когда нога опускалась, чтобы сдѣлать удареніе) наоборотъ, сильной частью.

падаетъ на долгій слогъ такта и можетъ совпадать съ словеснымъ.

Въ случаѣ если въ стопѣ вмѣсто долгаго стоятъ 2 короткихъ, то оно падаетъ непремѣнно на первый изъ нихъ.

Разница между словеснымъ и ритмическихъ удареніемъ заключается еще въ томъ, что первое встрѣчается вездѣ, а второе только въ поэзіи.

§ 6. *Metrum* (въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова, размѣръ). Ритмъ проявляется или въ каждой отдѣльной стопѣ, (—υυ|—υυ), или-же въ соединеніи 2-хъ стопъ, въ такъ называемой диподіи: (υ—υ—|υ—υ—); въ первомъ случаѣ *метромъ* служитъ одна стопа (—υυ), а во второмъ 2, или такъ называемая диподія, т. е. соединеніе двухъ стопъ, имѣющихъ одно главное ритмическое удареніе, напр.: (υ—υ—) или (—υ—υ). *Ямбы*, *анапесты* и *трохеи* измѣряются диподіями, такъ:

monometer: 1) υ—υ—   2) —υ—υ   3) υυ—υυ—

dimeter: 1) υ—υ—|υ—υ—   2) —υ—υ|—υ—υ   3) υυ—υυ—|υυ—υυ—

trimeter: *) 1) υ—υ—|υ—υ—|υ—υ—   2) —υ—υ|—υ—υ|—υ—υ   3) υυ—υυ—|υυ—υυ—|υυ—υυ—

Въ смѣшанныхъ стихахъ за метръ принимается также каждая стопа —υ|—υυ|—υ|—υ.

§ 7. *Анакрузисъ* (Ἀνάκρουσις) (предъудареніе). Въ стихахъ, предъ началомъ собственно ритма, т. е. правильнаго чередованія *Арсиса* и *Тезиса*, часто ставится одинъ, а иногда 2 короткихъ слога, называемыхъ предъудареніемъ, которое соотвѣтствуетъ форшлагу (vorschlag) въ музыкѣ; это предъудареніе и называется *Анакрузисомъ*.

Каталексисъ (κατάληξις). Послѣдняя стопа въ стихѣ можетъ быть полной, «acatalectus», или неполной, «catalecticus», въ послѣднемъ случаѣ она можетъ заключать въ себѣ или одинъ долгій, или вмѣсто него 2 короткихъ: если одинъ дол-

---

*) Имъ написаны всѣ драмы *Софокла* и *Эврипида*.

гій, то стихъ называется, «*catalecticus in syllabam*», а если 2 короткихъ, то «*catalecticus in dissyllabam*».

Примѣръ *Анакрузиса* и *Каталексиса:* *ὦ κοινὸν αὐτάδελφον Ἰσμήνης κάρα* (—|—∪|—∪/—∪„—∪|—∪.|—), (trimeter trochaïcus, catalecticus in syllabam, cum anacrusi).

Пауза (παῦσα=остановка) (\/) Кромѣ тѣхъ паузъ, которыя бываютъ въ концѣ стиха при каталексисѣ, бываютъ еще остановки внутри стиха; а именно: *Цезура* и *Діэреза*.

1) *Цезурой* (caesura) называется перерывъ стопы концомъ слова. Она бываетъ двухъ родовъ; *сильная* и *слабая*, первая бываетъ послѣ арсиса, а вторая въ срединѣ тезиса (это въ гекзаметрѣ). Цезуры различаются по числу половинныхъ стопъ, отсюда названія:

1) τομὴ τριθημιμερής.
2) τομὴ πενθημιμερής (самая употребительная).
3) τομὴ ἑφθημιμερής.

2) *Діэреза* (Διαίρεσις). Діэрезой называется перерывъ стиха, происходящій отъ совпаденія конца слова съ концомъ стопы.—Во всякомъ стихѣ должны быть *цезура* и *діэреза*, которыя называются главными

Ямбическій и дактилическій стихи прерываются обыкновенно *цезурой*, а хореическій вмѣстѣ съ дактилическимъ пентаметромъ прерываются обыкновенно *діэрезой*.

«*Metrum*» *Антигоны*

и вообще трагедій Софокла и Эврипида.

Антигона написана ямбическимъ триметромъ (trimeter iambicus или senarus acatalectus). Размѣръ этотъ употребляется въ діалогическихъ частяхъ трагедіи и состоитъ изъ 6-ти 3-хъ

темповыхъ тактовъ (6 πόδες τρίσημοι 3/4), оттого то онъ и называется еще *сенаромъ*.

Изъ этихъ шести тактовъ образуютъ 3 *диподіи* или *метра* (такъ какъ въ ямбахъ, анапестахъ и трохеяхъ за мѣру принимается диподія). Такимъ образомъ получимъ слѣдующую *схэму*: ∪—∪—|∪—∪—|∪—∪—; но такъ какъ «ictus» *) всегда бываетъ на первомъ слогѣ такта, то должно обращать ямбическій триметръ въ трохаическій: стихъ будетъ трохаическій не полный—«στίχος καταλήκτικος».—Разныя видоизмѣненія этого стиха происходятъ отъ того, что въ *анакрузисѣ* и тезисѣ четныхъ тактовъ (2-го,—4-го,—6-го) вмѣсто короткаго слога можетъ встрѣчаться долгій; этотъ долгій слогъ, заключая въ себѣ болѣе одного короткаго, задерживаетъ въ этихъ мѣстахъ быстрое чтеніе трохеевъ, но ничуть не нарушаетъ трехъ темповаго такта (3/4). Слогъ этотъ, заключающій въ себѣ болѣе одного «χρόνος» (∪), но менѣе 2-хъ (∪+1/x), называется ирраціональнымъ и обозначается (>).

Примѣчаніе. Анакрузисъ иногда состоитъ изъ двухъ ирраціональныхъ тактовъ, тогда онъ обозначается (ω).

Кромѣ того триметръ разнообразится еще тѣмъ, что во всѣхъ полныхъ тактахъ можетъ вмѣсто трохея стоять или τρίβραχυς (∪∪∪), или циклическій дактиль (—∪∪) (—∪=∪∪). Какъ героическій гекзаметръ, такъ и триметръ ямбическій раздѣляется паузой на 2 части (Διαίρεσις-большей частью, рѣдко *caesura)*; пауза эта прерываетъ стихъ послѣ 3-го или 2-го такта.

Приложеніе 5-е

А. Нѣсколько словъ о лирикѣ.

Этотъ родъ поэзіи получилъ названіе отъ лиры (λύρα), инструмента, которымъ акомпанировали себѣ пѣвцы, поэтому

---

*) Ритмическое удареніе.

понятіе о лирикѣ находится въ неразрывной связи съ музыкой. Всѣ лирическія произведенія были пѣты; но не писаны для глаза, а расчитаны на ухо внимательныхъ слушателей, почему и лирическіе размѣры, которые такъ мертвы на бумагѣ, имѣли тогда весьма важное значеніе. О силѣ и благозвучіи ихъ можетъ судить лишь тотъ, кто съумѣетъ мысленно приложить музыку къ этимъ строфамъ. Начало лирики у древнихъ Грековъ относится еще къ миѳологическому періоду; уваженіе народа къ искуснымъ лирическимъ пѣвцамъ было весьма велико.—Первоначальный переходъ отъ героическаго эпоса къ лирикѣ составляютъ *элегіи.*—Онѣ написаны чередующимися гекзаметромъ и пентаметромъ. Этимъ размѣромъ писались обыкновенно стихотворенія грустнаго содержанія. По своему субъективному характеру элегія не могла долго удержаться у лирическихъ пѣвцовъ, и чѣмъ богаче становилась музыка мелодіями, тѣмъ разнообразнѣе дѣлались лирическіе ритмы и строфы.—Отечествомъ своимъ лирика скорѣе всего можетъ считать колоніи эолянъ и іонянъ; поэтому-то и діалекты, которыми написана большая часть лирическихъ произведеній, эолическій и дорическій.

Горацій сдѣлался лирическимъ поэтомъ не столько по склонности къ этого рода поэзіи, какъ изъ желанія посостязаться съ греками въ той поэзіи, которая до сихъ поръ вовсе не была обработана римскими поэтами. И дѣйствительно, онъ весьма успѣшно дѣйствовалъ въ этомъ дѣлѣ и умѣлъ идти по слѣдамъ грековъ, не доходя ни до рабской подражательности ни до пустаго диллетантизма. Онъ дѣйствовалъ, какъ глубокій знатокъ искусства, съ неустаннымъ прилежаніемъ и тщательностью старался объ обработкѣ языка и размѣра и достигъ того, что на всѣхъ его лирическихъ произведеніяхъ лежитъ печать чистѣйшаго латинизма. Сюжеты онъ выбиралъ постоянно по силамъ. Любовь изображалъ съ ея чувственной сто-

роны и для большей наглядности ставилъ въ своихъ произведеніяхъ себя самаго героемъ различныхъ похожденій; это принимали за чистую монету, и его современники, также какъ и многіе въ послѣдующее время, обвиняли его въ развращенности; но въ настоящее время Лессингу удалось совершенно вѣрно выяснить всѣ эти фикціи и, такимъ образомъ, освободить Горація отъ этихъ обвиненій.

Въ своихъ лирическихъ произведеніяхъ Горацій болѣе всего подражалъ слѣдующимъ греческимъ лирикамъ: *Сапфо*, *Алкею*, *Архилоху*, *Алкманію* и *Анакреонту*.

Сапфо (Σαπφώ) была родомъ изъ Лесбоса, существованіе ея относятъ къ 610 году до Рожд. Христова. Эта поэтесса была знаменитѣйшимъ изъ лириковъ.—Древніе называли ее «лесбійскимъ соловьемъ» и «десятой музой, выбили въ честь ея монету, и поставили ей статую въ сиракузскомъ пританеѣ. Она написала 9 книгъ одъ, брачныхъ пѣсенъ, гимновъ, эпиграммъ etc., но до насъ сохранились только 2 оды и 4 небольшихъ отрывка. *Сапфо.* (610 г. до Р Хр.)

Она была творцемъ *сапфическаго размѣра оды* и основательницей женской школы для пѣнія, изъ которой впослѣдствіи вышли другія знаменитыя поэтессы древности. Преданіе говоритъ, что она любила прекраснаго юношу Фаона, и когда тотъ ее покинулъ, то она утопилась, бросившись съ левкадскаго утеса; но въ настоящее время доказано, что это преданіе ложно.

Алкей (Ἀλκαῖος) былъ соотечественникъ Сапфо, родился въ Митиленѣ (611 г. до Р. Хр.) Онъ сильно ратовалъ за свободу и былъ ненавистникомъ деспотизма.—Онъ же вмѣстѣ съ Сапфо усовершенствовалъ семиструнную киѳару, изобрѣтенную Терпандромъ.—Оды его имѣютъ самое разнообразное содержаніе: однѣ гремятъ противъ тиранновъ отечества, другія по- *Алкей.* (611 г. до Р. Хр.)

вѣствуютъ о бурной его жизни, третьи воспѣваютъ вино, красоту и любовь. Алкею больше всего подражалъ Горацій. Изъ сочиненій Алкея до насъ дошли только немногіе отрывки. Онъ также былъ изобрѣтателемъ особаго размѣра, алкаическаго.

Архилохъ. 660 г. до Р. Хр). Изобрѣтатель ямба, Архилохъ, (Ἀρχίλοχος) былъ родомъ съ острова Пароса (въ 660 г. до Р. Хр.) Происхожденіе такого рода стихотвореній относятъ еще къ миѳологическимъ кременамъ. Существуетъ преданіе, что одна изъ прислужницъ Деметры, по имени Ямба, старалась шутками и различными дурачествами разсѣять скорбь богини о Прозерпинѣ. По другимъ сказаніямъ названіе это произошло отъ «ἰάπτειν»=(бросать), потому что этими стихотвореніями какъ бы кидали укоръ или насмѣшку въ извѣстное лицо. Изобрѣтателемъ этого рода стихотвореній, какъ мы уже сказали выше, считаютъ Архилоха Какъ цѣнили его древніе это видно изъ того, что они говорили: «Муза дала ему ямбъ, чтобы онъ не превзошелъ Гомера». Сатирическія произведенія его были такъ ѣдки, что, по словамъ преданія, Ликамбъ и его дочери повѣсились съ досады, прочтя пѣсню, въ которой онъ осмѣивалъ все семейство Ликамба за то, что тотъ не сдержалъ своего обѣщанія: выдалъ дочь не за него, а за кого-то другаго.—Въ Спартѣ сочиненія его были запрещены, какъ вредныя для юношества. Изъ произведеній его до насъ дошли только отрывки.

Алкманъ (670 г. до Р. Хр.) Алкманъ (Ἀλκμάν) происходилъ изъ незнатнаго спартанскаго рода, мѣсто рожденія его Сарды. Древніе звали его отцемъ эротической пѣсни. Изъ сочиненій его, писанныхъ на дорическомъ діалектѣ, дошли до насъ только скудныя отрывки 9-ти книгъ его пѣсенъ.

Анакреонтъ (559 г.—474 до Р. Хр.) Анакреонтъ (Ἀνακρέων) былъ родомъ изъ Теоса. Древніе называли его «пѣвцомъ розъ, любви и вина».—Живой, веселый поэтъ, восхваляя въ своихъ чарующихъ пѣсняхъ наслажде-

ніе жизнью, веселость и любовь, въ тоже время отличается благородствомъ языка, прелестію формъ и разнообразіемъ картинъ. Онъ жилъ при дворахъ Поликрата, Гиппія и Гиппарха, оживляя ихъ пиры своимъ остроуміемъ и неподдѣльной веселостью.—До насъ дошли около 60 пѣсенъ, отчасти принадлежащихъ Анакреонту; отчасти его подражателямъ, въ сборникѣ Кефалы (въ X в. по Р. Хр.), «Антологія».

В. Размѣры одъ Горація.

Стихи, употребляемые Гораціемъ въ одахъ, бываютъ 1) *простые* (μέτρον καθαρόν), 2) или чаще *сложные* (μέτρον μικτόν), versus logaëdici).

А) Μέτρον καθαρόν.

Простыми называются такіе стихи, которые состоятъ изъ однородныхъ тактовъ, то есть или изъ дактилей, или изъ ямбовъ (υ —). Сюда относятся:

I) *Metrum Archilochium primum,* состоящій изъ однихъ только дактилей.

Схэма: —υυ|—υυ|—„υυ|—υυ|—υυ|—|υ
—υυ|—υυ|— (триметръ). } VII ода 4-й кн.

II) *Metrum Alcmanium.*

Схэма: —υυ|—υυ|—„υυ|—υυ|—υυ|—υ
—υυ|—υυ|—υυ|—υ (тетраметръ).

B) Μέτρον μικτόν или versus logaëdici.

Стихами смѣшанными называются такіе которые состоятъ изъ разнородныхъ тактовъ, т. е. дактиль мѣняется съ трохеями (— υ). Сюда относятся:

I) *Versus Adonius* (διποδία λογαήδικα) этотъ стихъ встрѣчается обыкновенно въ концѣ сапфической строфы.

Схэма: —υ υ|—υ } —υ υ (это такъ называемый киклическій дактиль),

II) *α) Versus pherecrateus primus.*
β) Versus pherecrateus secundum

*

Это логаэдическая триподія, съ дактилемъ на *первомъ*, или на *второмъ* мѣстѣ.

Схэма: α) —◡◡|—◡|—|первая ода первой книги:

β) ——◡—◡◡|—|Maece|nas ata|vis„edite|regi|bus

— —|— ◡◡|— „—◡◡|—◡|—„

Прим. если β + хореямбъ (—◡◡—) + α, то это *Versus Asclepiadeus mjor,* а если β + α, то *Vers. Ascl. minor.*

III) α) *Versus glyconeus primus*

β) « « *secundus*

Схэма α) —◡|—◡◡|—◡|—

β) —◡|—◡|—◡◡|—

Это логаидическая тетраподія нетолная, (καταλήκτικον—*in syllabam* если въ концѣ одинъ долгій слогъ(—), *ln dissyllabam*—если 2 короткихъ. (◡◡),—съ дактилемъ на второмъ или третьемъ мѣстѣ.

IV) *Versns Alcaicus decasylabus.* Логаэдическая тетраподія полная, которая ставится въ концѣ Алкаической строфы.

Схэма: — ◡◡|— ◡◡|— ◡|— ◡

V) *Versus Sapphicus minor* состоящихъ изъ 11-ти слоговъ.

Схэма: —◡|——|—„◡◡|—◡|—◡.

3) Μέτρον ἀσυνάρτητον.

3) Наконецъ еще встрѣчается у Горація (но чаще всего у трагиковъ) третій родъ стиховъ, такъ называемый: *versus inconnexus* или ἀσυνάρτητον. Это такіе сложные стихи, въ которыхъ сталкиваются такты, по своему ритму противорѣчащіе по видимому другъ другу, такъ напр. α) *Анапестъ и трохей:* ◡◡—|—◡; но это равняется ◡◡|— „ (пауза)|— ◡|=◡◡|—(◡)|—◡ β) *Дактиль и ямбъ* —◡◡|◡—. Въ этого рода стихахъ, однако, кажущаяся неправильность есть ничто иное, какъ указаніе на интонацію этихъ стиховъ, на остановки, или такъ называемыя метрическія паузы (χρόνοι κενοι, а также συγκοπή), которыя показываютъ, что какой нибудь слогъ выпущенъ; а если это не могло случиться, потому-что осnúmановку пришлось-бы сдѣлать среди слова, то на протяженіе голоса (τονή) въ этомъ мѣстѣ *).

*) Всѣ оды Горація написаны въ 3-хъ темповомъ тактѣ,

Вообще *«metrum inconnexum»* укасыкаетъ намъ на ту музыкальность, которая господствовала въ стихахъ древнихъ.

VI) *Vercus Alcaicus hendecasylabus*: Онъ состоитъ изъ одинадцати слоговъ и имѣетъ ту особенность, что Анакрузисъ въ началѣ почти всегда долгій слогъ.

Схэма	(⏑)	— ⏑	— —	— ⏑⏑	— ⏑	
	dul	ceet de	córum est	prá patri	à mo	ri

VII) *Versus Alcaicus enneasylabus*. Состоитъ изъ девяти слоговъ и имѣетъ Анакрузисъ также долгій.

Схэма:	(⏑)	— ⏑	— —	— ⏑	— ⏑
	sil	váe la	bóran	tés ge	lúque

Стихичсская композиція.

Многіе стихи повторяются нѣсколько разъ одинъ за другимъ, такъ напр.; Героическій гекзаметръ. Стихотворѣніе гдѣ одинъ и тотъ-же стихъ все повторяется, называется «стихической композиціей (отъ στίχος=versus).

Дистихическая композиція и Строфа.

Но часто нѣсколько разнородныхъ стиховъ соединяются въ одно ритмическое цѣлое, называемое μέτρον (въ болѣе обширномъ смыслѣ!) Если это *«metrum* *) состоитъ изъ двухъ стиховъ, то это называется *достихической композиціей* (эподы); если же болѣе 2-хъ, то это уже будетъ στροφή=на оборотъ.

Прпмѣчаніе: *Metrum* называется μονόστιχον, если состоитъ изъ 1-го стиха, δίστιχον—если изъ двухъ, τρίστιχον и т. д.

По числу же разнородныхъ стиховъ μονόκωλον, δίκωλον τρίκωλον и т. д. (отъ κῶλον=стихъ).

---

*) *Metrum*въ этомъ значеніи называется *systema*.

Строфы чаще другихъ встрѣчающіеся у *Горація.*

I) *Systema Asclepiadeum primum.*

Композиція здѣсь строфическая, состоитъ изъ четырехъ стиховъ (τετράστιχον); стихъ однородный (μονόκωλον), состоящій изъ «*Versus Asclepiadeus minor*», который въ свою очередь состоитъ изъ *versus pherecrateus secundus* + *versus pher. primus.*

По латыни: Systema Asclepiadeum primum, τετράστιχον μονόκωλον, constat versu asclep. minore usque repetito.

I, Первая ода:

Maecenas atavis„edite regibus,
O et praesidium et„dulce decus meum,
Sunt quos curriculo„pulverem Olympicum
Collegisse juvat,„metaque fervidis

Evitata rotis„palmaque nobilis;
Terrarum dominos „ evehit ad deos;

другія оды. III. 30. IV, 8:

Схэма:
— —|— ∪∪|— „ — ∪∪|— ∪|— (∪) „
— —|— ∪∪|— „ — ∪∪|— ∪|— (∪) „
— —|— ∪∪|— „ — ∪∪|— ∪|— (∪) „
— —|— ∪∪|— „ — ∪∪|— ∪|— (∪) „

II) *Syst. Asclepiadeum secundum*

„Syst. Ascl. secundum δίκωλον, τετράστιχον; constat verso ascl. minore ter repetito et glyconeo.

I, Двадцать четвертая ода:

Quis desiderio „sit pudor aut modus
Tam cari capitis „ praecipe lugubres
Cantus Melpomene, „ cui liquidam pater
Vocem cum cithara dedit.

другія оды: I, 6,15,24,33. II, 12. III, 10,16. IV, 5,12.

Схэма:
— —|— ∪∪|— „ — ∪∪|— ∪|— (∪) „
— —|— ∪∪|— „ — ∪∪|— ∪|— (∪) „
— —|— ∪∪|— „ — ∪∪|— ∪|— (∪) „
— —|— ∪∪|— ∪|— (∪) „

III. *Syst. Asclepiadeum secundum.*

«Δίκωλον Τετράστιχον; constat versis glyconeo et asclepiadeo minore, bis repetitis».

I, Третья ода.

Sic te diva potens Cypri,
Sic fratres Helenae, „ lucida sidera,
Ventorumque regat pater,
Obstrictis aliis „ praeter Iapyga,

Navis, quae tibi creditum,
Debes Vergilium, „ finibus Atticis
Reddas incolumem precor
Et serves animae „ dimidium meae

другія оды: I, 3,13.19,36. III, 9.15,19,24,25,28 IV, 1,3.

Схема: — —|—υυ|—υ|—/υ
— —|—υυ|— „ —υυ|—υ|—/υ „
— —|—υυ|—υ|—/υ
— —|—υυ|— „ —υυ|—υ|—/υ „

IV) *Systema Asclepiadeum quartum.*

Τετράστιχον τρίκωλον *constat verso asclepiadeo minore bis repetito, pherecrateo* полнаго (acatalecto) *et glyconeo*

I. четырнадцатая ода:

O navis referent „ in mare te novi„
Fluctus. O quid agis?„ Fortiter occupa„
Portum. Nonne vides ut
Nudum remigio latus„

Et malus celeri „ saucius Africo
Antennaequa gemunt, „ ac sine funibus
Vix durare sarinae
Possunt imperiosivs„

I' 6,21,23. III, 7,13. IV, 13.

Схэма: — —|—υυ|— „ —υυ|—υ|— „
— —|—υυ|— „ —υυ|—υ|— „
— —|—υυ|—υ
— —|—υυ|—υ |υ „

V. Systema Asclepiadeum quintum.

«Μονόκωλον, τετράστιχον; constat verso usque repetito, *Asclepiadeo majore*, который состоитъ изъ pherecrateo secundo, *chorejambo* et pherecrateo primo.

I, Одинадцатая ода:

Tu ne quaesieris,„scire nefas,„quem mihi quem tibi
Finem di dederint„Leuconoe,„nec Babylonios
Temptaris numeros.„Ut melius,„quid quid erit, pati,
Seu plures hiemes„seu tribuit„Iuppiter ultimam,

Quae nunc oppositis„debilitat„pumicibus mare
Tyrrhenum: sapias,„vina liques,„et spatio brevi
Spem longam reseces.„Dum loquimur,„fugerit invida
Aetas: carpe diem,„ quam minimum„credula postero.

другія оды : I. 18, IV. 10,

Схэма: — —|—υυ|—„—υυ—„—υυ|—υ|υ„
— —|—υυ|—„—υυ—„—υυ|—υ|υ„
— —|—υυ|—„—υυ—„—υυ|—υ|υ„
— —|—υυ|—„—υυ—„—υυ|—υ|υ„

VI. Systema Sapphicum prius:

Δίκωλον τετράστιχον, constat verso Sapphico minore, ter repetito et adonio.

I, вторая ода:

Iam satis terris„nivis atque dirae
Grandinis misit„Pater et rubente
Dextera sacras„iaculatus arces
Terruit urbem.

Terruit gentes,„grave ne rediret
Seculum Pyrrhae„nova monstra questae,
Omne cum Proteus„pecus egit altos
Visere montes.

другія оды: I. 10,12,20,22,25,30,32,38. II. 2,4,6,8,10,16; III. 8,11,14,18,20,22,27. VI. 2,6,11 и carmen saeculare (юбилейный гимнъ).

Схэма: —υ|— —|—„υυ|—υ|—υ
—υ|— —|—„υυ|—υ|—υ
—υ|— —|—„υυ|—υ|—υ
—υ υ|— υ.

VII. *Systema Alcaicum:*

Τρίκωλον τετράστιχον, constat versis alcaicis: hendecasyllabo, bis repetito, enneasyllabo et decasyllabo. „ Этимъ размѣромъ (метромъ) написана большая часть одъ Горація.

Ae|quam memento„rebus in arduis
Ser|vare mentem,„non secus in bonis
Ab|insolenti temperatam
Laetitia, moriture Delli,

Seu|maestus omni„tempore vixeris,
Seu|te in remoto„gramine per dies
Fes|tos reclinatum bearis
Interiore nota Falerni.

Схэма: (υ)|—υ|— —„—υυ|—υ|υ„
(υ)|—υ|— —„—υυ|—υ|υ„
(υ)|—υ|— —„—υ|—υ
—|υυ|—υυ|—υ|—υ

B. *Нѣсколько словъ о сатирѣ.*

Изъ всѣхъ родовъ поэзіи одна только сатира есть созданіе самихъ римлянъ. «Satira tota nostra est», говоритъ Квинтиліанъ. Названіе свое она получила отъ слова «satira» или «satura», что значитъ или колбаса, или корзина съ цвѣтами и плодами, приносившимися въ жертву Церерѣ или Бахусу. Нѣкоторые производятъ это названіе отъ «satura lex»,—этимъ названіемъ Римляне обозначали такой законъ, который касался многихъ и разнообразныхъ предметовъ. Вообще же, одно то ясно, что это названіе давалось такимъ сочиненіямъ, которыя представляли поэтическій «pêle mêle» (miscella); всѣ размѣры (metrum) были для нея хороши, особенно въ первоначальную пору ея развитія. Творцомъ сатиры обыкновенно счи-

тается *Луцилій*, такъ какъ онъ первый пріобрѣлъ ей мѣсто въ литературѣ и у него перваго она является съ тѣмъ характеромъ, который въ ней развился въ позднѣйшее время. Поэтому Луцилія Горацій называетъ «inventor satirac», а Эннія, у котораго она впервые появилась въ видѣ фарса,—«auctor» (Hor. Sat. I, 10, 66).

Луцилій. Gajus Lucilius, дѣдъ знаменитаго Помпея, жилъ отъ 146—103 до Р. X. Онъ происходилъ изъ сословія всадниковъ и былъ единственный представитель ихъ въ литературѣ. Сатирѣ онъ придалъ рѣзкій характеръ, у него она обнимаетъ все, что можетъ быть предметомъ разговора между людьми образованными и возбуждаетъ всеобщій интересъ. Такимъ образомъ по своему характеру сатиры Луцилія болѣе всего подходятъ къ древнеаттической комедіи (Аристофанъ); написаны онѣ гекзаметромъ, въ чемъ подражали ему и послѣдующіе сатирики: Горацій, Персій и Ювеналъ.

Горацій. О томъ, какъ понималъ сатиру Горацій и какіе недостатки находилъ онъ у Луцилія, мы сказали уже выше, при обзорѣ его сочиненій, но прибавимъ, что при выполненіи своей задачи онъ дѣйствовалъ не такъ безпристрастно, какъ Луцилій. Лица, осмѣиваемыя имъ и называемыя по имени, принадлежатъ или къ низшему классу, или же умершія; но чаще всего у него представлены типы цѣлыхъ сословій, или людей порочныхъ: скупцовъ, пьяницъ, гулякъ и т. п. Послѣ Горація, какъ сатирикъ прославился Персій (Persius Flaccus), жившій отъ 34 до 62 года по Р. Хр.

Персій. Вліяніе того времени, когда мнѣнія перестали высказываться гласно, отразилось въ его сатирахъ, и хотя онъ никогда не упускалъ изъ виду моральную цѣль сатиры—дѣйствовать на улучшеніе и облагороженіе нравовъ, тѣмъ не менѣе не осмѣливается нападать на отдѣльныхъ личностей съ ихъ частными недостатками, а выбираетъ изъ среды общества нѣсколь-

кихъ личностей и ставитъ ихъ представителями цѣлаго направленія того времени.

Наконецъ третьимъ славнымъ представителемъ римской сатиры является Ювеналъ.

Decimus Junius Juvenalis родился въ 42 году по Рожд. Хр., въ царствованіе императора Клавдіана, а умеръ 80-лѣтнимъ старикомъ въ 122 году. Первое время своей жизни онъ занимался краснорѣчіемъ, которое въ то время уже было одной пустой декламацiей, и только въ царствованіе жестокаго Домиціана принялся за сатиру, и хотя дѣйствовалъ тайно, все таки шпіоны Домиціана разузнали объ этомъ и онъ былъ сосланъ въ Египетъ, откуда возвратился уже въ царствованіе Траяна. По возвращеніи изъ ссылки, онъ тотчасъ-же издалъ свои первыя, вызванныя деспотизмомъ Домиціана и отличающіеся необыкновенной силой, сатиры. Если онъ прославился, какъ сатирикъ, то обязанъ этимъ своимъ первымъ произведеніямъ, потому что послѣдующія его сатиры отличаются вялостью и растянутостью, и вообще гораздо ниже предъидущихъ.

Shlüter слѣдующимъ образомъ характеризуетъ Горація, Персія и Ювенала: «Горацій самый милый, Ювеналъ самый могучій и правдивый, Персій самый печальный изъ сатирическихъ поэтовъ.

Примѣч. Еще характеристика:

Horatius irridet=насмѣхается.
Persius insultat=восторгается
Juvenalis ardet et jugulat=пылаетъ и рѣжетъ.

Приложеніе 6-е.

*10 Аттическихъ ораторовъ *). (450—300 до Р. Х.).*

До V-го вѣка передъ Р. Х. краснорѣчіе у Грековъ не подчинялось никакимъ реторическимъ правиламъ и проявля- *Введеніе.*

*) Шлос. т. I стр. 359.

лось просто, какъ природный даръ этого народа; но въ послѣдующее время, когда политическія отношенія сдѣлались запутаннѣе, кругъ знаній расширился и дѣятельность оратора требовала уже нѣкотораго философскаго образованія и знакомства съ политическими науками, то краснорѣчіе сдѣлалось уже искусствомъ и въ народныхъ судахъ и собраніяхъ стали являться ораторы, посвятившіе себя политикѣ и подготовленные къ своей дѣятельности научнымъ образованіемъ *). Въ первое время краснорѣчіе (ἡ ῥητορική) преподавалось софистами за деньги; два изъ самыхъ знаменитыхъ торговцевъ краснорѣчіемъ, Горгій (Γοργίας) и Протагоръ (Προταγόρας) **), собрали себѣ огромныя богатства своимъ ремесломъ. Они предлагали свои уроки всякому, кто хотѣлъ пріобрѣсть вліяніе на государственныя дѣла, и не стѣснялись нисколько преподавать у столиковъ мѣнялъ въ Аѳинахъ, на олимпійскихъ играхъ, вообше вездѣ, гдѣ собиралась толпа. Такимъ образомъ ихъ скорѣе можно назвать гнусными шарлатанами, чѣмъ учителями краснорѣчія; первымъ-же основателемъ правильнаго преподаванія этого искусства и вмѣстѣ съ тѣмъ учителемъ его является Антифонъ.

1) Антифонъ. (479—411 до Р. Хр).

Антифонъ жилъ въ Аѳинахъ и принадлежалъ къ числу заговорщиковъ, которые во время Пелопоннесской войны насильственно ввели олигархическое управленіе; впослѣдствіи, когда олигархи были низвержены, онъ былъ изгнанъ и умеръ на чужбинѣ. Онъ стоитъ во главѣ декады аттическихъ ораторовъ, представителей классическаго краснорѣчія у Грековъ. Въ школѣ своей онъ завелъ реторическія упражненія, написалъ руководство къ ораторскому искусству и такимъ образомъ перенесъ краснорѣчіе въ школу съ арены государственной дѣя-

---

*) Изъ государственныхъ мужей наилучшими ораторами были Ѳемистоклъ и Периклъ.

**) Горгій изъ Леонтинъ въ Сициліи и Протагоръ изъ Абдеръ жили во второй половинѣ V стол. до Р. Хр.

тельности. Онъ особенно извѣстенъ тѣми особенностями рѣчи, которыя носятъ названіе «фигуръ словъ» и «фигуръ мыслей» *).

Андокидъ родился въ Аѳинахъ, а умеръ въ изгнаніи, такъ какъ онъ былъ замѣшанъ въ процессъ Алкивіада по поводу надруганія надъ статуями Гермеса. Слогъ его простъ и свободенъ отъ всякихъ реторическихъ украшеній, онъ не впадаетъ въ паѳосъ и приступаетъ къ дѣлу прямо безъ всякихъ софистическихъ мудрствованій **).

2) Андокидъ. (467—390 до Р. Хр.)

Лизій былъ родомъ изъ Аѳинъ, хотя отецъ его былъ изъ Сиракузъ въ Сициліи. Онъ долгое время пробылъ въ Италіи, гдѣ получилъ теоретическое и практическое образованіе въ краснорѣчіи, потому что въ нижней Италіи въ это время оно достигло высшей ступени своего развитія. Онъ написалъ болѣе 400 рѣчей, но изъ нихъ до насъ дошло только 36; языкъ, которымъ онѣ написаны простъ, сжатъ и свободенъ отъ эффектовъ паѳоса. Во время 30 тиранновъ онъ былъ изгнанъ, и приставши къ Тразибулу, не мало способствовалъ низверженію олигархіи, послѣ чего вскорѣ умеръ.

3) Лизій. (458—378 г. до Р. Хр)

Въ лицѣ этого оратора краснорѣчіе уже стоитъ на переходной ступени къ тому совершенству, котораго достигло при Филиппѣ Македонскомъ. Онъ прославился своимъ патріотизмомъ и въ 338 году послѣ Херонейской битвы не захотѣлъ пережить гибели греческой свободы. Самъ онъ не выступалъ на каѳедру оратора, а основалъ свою школу и написалъ нѣсколько рѣчей, извѣстныхъ по своему изящному и возвышенному стилю; изъ нихъ особенно знаменитъ его панегирикъ или похвальная рѣчь аѳинянамъ, надъ сочиненіемъ котораго онъ трудился не менѣе 10 или 15 лѣтъ. Достоинство его рѣчей состоитъ въ необыкновенной тщательности отдѣлки: въ его періодахъ и предложеніяхъ каждый слогъ подбирался по зако-

4) Исократъ. (436—338 г. до Р. Хр.)

---

*) См. Грамматику Шульца §§ 466 и 467.

**) Такимъ языкомъ говорили обыкновенно защитники въ судахъ, соотвѣтствовавшіе нашимъ адвокатамъ.

намъ гармоніи; но не смотря на всю музыкальность его рѣчей, онѣ никогда не переходили въ стихотворный размѣръ.

Изъ его школы вышли знаменитѣйшіе ораторы: Исей, Ликургъ, Гиперидъ и Демосѳенъ.

5) Исей. Исей былъ ученикомъ Исократа и Лизія и извѣстенъ, какъ наставникъ Демосѳена.

Онъ, подобно своему учителю, основалъ школу краснорѣчія и преподаваніе его было замѣчательно тѣмъ, что онъ не училъ своихъ учениковъ высокопарно говорить о пустякахъ, какъ это дѣлали софисты, а давалъ темы для реторическихъ упражненій исключительно изъ отношеній общественной жизни.

6) Демосѳенъ. (385—322 г. до Р. Хр.) Въ лицѣ Демосѳена *) краснорѣчіе достигло высшаго своего процвѣтанія.

7) Эсхинъ. (392—317 г. до Р. Хр.) Самымъ страшнымъ соперникомъ Демосѳена является Эсхинъ. Родители его были бѣдные аѳинскіе граждане; о воспитаніи его говорятъ различно: одни утверждаютъ, что онъ самъ выбился въ люди, другіе-же, что его учителями были Исократъ и Платонъ.

Первое время своей жизни онъ провелъ, занимаясь перепиской бумагъ у нѣкоторыхъ государственныхъ людей, и этому занятію обязанъ отчасти своей ораторской славой. Главное достоинство его рѣчей, изъ которыхъ до насъ дошли только три, заключается въ вѣрной характеристикѣ нравовъ и страстей. Его рѣчь «о вѣнкѣ», противъ Демосѳена, подобно рѣчи послѣдняго о томъ-же предметѣ, всѣми древними считалась образцомъ краснорѣчія. Но всѣ его достоинства, какъ оратора, помрачаются тѣмъ, что онъ измѣнилъ своему отечеству и за деньги защищалъ интересы Филиппа. О дальнѣйшей дѣятельности его извѣстно только то, что удалившись изъ Аѳинъ послѣ рѣчи «о вѣнкѣ», за которую долженъ былъ заплатить штрафъ, такъ какъ не получилъ пятой части голо-

**) О немъ см. часть 1, глава 2, V-го отд.

совъ въ судѣ, онъ основалъ школу краснорѣчія на островѣ Родосѣ (330 г.), а потомъ переѣхалъ въ Самосъ, гдѣ и умеръ.

Ликургъ былъ ученикъ Платона и Исократа и ратовалъ противъ Филлиппа вмѣстѣ съ Демосѳеномъ и Гиперидомъ. Онъ особенно извѣстенъ своею строгостью нравовъ, и государственные преступники трепетали предъ его именемъ. Въ рѣчахъ своихъ, изъ которыхъ до насъ дошла только одна, онъ доводилъ паѳосъ до крайности; но не смотря на то въ сочиненіи его проглядываетъ достоинство человѣка, заслуживающаго стать на ряду съ Аристидомъ: въ немъ мы вездѣ встрѣчаемъ неумолимую строгость, нигдѣ не позволяетъ онъ себѣ унижаться до ругательствъ. Аѳиняне такъ уважали его и такъ довѣряли его честности, что вручили ему завѣдываніе финансовой частью, и онъ вполнѣ оправдалъ ихъ довѣріе, такъ что послѣ него въ ихъ государственной кассѣ осталось около 25 мил. р. (18, 900 тал.). Во время своего управленія государственными доходами онъ украсилъ городъ многими прекрасными сооруженіями, завелъ величайшій порядокъ въ полиціи, вообще сдѣлалъ столько для города, что Аѳиняне воздвигли въ честь его статую и дали право его старшему сыну обѣдать на государственный счетъ въ Пританеѣ. *8) Ликургъ.* (408—322 г. до Р. Хр.)

Онъ былъ также ученикомъ Платона и Исократа и прославился вмѣстѣ съ Демосѳеномъ и Ликургомъ своей борьбой противъ Филиппа и смертью за свободу отечества. Рѣчи его отличались многими достоинствами, сколько можно судить о нихъ по отзывамъ другихъ писателей, до нашего-же времени не сохранилась ни одна изъ его рѣчей. *9) Гиперидъ.* (умеръ въ 322 г. до Р. Хр.)

Послѣднимъ изъ декады аттическихъ ораторовъ былъ Динархъ родомъ изъ Коринѳа; въ его рѣчахъ замѣтна безжизненность, и хотя еще нѣтъ вычурности позднѣйшей эпохи, тѣмъ не менѣе онѣ свидѣтельствуютъ объ упадкѣ ораторскаго *10) Динархъ.*

искусства. Онъ жилъ послѣ смерти Демосѳена и Гиперида и пользовался значеніемъ въ Аѳинахъ.

Примѣчаніе. Современникомъ Эсхина и Демосѳена былъ Демадъ. Это былъ человѣкъ, отличавшійся отсутствіемъ всякихъ политическихъ и нравственныхъ убѣжденій. Послѣ Херонейской битвы онъ былъ отпущенъ Филиппомъ изъ плѣна и въ пользу его постоянно интриговалъ въ Аѳинахъ. Онъ былъ впослѣдствіи льстецомъ Александра Великаго и Антипатра, и вмѣстѣ съ другими низкими измѣнниками былъ виновникомъ смерти Демосѳена. Сынъ Антипатра, Кассандръ, велѣлъ казнить этого продажнаго человѣка.

Приложеніе 7-е.

Извѣстнѣйшія философскія школы *).

1.) ПИѲАГОРЕЙСКАЯ ШКОЛА.

(основана въ Великой Греціи, въ г. Кротонѣ).

Пиѳагоръ (Πυθαγόρας) (584—504 до Р. Хр.)

Основателемъ ея былъ Пиѳагоръ изъ Самоса, пользовавшійся во всей древности величайшимъ уваженіемъ. Онъ основалъ особый союзъ «пиѳагорейскій» и 20 лѣтъ управлялъ имъ такъ, что всѣ города, подчиненные ему, процвѣтали нравственностью, порядкомъ, миромъ и вели богатѣйшую торговлю. Онъ-же изобрѣлъ знаменитую математическую теорему, извѣстную и нынѣ подъ его именемъ, таблицу умноженія и нѣкоторые музыкальные аккорды. Главными предметами научныхъ стремленій его послѣдователей были: математика, врачебное искусство, музыка и гимнастика. Школа эта была высоко нравственна и

Ученіе школы.

ученіе ея было облечено въ таинственные символы числъ. Взявъ исходною точкою своего мышленія міровую единицу, въ кото-

---

*) См. Очеркъ Греческой литературы Маркова—Виноградскаго.—(1863 г.) и Шлоссеръ—т. I. стр. 336.

рой совмѣщаются противоположности, они полагали, что между этими противоположностями существуетъ правильная связь, содержащая симметрію въ распредѣленіи и гармонію въ соединеніи. Между тѣлами небесными, по ихъ ученію, существуетъ тѣсная связь; они движутся и отъ этого движенія происходитъ гармонія звуковъ (музыка), которую мы не слышимъ или потому, что привыкли къ ней отъ рожденія, или-же потому, что она недоступна для нашего уха. Такимъ образомъ эта школа не старалась объяснить происхожденіе міра изъ хаоса, а выработала только систему и гармонію міра.

2. ІОНІЙСКАЯ ШКОЛА. (Физическая)
(основана въ Малой Азіи, въ Іонійскихъ колоніяхъ).

Эта школа старалась объяснить происхожденіе міра изъ первоначальной матеріи. Первымъ исходнымъ элементомъ у ней считался огонь, который, умирая, перешелъ въ состояніе холодной жидкости (воды), которая въ свою очередь сдѣлалась землей, а земля началомъ вещественнаго бытія. Но одни изъ послѣдователей этой школы признавали основную матерію *нераздѣльной единицей*, а другіе напротивъ утверждали, что она состоитъ изъ *смѣшенія началъ всѣхъ вещей*. Первые носятъ названіе *физико-динамиковъ*, а вторые *физико-механиковъ*.

α) Физико-динамики.

Θалесъ (Θαλῆς) *Милетскій.* (635—550 до Р. Хр.)

Его считаютъ основателемъ іонійской школы. Основнымъ элементомъ онъ считалъ *воду*, которая, вмѣстѣ съ астральными существами (демонами), положила будто-бы начало жизни земной. Онъ первый предсказалъ грекамъ солнечное затмѣніе и установилъ годъ въ 365 дней.

Анаксименъ (Ἀναξιμένης) (570—500 г. до Р. Х.)

Онъ не признавалъ никакихъ демоническихъ силъ, а принималъ за основное начало жизни, за душу міра, за причину всякаго жизненнаго процесса—*воздухъ*. Но это не былъ нашъ воздухъ, а нѣчто среднее между высшимъ эѳиромъ и земной атмосферою.

Діогенъ (Διογένης) *Аполлоній-скій.* Послѣдователемъ Анаксимена былъ и Діогенъ. Онъ принималъ воздухъ за душу всего міра; звѣзды по его мнѣнію, міровые органы дыханія, посредствомъ которыхъ міръ втягиваетъ, принимаетъ въ себя животворную силу изъ всецѣлаго, вѣчнаго, окружающаго ихъ *воздуха*. Относительно земли онъ полагалъ, что извѣстные элементы, ее составляющіе, сгустились отъ холода и образовали шаръ въ серединѣ міровой системы, а величайшія начала первичной сущности поднялись къ верху и составили животворное, блистательное солнце.

Гераклитъ (Ἡράκλειτος) *Эфесскій.* (около 500 г до Р. Х) Онъ признавалъ основнымъ элементомъ *огонь*; но не пламя, а существо, неограниченное, совершенное, живое, съ непреодолимой силой, недоступной нашему представленію. Онъ говорилъ, что этотъ *огонь*, это творящее существо, стремясь превращаться изъ одной формы въ другую, произвело по волѣ Зевса, (рока, необходимости), правящаго міромъ духа, весь существующій стихійный міръ.

Астральную область душъ, боговъ, какъ сферу невещественныхъ силъ, Гераклитъ, какъ и Пиѳагоръ, признаетъ во всей ея чистотѣ.

β). *Физико-механики.*

Анаксимандръ Милетскій. (около 600 г. до Р. Хр.) Онъ былъ ученикъ и другъ Ѳалеса. По его ученію первоначальное существо, изъ котораго произошелъ міръ, безконечно, какъ вѣчно производящее и питающее начало; но оно состоитъ изъ разнородныхъ элементовъ, началъ всего существующаго, которыя находились сначала въ смѣшеніи и представляли хаосъ; но потомъ однородные элементы соединились и тяжелые, холодные образовали центръ міра землю, а легкіе, теплые—небо. Анаксимандръ изобрѣлъ солнечные часы, снаряды для означенія солнцестояній и равноденствій, а также начертилъ видъ земли и моря.

Анаксагоръ (500—428, до Р. Хр.). Онъ былъ родомъ изъ Малой Азіи (гор. Клазоменъ), родители его были богатые и знатные люди; но сынъ ихъ не

захотѣлъ пользоваться своимъ блестящимъ положеніемъ среди согражданъ и сдѣлался философомъ. Онъ долгое время жилъ въ Аѳинахъ при Периклѣ и былъ наставникомъ и другомъ этого великаго демагога. По его ученію первичная матерія была мертва и находилась въ хаотическомъ состояніи, но высшее существо, разумъ, проникло въ этотъ хаосъ и образовало всѣ части міра. *Разумъ*, по понятію Анаксагора, есть начало всего, безпредѣльное, самовладѣющее, ни въ чемъ не смѣшанное, само по себѣ существующее, всемогущее и всезнающее. Но разумъ не сотворилъ элементовъ,—они существовали сами по себѣ, не имѣли начала, а только, соединивъ ихъ, привелъ въ порядокъ.

3. Элейская школа.

Въ гор. Элеѣ, въ Великой Греціи.

Ксенофанъ (Ξενοφάνης) *Колофонскій.* основатель школы (536 г. до Р. Хр.)

По его понятію существуетъ единое высшее существо, которое служитъ основою всего существующаго въ мірѣ. Многобожіе онъ отвергалъ на томъ основаніи, что если бы боговъ было много, то міръ не могъ-бы быть такимъ благоустроеннымъ, какимъ его видимъ теперь, потому что боги перессорились бы между собою и надѣлали бы страшныхъ безпорядковъ. Такимъ образомъ, по его мнѣнію, Богъ одинъ и вовсе не подобенъ смертнымъ, онъ ни ограниченъ, ни безконеченъ, всегда равенъ самому себѣ, есть чистый умъ, исполненный зрѣнія и слуха,—его можно представить въ видѣ шара, въ которомъ ограниченное соединяется съ безконечнымъ. Такимъ образомъ онъ возвелъ вселенную въ божество и положилъ начало пантеизму (всебожію).

Парменидъ. (500 до Р. Х).

По его ученію міръ исполненъ разума и мысли, то есть онъ училъ тому-же пантеизму. Происхожденіе земли объяснялъ соединеніемъ огня и влаги; а въ душахъ людей, по его понятіямъ, соединились всѣ четыре стихіи.

Эмпедоклъ. (450 л. до Р. Хр., изъ Агригента въ Сициліи).

Современники считали его божественнымъ, и онъ, чтобы скрыть свою смертность, бросился въ кратеръ Этны; но волканъ выдалъ его, выбросивъ изъ жерла сандаліи. Онъ былъ врачъ, философъ и поэтъ. Въ своемъ стихотворномъ сочиненіи «περὶ φύσειοω», изъ котораго дошли до насъ отрывки, онъ признаетъ основные четыре стихіи (ῥιζώματα)—землю, воду, воздухъ и огонь, изъ смѣшенія которыхъ, при содѣйствіи двухъ силъ—соединяющей и раздѣляющей, произошло все существующее. Душа, по его ученію, находится въ крови сердца, которая составлена изъ самаго совершеннаго смѣшенія основныхъ элементовъ.

Демокритъ. (460 г. до Р. Хр. изъ Абдеры, во Өракіи.

Онъ основалъ школу атомистовъ, которая учила, что единое сущее состоитъ изъ множества, раздѣлявшагося промежутками, и что по этому міръ образовался изъ различныхъ частицъ, угловатыхъ, кругообразныхъ, круглыхъ и пр. Частицы эти, по его мнѣнію, тверды, никогда не могутъ погибнуть. Онъ назвалъ ихъ атомами. Душа человѣка состоитъ также изъ атомовъ, огненныхъ частицъ, круглыхъ и гладкихъ, которыя въ безконечномъ множествѣ разсѣяны по всему тѣлу и воодушевляютъ его; движеніе ихъ случайно, а сближеніе есть слѣдствіе дѣйствія тяжести.

Софисты.

Софисты были преподавателями философіи за деньги и поэтому совершенно шли въ разрѣзъ съ древними философами, которые учили мудрости безкорыстно, единственно изъ желанія просвѣтить умы сограждамъ. Они являются просто практическими мудрствователями, которые гоняются за осязательной выгодой, открыто отрицаютъ божество и презрительно отзываются о добродѣтели, какъ о стѣсненіи человѣческой свободы. По ихъ ученію, право сильнаго является совершенно естественнымъ правомъ; поэтому въ государствѣ могутъ быть только притѣснители и притѣсненные.

Выдавая себя за людей всезнающихъ, они имѣли цѣлью научить своихъ слушателей умѣнью пользоваться обстоятель-

твами и выпутываться изъ бѣды діалектическими увертками. Послѣ Пелопоннесской войны вліянію ихъ подчинилась почти вся Греція: утратилась совершенно вѣра въ доброе, большая часть дѣйствовала только для удовлетворенія своихъ корыстныхъ, эгоистическихъ цѣлей. Такимъ образомъ опасность стала грозить не только добрымъ нравамъ Грековъ, но и самому ихъ существованію. Противъ софистовъ выступилъ Сократъ *).

Не смотря на то, что усилія его враговъ увѣнчались, повидимому, успѣхомъ, такъ какъ онъ былъ казненъ, но побѣда ихъ была только кажущаяся, потому что онъ успѣлъ уже посѣять благія сѣмена въ сердцахъ своихъ слушателей и учениковъ и они явились продолжателями его дѣла.

Изъ школъ, основанныхъ его послѣдователями, наиболѣе замѣчательны: «*Академическая*» и «*Перипатетическая*».

4) АКАДЕМИЧЕСКАЯ ШКОЛА.

основана въ Аѳинахъ.

Она была основана Платономъ **) и главной отличительной чертой ея является «идеализмъ». Идея, по ея ученію, есть нѣчто неизмѣняемое, въ которомъ заключается умъ, добро, правда,—однимъ словомъ идея-это Богъ. Душа человѣка, по ученію этой школы, есть нѣчто божественное и раздѣляется на 3 части: 1) ὁ νοῦς (ratio—разумъ) 2) ὁ θυμός (ira—гнѣвъ), 3) ἡ ἐπιθυμία (cupiditas—страсть). Всѣ помыслы человѣка о благомъ суть ничто иное, какъ воспоминаніе первоначальнаго пребыванія въ божественной сферѣ.

5) ПЕРИПАТЕТИЧЕСКАЯ ШКОЛА.

въ Аѳинахъ.

Основателемъ ея былъ Аристотель, родомъ изъ Стагиры. Онъ былъ ученикъ Платона, на 17-мъ году жизни прибылъ

Аристотель. (384—322 до Р. Хр. изъ Македоніи).

---

*) О томъ, каково было его ученіе и какимъ образомъ онъ противодѣйствовалъ софистамъ, можно составить ясное понятіе изъ сочиненій Платона „Апологія“ и „Критонъ“.

**) О немъ см. въ жизнеописаніяхъ.

въ Аѳины, гдѣ оставался до смерти Платона (347). Потомъ онъ былъ призванъ царемъ Филиппомъ въ воспитатели молодаго Александра; но чрезъ 12 лѣтъ онъ опять возвратился въ Аѳины, гдѣ занялся преподаваніемъ философіи въ тѣнистыхъ аллеяхъ Лицея.

Онъ училъ своихъ послѣдователей, прогуливаясь (περιπατέω) по аллеямъ, отсюда и произошло названіе «перипатетиковъ». Въ своихъ произведеніяхъ онъ обнималъ всѣ науки, извѣстныя древнему міру (именно: математику, механику, химію, физику, зоологію, медицину, политику и пр). Особенно обработалъ онъ ту часть философіи, которая извѣстна подъ названіемъ «логики».

Подъ конецъ своей жизни онъ подвергся придиркѣ со стороны Аѳинянъ, которымъ не нравилась его дружба съ Александромъ Македонскимъ. Они обвинили его въ безбожіи за то, что онъ похоронилъ свою умершую жену съ почестями, приличествующими только богамъ. Онъ удалился въ Халкиду, гдѣ и умеръ въ 322 году до Р. Х.

Добродѣтель, по ученію Аристотеля, есть избѣжаніе крайностей, стезя между противоположными недостатками. Богъ—совершеннѣйшій умъ, составляющій полноту бытія, цѣль всѣхъ стремленій къ предѣлу совершенства; но не могущій дѣйствовать для достиженія какихъ нибудь цѣлей, а всецѣло погруженный въ умственное созерцаніе самого себя.—Вся вселенная, по его понятіямъ, состоитъ изъ пяти элементовъ: изъ четырехъ (земля, вода, огонь и воздухъ), состоятъ всѣ земные предметы а изъ 5-го (эѳира) состоятъ небесныя тѣла.

Вообще ученіе этой школы основывается на «практическомъ» взглядѣ на вещи.

6) КИНИЧЕСКАЯ ШКОЛА.

(въ Аѳинахъ).

Изъ другихъ послѣдователей Сократа замѣчателенъ Антисѳенъ, основатель кинической школы.

Онъ проповѣдывалъ философію лишенія и самый про- *Антисфенъ*
стой, умѣренный образъ жизни. Онъ былъ бѣденъ; но гор- (424 г. до Р. Хр.)
дился своею бѣдностью такъ, что однажды, когда онъ дошелъ до неприличія и сталъ ходить въ грязномъ рубищѣ, хотя имѣлъ возможность одѣваться чисто, Сократъ замѣтилъ ему: «я вижу гордость сквозь дырья твоего плаща». Онъ училъ въ загородной гимназіи «Киносарга» (бѣлая собака), называвшейся такъ потому, что по сосѣдству сваливали кучи сору и тамъ, поэтому, было много собакъ. Послѣдователи этой школы еще превзошли своего учителя въ ригоризмѣ. Они отвергали всякое приличіе и всѣ удовольствія, стали ходить въ грязныхъ лохмотьяхъ, ѣли грубую пищу, спали на голой землѣ и т. п. *Діогенъ.*

Въ молодости своей онъ за поддѣлку фальшивыхъ денегъ (414—324 до Р. Хр. изъ
былъ изгнанъ изъ Синопа, отправился въ Аѳины и тамъ сдѣ- Синопа въ Малой Азіи.)
лался послѣдователемъ кинической школы. Онъ сталъ жить въ бочкѣ, питаться милостынею, ходить зимою босякомъ и разоблачать съ самымъ неограниченнымъ безстыдствомъ пороки современниковъ и свои собственные. Чтобы показать всю силу паденія тогдашнихъ грековъ, онъ искалъ между ними человѣка, ходя днемъ съ фонаремъ.

7) ШКОЛА КИРИНЕЙСКАЯ.

(въ Африкѣ, въ кол. Киренѣ).

Другой послѣдователь Сократа, Аристиппъ, основалъ школу *Аристиппъ.*
Киренскую, въ которой проповѣдывалось, что пріятныя ощу- (390 г. до Р, Хр.)
щенія есть высшее благо. Но, увлекаясь радостями жизни, они вмѣстѣ того, чтобы разумно соединить умственныя наслажденія съ физическими, впали въ самый матеріальный развратъ.

8) СТОИКИ.

(Въ Аѳинахъ.)

Основателемъ школы стоиковъ былъ Зенонъ, родомъ изъ *Зенонъ.*
Киттіона на Критѣ. Онъ жилъ долго въ Аѳинахъ гдѣ училъ (300 г. до Р. Хр).
своихъ послѣдователей подъ тѣнію портиковъ, со всѣхъ сто-

ронъ поддерживаемыхъ колоннами и называвшихся «στοά» (портикъ) откуда и названіе ихъ «стоики». По ихъ ученію Богъ и міръ составляютъ одно и тоже. Богъ есть только душа міра, движущая сила матеріи, всеобщій разумъ, виновникъ закона естественнаго, повелѣвающій доброе и воспрещающій все злое. Они полагали, что слѣдуетъ жить по здравому смыслу, такъ какъ онъ и составляетъ человѣческую природу. Основой всего ученія было то, что душевное спокойствіе можетъ быть достигнуто только отрѣшеніемъ отъ всякихъ внѣшнихъ удовольствій.

9) ЭПИКУРЕЙСКАЯ ШКОЛА.

(въ Аѳинахъ).

Эпикуръ. (340—271 г до Р. Хр,) (изъ Самоса).

Основателемъ этой школы былъ Эпикуръ, который тоже жилъ въ Аѳинахъ.

Онъ полагалъ, что душевное спокойствіе можетъ быть достигнуто устраненіемъ всякихъ скорбей тѣлесныхъ и душевныхъ; а такъ какъ, по его мнѣнію, причиною всѣхъ золъ является безнравственность, то и онъ самъ и послѣдователи его, хотя были атеистами, но отличались высокою нравственностью.

Душа, по мнѣнію эпикурейцевъ, есть ничто иное, какъ физическій предметъ, не имѣющій въ себѣ ничего божественнаго. Справедливость есть то, что для всѣхъ полезно, слѣдовательно она можетъ измѣняться, смотря по мѣсту и времени.

10) СКЕПТИКИ.

Продолжателями ученія Эпикура явились «скептики». Они утверждали, что справедливость сама по себѣ вовсе не существуетъ, потому что у каждаго народа она понимается различно и что часто неблагоразумно быть справедливымъ, что нѣтъ никакой разницы между добромъ и зломъ и что она просто выдумка людей.

ОБЪЯСНЕНІЕ РИСУНКОВЪ.

I. Греческіе Классики.

1) Өукидидъ.
2) Ксенофонтъ.
3) Геродотъ.
4) Аристофанъ.
5) Гезіодъ.
6) Еврипидъ.
7) Платонъ.
8) Эсхилъ.
9) Демосөенъ.
10) Софоклъ.
11) Гомеръ.

II. Римскіе Классики.

1) Горацій Флаккъ.
2) П. Вергилій Маронъ.
3) Титъ Ливій.
4) П. Овидій Назонъ.
5) Маркъ Туллій Цицеронъ.
6) Саллустій.
7) Юлій Цезарь.
8) Тацитъ.

III. Отдѣльныя Рисунки.

1) Маски Трагическія.
2) Маски комическія.
3) Маска безъ рѣчей.
4) Входные билеты.
5) Театральная репетиція.
6) Часть сцены изъ комедіи.
7) Актеръ исп. роль Геркулеса.
8) Сцена изъ комедіи.
9) Видъ Театра въ Сегестѣ.
10) Видъ Аспендскаго Театра.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ I. Греческій Эпосъ.

Отдѣлъ II. Греческая Драма.

Отдѣлъ III. Исторіографія.

Отдѣлъ IV. Римская Поэзія.

Часть вторая.

За неимѣніемъ возможности сдѣлать окончательную корректуру послѣднихъ листовъ, въ текстъ вкрались слѣдующія опечатки:

№ стр.	строка св.	сн.	напечатано.	должно быть
139	11		ἐίχες	εἶχες
,,	12		ἦρξεν	ἦρξεν
170	15		уцѣлевшія	уцѣлѣвшія
171	1		ποῦς	πούς
,,	,,		tactum	тактъ
,,	12		choraeus	choreus
,,	18		ἀναπέστους	ἀνάπαιστος
,,	21		πρῶτοις	πρώτοις
173		1	одинъ долгій или вмѣсто него два короткихъ: если одинъ долгій	одинъ слогъ или 2,—если одинъ
174	2		короткихъ	— —
,,	,,		in díssyllabam	in disyllabum
,,		2	senarus	senarius
,,		6 и 7	дактилическимъ пентаметромъ	анапестическимъ стихомъ
175		11	тактовъ	слоговъ
177	10		Алкманію	Алкману
179	11	9	logaëdici	logaoedici
,,		5	λογαήδικα	λογαοιδικά
180	5		хореямбъ	хоріамбъ
,,	13		bam	bum
181	15 } 3 7 }		sylabus	syllabus
,,	6		pra	pro
,,	12		стихотворѣніе	стихотвореніе
,,		6	на оборотъ	оборотъ
,,		7	достихической	дистихической
182	1		встрѣчающіеся	встрѣчающіяся

II

№ стр.	строка св. — сн.		Напечатано.	Должно быть.
182		12	verso	versu
183	1		versís	versibus
„		17	verso	versu
„		6	imperiosivs	imperiosius
„		7	sarinae	carinae
„		8	antennaequa	antennaeque
184	4		chorejambo	choriambo
130	14		οὖδέις ἀγεομητρητος εἰσίζω	μηδεὶς ἀγεωμέτρητος εἰσίτω

